

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РЕВАЗОВ

Михаил Аркадиевич

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЯЗЫКУ НОРМАТИВНЫХ
АКТОВ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

Научная специальность 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
кандидат юридических наук, профессор
Белов Сергей Александрович

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Оглавление	2
Введение	5
Глава 1. Нормативные акты и язык в правовой коммуникации	19
1.1. Место нормативных актов в правовой коммуникации.....	19
1.1.1. Правовая коммуникация	19
1.1.2. Понимание смысла текста как необходимый элемент коммуникации	28
1.2 Язык нормативного акта: особенности стилистики, терминологии и синтаксиса	33
1.2.1. «Язык нормативного акта»	33
1.2.2. Функции языка в праве	37
1.2.3. Стил ь языка нормативных актов	42
1.2.4. Специальная терминология	47
1.2.5. Соблюдение правил грамматики, орфографии и пунктуации ...	51
Глава 2. Требования к языку нормативных актов и их источники.....	57
2.1. Конституционный принцип равенства, требующий определенности текстов нормативных актов.....	57
2.1.1. Правовая определённость	57
2.1.2. Конституционный принцип равенства и правовая определённость	58
2.1.3. «Качество закона».....	61
2.1.4. Требование определённости в российском праве.....	62
2.1.5. Риски нарушения требования определённости.....	70
2.2. Конституционное требование обязательного опубликования понятных для адресатов нормативных актов	74
2.2.1. Официальное опубликование нормативных актов	74

2.2.2. «Презумпция знания закона» и «Презумпция понимания закона»	77
2.2.3. Зависимость понятности нормативного акта от языка его опубликования	84
2.3. Конституционное требование издания нормативных актов на государственном языке Российской Федерации	96
2.3.1. Государственный язык Российской Федерации	96
2.3.2. Нормы современного русского литературного языка	103
2.3.3. Соблюдение литературных норм при двуязычном региональном законодательстве.....	108
Глава 3. Применение требований к языку нормативных актов в нормотворчестве и судебной практике	111
3.1. Обеспечение соблюдения требований к языку нормативных актов в законодательном процессе	111
3.1.1. Юридическая техника	111
3.1.2. Лингвистическая оценка текста нормативных актов и их проектов.....	112
3.1.3. Анतिकоррупционная экспертиза проектов нормативных актов	114
3.2. Судебный контроль соблюдения конституционных требований к языку нормативных актов.....	124
3.2.1. Признание нормативных актов недействующими в силу неопределённости их положений.....	125
3.2.2. Судебный взгляд на проблему выявления содержания юридических текстов.....	136
3.2.3. Общий анализ проблем судебного толкования юридических документов с использованием словарей.....	165

3.2.4. Практика использования словарей судами на примере опыта высших судебных инстанций Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации.....	180
3.2.5. Использование словарей в деятельности Европейского суда по правам человека.....	195
3.2.6. Применение Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (за период с 2018 по 2023 годы)	204
3.2.7. Нарушение порядка издания и опубликования нормативных актов.....	207
Заключение.....	211
Библиографический список.....	217

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Актуальность данного исследования подтверждает проведенный масштабный анализ правоприменительной практики, который позволил выявить следующие проблемы, связанные с разработкой нормативных актов и их восприятием гражданами:

1. Использование в нормативных актах специальной терминологии делает их недоступными для понимания широким кругом лиц.

2. Действующее законодательство о государственном языке содержит ряд пробелов, которые создают ситуацию правовой неопределённости и не позволяют сформировать единообразную судебную практику. В том числе отсутствует комплексное закрепление норм современного русского литературного языка, что вынуждает суды произвольно определять их источники.

3. В нормативных актах нарушаются требования к употреблению специальной терминологии – одинаковые термины используются с разным смысловым наполнением.

4. Отсутствуют единые подходы к оценке способности граждан уяснить смысл юридического документа.

5. Использование толковых словарей предлагается в качестве универсального механизма, дающего всем возможность понять содержание нормативного акта или иного юридического документа. Но этот механизм не имеет единообразной практики применения и содержит ряд недостатков, описанных далее.

Причиной возникновения указанных проблем, которые представлены сегодня в правоприменительной сфере тысячами судебных актов, является отсутствие чётко сформулированных требований к языку нормативных актов, а также единого механизма проверки соблюдения этих требований.

Установление государственного языка выступает одним из инструментов осуществления государственной национальной политики, а

также способствует созданию единого коммуникативного информационного пространства. Но эффективное использование государственного языка невозможно путём простого закрепления за языком особого статуса.

Язык как система знаков коммуникации требует исследования в науке конституционного права, так как связь языка и права несомненна. Данная связь проявляется в различных аспектах. Язык одновременно является незаменимым средством осуществления правоотношений; элементом конституционно-правового статуса государственного образования; культурной ценностью; достоянием нации и народа, в том числе, многонационального народа Российской Федерации.

Особое внимание необходимо уделить государственному языку как элементу конституционно-правового статуса государства, поскольку без функционирования языка существование государства будет невозможным. Государственный язык Российской Федерации является объектом правового регулирования, о чем свидетельствует ряд нормативных правовых актов, принятых в 2005-2009 годах. Вопросы правового регулирования статуса государственного языка сегодня изучаются специалистами в области конституционного права.

Законотворчество является наиболее значимой из тех сфер, в которых использование государственного языка обязательно. Именно нормативные акты выступают основным средством донесения правовой информации до адресатов. Наиболее важно в этом процессе взаимопонимание субъектов правоотношений, которое является основой существования требований к языку нормативных актов, направленных на повышение уровня понятности нормативных актов для адресатов, на недопущение возникновения правовой неопределённости. Нормы, регламентирующие порядок использования государственного языка, создания нормативных актов и других юридических документов содержатся в различных актах, но в их основе лежат базовые правила, закреплённые на конституционном уровне. В связи с этим, стремление выявить не отдельные, а все основные конституционные

требования к языку нормативных актов представляется актуальным и значимым. При этом под конституционными требованиями к языку нормативных актов в данной работе понимаются требования, которые либо прямо сформулированы в положениях действующей Конституции, либо основаны на конституционных нормах (а их конкретное содержание выводится путём толкования с учётом их развития в законодательстве).

С каждым годом наблюдается постоянный рост числа издаваемых нормативных актов. В таких условиях существенное значение должно придаваться качеству текстов этих документов. Регулирование общественных отношений при помощи права возможно только в том случае, когда для всех субъектов таких правоотношений понятны нормы, зашифрованные в текстах нормативных актов. Это было очевидно всегда, что и объясняет давно возникший интерес к формированию требований к качеству законов, к их тексту и языку, на котором они написаны. Текстуальные дефекты нормативных актов не позволяют простым гражданам реализовывать свои права и должным образом исполнять обязанности. Правовая коммуникация становится невозможной по причине того, что члены общества не могут одинаково интерпретировать положения нормативных актов.

В рамках данного исследования были обобщены существующие взгляды на проблемы правовой коммуникации и языка нормативных актов, на место нормативных актов в правовой коммуникации. Особое внимание уделено анализу конституционных положений, которые содержат требования к языку нормативных актов. Значимым для исследования был анализ правоприменительной практики, в которой затрагивались самые разные аспекты, связанные с дефектами нормативных правовых актов, влекущих возникновение ситуации правовой неопределённости, с проблемами понятности текстов юридических документов для граждан и с особенностями применения норм, регламентирующих использование русского языка как государственного.

Степень разработанности темы исследования. Анализ специальной юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что различные аспекты рассмотренной в работе проблемы уже становились предметом исследований. Комплексный характер носят преимущественно труды по юридической технике, но проблема языка нормативных актов и требований к тексту нормативных актов затрагивается в них лишь частично в соответствии с направленностью данных исследований. Вопросы происхождения таких требований обычно не рассматриваются. В других работах авторы обращаются лишь к отдельным требованиям, которые предъявляются к языку нормативных актов, при этом, сами труды обычно носят характер либо теоретического исследования, либо анализа возникающих в практической сфере проблем. В рамках изучения природы правовой коммуникации авторы редко затрагивают проблемы языка нормативных актов и способы повышения уровня понятности нормативных актов для адресатов. Сложно обнаружить и работы, которые были бы основаны на анализе сопоставимого числа правоприменительных актов, принятых по вопросам, связанных с темой исследования.

Отдельные теоретические аспекты данной темы нашли своё отражение в работах: А. В. Полякова, И. Л. Честнова, М. В. Антонова, С. С. Алексеева, Н. И. Грязина, Р. Иеринга, Д. А. Керимова, А. С. Пиголкина, А. А. Ушакова.

Сегодня проблему конституционных требований к языку нормативных актов в своих работах затрагивают: А. Ю. Алаторцев, Л. М. Базавлук, С. А. Белов, Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев, Е. М. Доровских, В. В. Елистратова, Т. С. Садова, Д. В. Руднев, А. В. Червяковский, А. Н. Шепелёв.

Связь языка и права была также затронута в трудах М. А. Осадчего¹, Р. Р. Палехи², В. В. Сорокина³ и других. Среди диссертационных исследований

¹ Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М., 2018. 254 с.

² Палеха Р. Р. Правовая коммуникация в механизме правового воздействия // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2020. С. 225-229.

³ Сорокин В. В. Язык и право // Юрислингвистика, 2020. № 15 (26). С. 5-7.

последних лет можно упомянуть работы А. А. Парфёнова⁴ (затрагивает вопросы коммуникации в праве), Р. М. Хайруллиной⁵ (рассматривает проблемы опубликования нормативных актов на государственных языках республик в составе Российской Федерации), Е. А. Дербышевой⁶ (основное внимание уделяет изучению принципа правовой определённости, особого внимания заслуживает рассмотрение данного принципа как источника требования ясности), Е. В. Пирмаева⁷ (подробно рассматривает теоретические вопросы, связанные с судебным толкованием юридических документов).

В зарубежной литературе вопросы качества языка законов, подходы правоприменителей к проблеме понимания нормативных актов рассматриваются такими авторами как: Robert K. Rasmussen, Samuel A. Thumma, Jeffrey L. Kirchmeier, William N. Eskridge, Nicholas S. Zeppos, Thomas M. Cooley, Dennis R. Klinck и другими. Анализ работ этих учёных позволил в сравнительном ключе отразить ряд представленных в работе аспектов.

Объектом исследования выступают конституционные требования к языку нормативных актов.

Предметом исследования выступает обеспечение эффективной коммуникации при помощи конституционных требований к языку нормативных актов.

Цели и задачи исследования:

Целью исследования является выявление основных конституционных требований к языку нормативных актов, определение их содержания, выявление правоприменительных проблем реализации данных требований.

В соответствии с целью исследования были определены задачи, решение

⁴ Парфенов А. А. Правовая коммуникативная компетенция как содержание правосубъектности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Калининград, 2020. 25 с.

⁵ Хайруллина Р. М. Принятие и опубликование законов республик в составе Российской Федерации на государственных языках республик и опубликование федеральных законов на государственных языках республик: конституционное правовое исследование: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Казань, 2021. 26 с.

⁶ Дербышева Е. А. Принцип правовой определённости: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 238 с.

⁷ Пирмаев Е. В. Судебное толкование: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Пенза, 2019. 30 с.

которых составляет содержание данной работы:

1. Конструирование содержания конституционных требований к языку нормативных актов;
2. Разработка концепции обеспечения коммуникационной эффективности нормативных актов через конструирование требований к их изданию;
3. Выявление конституционных положений, содержащих требования к языку нормативных актов;
4. Установление содержания конституционных требований к языку нормативных актов с учётом их особенностей и выполняемых ими функций;
5. Анализ судебных споров, возникающих при несоблюдении требований к языку нормативных актов.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена общенаучными (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, прогнозирование), частнонаучными (конкретно-социологический, статистический) и специальными (формально-юридический, правовое моделирование) методами познания, традиционно применяемыми в отечественной юридической науке. В основу исследования заложены анализ актуальных научных работ по тематике, связанной с предметом данного исследования, анализ правоприменительной практики, в первую очередь судебных решений, в которых рассматривалась проблема соблюдения требований к языку нормативных актов и понятности этих актов их адресатам, выявление противоречий в судебной практике, нормативном регулировании и научной литературе, анализ этих противоречий и предложение способов их разрешения, анализ современного российского законодательства о государственном языке.

Эмпирическую базу исследования составили решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также решения Конституционного Суда РФ, в которых затрагивались следующие вопросы: применение судами толковых словарей для определения смысла спорных слов и выражений;

применение норм Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее – Закон о государственном языке, Закон № 53-ФЗ)⁸; установление судами нормативно закреплённых норм современного русского литературного языка, которые нужно учитывать в сферах обязательного использования государственного языка; анализ понятности «юридического языка» для граждан; использование в нормативных актах термина «газон»⁹; использование судами словарей для толкования юридических документов. Отбирались преимущественно решения, вынесенные после 2009 года, так как в этот период Министерством науки и высшего образования РФ (далее – Минобрнауки РФ) был утверждён список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации. Анализ во многом учитывал и то, как активно суды применяют данный «Список». Мониторинг правоприменительной практики по указанным вопросам носил сплошной характер – анализировались все решения, представленные в соответствующих базах данных, выявленные по поисковым запросам. Поиск релевантных судебных решений проводился с использованием доступных в указанных базах данных инструментов. Всего было проанализировано свыше 2500 судебных решений, в работе представлены наиболее показательные примеры. Подробнее с результатами проведённых мониторинговых исследований можно ознакомиться на портале Санкт-Петербургского государственного университета «Мониторинг правоприменения» в сети Интернет⁹.

Кроме отечественной правоприменительной практики была проанализирована практика судов США по вопросам понятности нормативных актов и толкования их положений при помощи толковых

⁸ О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199.

⁹ Портал СПбГУ «Мониторинг правоприменения» [сайт]. URL: <https://pravoprim.spbu.ru> (дата обращения: 14.07.2022).

словарей. Преимущественно использовалась практика Верховного суда США за последние 10 лет.

Научная новизна исследования выражается в том, что впервые в современной юридической науке на общетеоретическом уровне сделана попытка сформулировать ключевые конституционные требования к языку нормативных актов, основанные на анализе природы нормативных актов как одного из видов правовых текстов. При этом конституционные положения рассмотрены как источники требований к языку нормативных актов, такой подход редко можно встретить в научной литературе. Предпринята попытка обратить внимание на практическую сторону проблемы несоблюдения требований к языку, для чего, с одной стороны, был проведён анализ механизмов устранения языковых дефектов нормативных актов на этапе их разработки, с другой стороны, анализ тех споров, которые возникают в правоприменительной практике.

Научная новизна работы выражается также в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Единообразное понимание содержания нормативного акта его адресатами выступает необходимым условием возникновения эффективной правовой коммуникации на основе такого акта. Это касается как первоначальной передачи информации от законодателя неопределённому кругу адресатов нормативного акта, так и последующего взаимодействия между адресатами нормативного акта. При этом единообразное понимание не отождествляется с одинаковым пониманием, которого достичь практически невозможно. Адресаты нормативного акта могут воспринимать его не одинаково, но в пределах определённых границ, формируемых целью закрепления нормативного положения. Нечёткость таких границ или невозможность их определения приводят к ситуации правовой неопределённости.

2. В основе нормативного закрепления порядка использования государственного языка в нормативных документах лежит конституционный

принцип равенства и требование обязательного опубликования нормативных актов, из которых вытекают требования определённости текста нормативного акта и понятности его адресату. Особенностью понимания источников указанных требований в российском праве является их обусловленность конституционным принципом равенства. В свою очередь, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в основу подобных требований закладывает принцип верховенства права.

3. Конституционное требование издания нормативных актов на государственном языке направлено на повышение уровня понятности нормативных актов для адресатов. Государственный язык здесь выступает универсальным средством коммуникации в многонациональном государстве. Реализация этого требования невозможна без утверждения в установленном порядке источников норм современного русского литературного языка.

4. Понятность нормативного акта, опубликованного на государственном языке РФ, для граждан РФ является презумпцией. Сам факт опубликования нормативного акта не может означать, что содержание акта понятно его адресатам. Акт, написанный с многократным использованием сложных узкоспециализированных терминов и конструкций (на юридическом языке), оказывается непонятным для большинства адресатов. Стремление достичь юридической точности не должно ставить под угрозу понятность нормативного акта, так как в этом случае достижение точности становится бессмысленным. Это заключение справедливо и для попыток упрощения языка нормативных актов за счёт отступлений от юридической точности. Баланс между понятностью и точностью должен достигаться за счёт использования при написании нормативных актов естественного языка. Специальные юридические термины и конструкции должны включаться в текст в тех случаях, когда это единственный способ избежать возникновения правовой неопределённости. Непонятность юридических терминов для граждан может быть компенсирована наличием специальных толковых словарей и разъяснений нормативных актов со стороны специалистов в

области юриспруденции. Всё это позволит сделать максимально предсказуемым для граждан результат применения нормативных актов.

5. Особенности языка и разный уровень подготовки граждан делают неизбежным возникновение ситуаций, в которых требуется устанавливать содержание нормативного акта, правильное его понимание. Анализ правоприменительной практики российских и зарубежных судов показал, что толковые словари выступают очень удобными инструментами, которые предоставляют эффективные средства для начала процесса определения смысла использованных в юридическом документе слов и выражений. Благодаря словарям адвокаты и судьи обладают дополнительными инструментами для более точного определения смысла слов уже с учётом контекста. Отказ от учёта контекста приводил бы к тому, что лица, ответственные за отправление правосудия, слишком сильно полагались бы на автора словаря. При этом обилие словарных источников с различающимся содержанием делает необходимым разработку механизма применения словарей для толкования нормативных актов. В первую очередь такой механизм необходим правоприменительным органам. Учёт этого механизма законодателем в нормотворческом процессе позволит существенно повысить доступность содержания правовых актов их адресатам. Решение подобных проблем должно происходить в тесном сотрудничестве юристов и лингвистов.

6. Конституционные положения о закреплении за русским языком статуса государственного языка в России, а также о возможности в республиках в составе России придавать статус государственного языка иным языкам создали предпосылки к созданию многоязычных нормативных актов. В развитие конституционных норм действующее российское законодательство предусматривает ряд случаев, когда может устанавливаться региональный государственный язык, и когда региональный язык используется для опубликования нормативных актов. Это опубликование является дополнительным к опубликованию акта на русском языке, но опубликование нормативных актов на государственных языках субъектов

может носить при этом как информационный характер, так и влечь за собой юридические последствия, связанные со вступлением акта в силу. Таким образом, российское законодательство предусматривает возможность существования двуязычного законодательства на уровне субъектов РФ. Такое опубликование актов на нескольких языках следует законодательно разделить на две группы – опубликование актов в целях дополнительного информирования (не влияет на юридическую силу акта) и официальное опубликование нормативных актов на двух и более языках. Это также потребует нормативного закрепления процедуры разработки нормативных актов на нескольких языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что работа содержит ряд теоретических разработок, связанных с изучением таких вопросов как понятие и роль правовых текстов, язык правовых текстов и их функции в рамках правовой коммуникации.

В работе предпринята попытка выявить основные конституционно-правовые требования к языку нормативных актов и раскрыть их содержание. Анализ правоприменительной практики позволил установить ключевые языковые дефекты нормативных актов, возникшие из-за несоблюдения конституционных требований к языку нормативных актов и порождающие конфликты в правовой сфере. Выводы и рекомендации, сформулированные в настоящем исследовании, могут быть использованы в правоприменительной практике и в теоретических исследованиях по вопросам требований, предъявляемых к языку нормативных актов, а также в нормотворческой деятельности.

В работе проведен комплексный анализ понятия «язык нормативных актов» и основных конституционных требований, которые предъявляются к языку при его использовании для создания нормативных актов. Полученные выводы основаны на изучении отечественной и зарубежной научной литературы, действующего законодательства различного уровня, правоприменительной практики российских и зарубежных судов,

Европейского суда по правам человека, что делает их актуальными для научных работников, законодателей и правоприменителей. Совокупность результатов исследования представляет собой формулирование базовых конституционно-правовых требований к языку нормативных актов, которые должны учитываться законодателями и правоприменителями. Полученные результаты могут быть использованы для конкретизации требований к языку нормативных актов в законодательстве.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждалась на кафедре конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета. Основные положения диссертационного исследования были представлены на обсуждение в рамках российских и международных научных и научно-практических конференций, которые проводились с присутствием представителей различных органов государственной власти, практикующих юристов и учёных. В частности, принято участие в следующих конференциях:

1. Научно-практическая конференция «Практика осуществления мониторинга правоприменения и результаты правоприменения по отраслям законодательства» (Санкт-Петербургский государственный университет, 25 ноября 2016 г.);
2. Ежегодная научно-практическая конференция по мониторингу правоприменения (Министерство юстиции РФ, 1 июня 2018 г.);
3. Международная научно-практическая конференция «Языковая политика в России и мире» (г. Москва, 6 декабря 2019 г.);
4. VI Форум ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и Франции «Информационные технологии и гуманитарные науки» (г. Москва, 30-31 января 2020 г.);
5. Международная объединенная научная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2020) (Национальный исследовательский университет ИТМО, 17-20 июня 2020 г.);

6. Международная научно-практическая конференция «Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах» (г. Санкт-Петербург, 18 мая 2021 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях

1. Монографии

1.1. Белов С. А., Кропачев Н. М., Ревазов М. А. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, М. А. Ревазов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 240 с.

1.2. Белов С. А., Кропачев Н. М., Ревазов М. А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Государственный язык России: нормы права и нормы языка / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, Л. А. Вербицкая. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 96-120.

2. Статьи

2.1. Белов С. А., Кропачев Н. М., Ревазов М. А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Закон, 2017. № 3. С. 103-115.

2.2. Белов С. А., Кропачев Н. М., Ревазов М. А. Мониторинг правоприменения в СПбГУ // Закон, 2018. № 3. С. 67-74.

2.3. Белов С. А., Ревазов М. А. Теория и практика толкования юридических документов судами с использованием словарей // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 4-26.

2.4. Ревазов М. А. Язык опубликования нормативных актов: проблемы двуязычия регионального законодательства и пути их решения // Вопросы этнополитики, 2020. № 2. С. 54-67.

2.5. Ревазов М. А. Конституционные требования к языку нормативных актов // Журнал конституционного правосудия, 2020. № 1. С. 26-31.

2.6. Blinova O. V., Belov S. A., Revazov M. A. Decisions of Russian Constitutional Court: lexical complexity analysis in shallow diachrony // CEUR

Workshop Proceedings. Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» (IMS-2020) /Radomir V. Bolgov, Andrei V. Chugunov, Alexander E. Voiskounsky (eds.). 2021. P. 61-74.

2.7. Ревазов М. А. Буквальное толкование юридических документов в российской судебной практике // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. Международная научно-практическая конференция. СПб.: Первый класс, 2021. С. 33-50.

2.8. Ревазов М. А. Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов // Закон, 2023. № 1. С. 176-189.

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе преподавания дисциплин «Конституционное право» и «Основы конституционного права» в Санкт-Петербургском государственном университете, преподавания дисциплины «Конституционное право» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, участия в проекте Санкт-Петербургского государственного университета «Научно-исследовательский институт проблем государственного языка».

Структура диссертации обусловлена предметом, целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из семи параграфов, заключения и библиографии. Все главы и параграфы выстроены в четкой логической последовательности, позволяющей раскрыть тему исследования.

Глава 1. Нормативные акты и язык в правовой коммуникации

1.1. Место нормативных актов в правовой коммуникации

1.1.1. Правовая коммуникация

Термин «коммуникация» наиболее часто определяется как социальное явление, возникающее между людьми и имеющее смысловой аспект¹⁰. Существуют основания говорить о возможности существования коммуникации не только между людьми, но в рамках данной работы будет рассматриваться именно правовая коммуникация в человеческом обществе.

Можно встретить разные подходы к пониманию коммуникации, к примеру, А. Ю. Бабайцев выделяет четыре вида коммуникаций, из которых наибольший интерес представляет мыслекоммуникация¹¹. Она структурно состоит из шести элементов:

1. Двух и более участников, наделённых сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, например, языка. Отправитель сообщения (создатель текста) – коммуникатор (адресант), а получатель сообщения – реципиент (адресат);
2. Ситуации или ситуаций, которые они стремятся осмыслить и понять;
3. Сообщений (текстов), выражающих смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы;
4. Мотивов и целей, делающих тексты направленными, то есть побуждающими субъектов обращаться друг к другу и взаимодействовать;
5. Процесса материальной передачи текстов;
6. Восприятия (интерпретации) сообщения (текста), отражаемого в поведении реципиента.

Отдельное внимание в юридической литературе уделено вопросам правовой коммуникации и, соответственно, роли нормативных актов в этом

¹⁰ Поляков А. В. Право и коммуникация // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб.: ИГ «Юрист», 2003. С. 104.

¹¹ Бабайцев А. Ю. Коммуникация // Постмодернизм. Энциклопедический словарь. Минск, 2001. С. 372.

процессе¹². Указание на то, что язык права или юридический язык выполняет коммуникативную функцию или конструктивную функцию можно увидеть достаточно часто¹³. Именно с помощью языка передаётся и закрепляется правовая информация, которая облекается в форму правового текста.

Идеи правовой коммуникации давно разрабатываются в немецкой философии права учёными, среди которых В. Кравиц, Н. Луман, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер и другие. Значительное внимание развитию идей о роли коммуникации уделено и в отечественной правовой мысли. В первую очередь следует обратиться к трудам А. В. Полякова, автора коммуникативной теории права. Его работы вызывают большой интерес в научном сообществе, а высказанные идеи становятся предметом обсуждений в очных и заочных дискуссиях. Стоит особо отметить и вклад И. Л. Честнова, М. В. Антонова, Е. В. Тимошиной в развитие коммуникативного подхода.

Структура правовой коммуникации, с точки зрения именно передачи информации, представлена субъектами и содержанием. Субъекты - это те, кто передают и, соответственно, кто принимают информацию. Иными словами, это адресант и адресат. Когда речь идёт о нормативных актах, под адресантом нам следует понимать лицо, обладающее законодательными полномочиями, и реализующее их путём издания нормативных правовых актов. Адресатом будет являться неопределённый круг лиц, так как отличительной особенностью нормативных актов является неопределённость, неконкретность адресата.

Для правовой коммуникации важнейшим является восприятие передаваемой информации. Упорядоченность правовой информации гарантирует единообразное восприятие и понимание ее содержания всеми участниками правовой коммуникации - понимание адресатом текста информации должно совпадать с тем смыслом, которой в него вложил ее

¹² Макушина Е. Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения // Вестник Челябинского университета. Сер. 9. Право, 2004. №1. С. 142; Лазарева В. В. Интегральное правопонимания в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика, 2008. № 5. С. 10; Архипов С.И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал, 2008. № 6. С. 9.

¹³ Пиголкин А. С. Язык закона: черты, особенности // Язык закона. М., 1990. С. 22.

адресант. На этапе лингвистической экспертизы проекта нормативных актов происходит проверка его текста на соответствие нормам русского языка либо языка, на котором он принимается (издаётся), а также проводится оценка на его соответствие стилистическим требованиям к составлению нормативных актов, включая требования правил юридической техники. Нормотворческий процесс считается завершенным после официальной публикации текста нормативного акта и вступления его в силу, что и инициирует процесс коммуникации, основанной на данном акте. Содержанием коммуникации выступает информация, которая передаётся с помощью языковых средств. Иногда отмечают, что язык правовых актов – это государственный язык Российской Федерации – русский язык, региональные государственные языки, а также родные языки коренных малочисленных народов РФ. Это утверждение можно оценить как не совсем верное. Язык правовых актов – это не просто государственный язык, это более сложное явление.

«Правовую коммуникацию можно определить как осмысленное взаимодействие субъектов, опосредованное правовыми текстами. Текст раскрывает свой смысл, становится источником права только тогда, когда имеются интерпретирующие его социальные субъекты, способные этот смысл понять и воплотить его в своём поведении»¹⁴. Обычно акцент делается именно на взаимодействии субъектов, при этом «роль текста, который стал основой для данной коммуникации часто остаётся за рамками анализа»¹⁵. Происходит это из-за стремления обосновать и рассмотреть коммуникативную природу права, но именно текст опосредует возникающую коммуникацию.

А. В. Поляков выделяет следующие элементы коммуникации: любая коммуникация возможна только между субъектами, носителями социального смысла и социальными деятелями; коммуникация основывается на наличии текстов, подлежащих интерпретации; коммуникация представляет собой не

¹⁴ Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций / А. В. Поляков; 2-е изд., учеб. СПб., 2003. С. 278; Коммуникативная концепция права: вопросы теории: Обсуждение монографии А. В. Полякова / Вступ. слов. А. В. Полякова. СПб, 2003. С. 7-9.

¹⁵ См. например: Попов В. И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности, 2020. № 2. С. 19-22.

просто усвоение какой-либо текстуальной информации субъектами, но и последующее взаимодействие между ними на основе полученной информации¹⁶. Особое внимание здесь уделяется тому, что правовое значение текст получит только тогда, когда на его основе субъекты начнут действовать соответствующим образом. Но это лишь финальная стадия коммуникации, именно текст необходим для её возникновения.

Для целей данного исследования правовой текст будет рассматриваться как текстуальный источник и в первую очередь как нормативный акт, содержащий обязательные правила поведения и выполняющий функцию регулирования отношений между различными субъектами. Существование правовых текстов будет связываться с их языковой формой, так как информация в правовом тексте изложена с помощью специальной знаковой системы – языка. Многие исследователи справедливо отмечают, что право не сводится к языковым или текстовым формам, мир права более разнообразен¹⁷. Кроме языковых форм право существует и в неязыковых формах. Эти неязыковые формы могут найти самое различное воплощение. Это могут быть различные указатели и знаки, специальные символы и так далее. При этом в любой из форм мы можем наблюдать систему информации, создание, передача и сохранение которой представляет собой правовое регулирование¹⁸. Однако основной формой закрепления правовой информации выступает язык¹⁹. Более того, не оспаривая существование неязыковых форм, можно отметить, что им предшествует норма, закреплённая в языковой форме. Например, А. А. Ушаков отмечал обязательность именно такой последовательности²⁰. Это мнение можно признать справедливым, так как без первоначальной договорённости членов общества о том, что будет означать тот или иной знак, символ или табличка, между ними не будет единства в

¹⁶ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 9.

¹⁷ Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 29-31.

¹⁸ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М., 2012. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Ч. 1, 2. Пермь, 1967. С. 78.

понимании таких неязыковых форм. Правовое содержание будет понятно, только если изначально найдёт своё отражение в текстовой форме.

Отождествлять право только с письменными текстами, даже с законами и другими нормативными актами неверно. Правильно замечено, что право возникает не по велению законодателя. Это не значит, что у законодателя нет своей роли в создании права – он конструирует правовые тексты, в числе которых нормативные акты, отражающие ценности центральной зоны культуры и интерпретируемые как социально значимые правила поведения – этим законодатель стимулирует возникновение права²¹. Именно законодательство закрепляет в установленном порядке права и обязанности субъектов, ответственность. Так, И. Л. Бачило, разделяя закон и право, выделяет три подхода к их соотношению:

1. Право рассматривается как виртуальное представление о справедливом, ожидаемом, возможном установлении порядка взаимодействия акторов социальной системы социума;

2. Оценка нормативного воплощения права в законе на основе реализации принципов правосознания участниками законотворчества и одновременно исполнителями закона;

3. Оценка адекватности практического применения позитивного права и состояния «живого права» - действующего права как реального социально-политического феномена.

При этом позитивное право представлено в действующих актах, нормах законодательства и формах его применения, реализуется в поведении участников правоотношений. В свою очередь, в рамках коммуникативного аспекта права акцентируется внимание на вопросах правового языка – языка законодателя, толкователя, эксперта, пользователя правовой информации²².

С появлением правовых норм часто связывается возникновение, изменение либо прекращение правоотношений. Здесь правовые тексты –

²¹ Коммуникативная концепция права: вопросы теории: обсуждение монографии А. В. Полякова. С.132-133.

²² Бачило И. Л. Право и закон: инфокоммуникативный аспект // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2013. №. 4. С. 43-45.

источники нормы, выступают предпосылкой этих правоотношений. На этом основании письменный правовой текст можно определить как составленный и принятый по установленной форме уполномоченным лицом источник юридических норм, с которыми связывается возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и правовых обязанностей или установление полномочий. Нередко можно встретить разделение на нормативные и индивидуальные правовые акты или более сложные классификации.

Важная роль правовых текстов в процессе юридической коммуникации состоит и в том, что на них основано осуществление различных юридических процедур. Результатом и показателем эффективности юридической коммуникации может являться правомерное либо противоправное поведение субъектов права. Данный вывод основан на той идее, что через правовые тексты происходит опосредованное и прямое воздействие на адресатов акта. Под правовым воздействием «понимается сложное явление, в предмет которого входят такие экономические, политические, социальные отношения, которые не регулируются правом, но на которые оно, так или иначе, распространяет свое влияние»²³.

Марк Ван Хук отмечает, что право по своей сути основано на коммуникации, например, между законодателем и гражданами²⁴. Не следует сводить коммуникацию только к взаимодействию между указанными субъектами, хотя такой позиции придерживаются не все исследователи. Институт правовой коммуникации может определяться и как система принципов и методов коммуникации между именно государством и обществом. Такая коммуникация осуществляется правовыми средствами и имеет правовые последствия²⁵. При этом подходе основная роль в правовой коммуникации отводится именно нормативным актам, исходящим от государства. Зачастую правовое общение в современном обществе сводится к

²³ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 306.

²⁴ Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 20.

²⁵ Халиулин В. Е. Правовая коммуникация как основа становления и функционирования гражданского общества // Вестник Саратовской государственной академии права, 2007. № 6 (58). С. 23.

законодательному закреплению прав и обязанностей, что позиционируется как ступень в развитии права от правового обычая к правовому закону²⁶. Более широкий взгляд на участников коммуникации включает в их число всех индивидов как субъектов права, а также производных от них социально-правовых субъектов²⁷.

Комплексный подход в изучении действия права с позиции коммуникативного правопонимания представил А. В. Поляков. Он выделяет три стадии действия права. Первая стадия - правовое моделирование – заключается в создании текстуальных правовых моделей. Вторая стадия действия права – когнитивное конструирование самой правовой нормы. Такому конструированию предшествует информационное и ценностное воздействие правового текста на социальных субъектов. Для этого необходимо доведение до всех адресатов содержания правовых текстов. Сегодня в отношении нормативных актов для этих целей используется процедура опубликования актов. Однако для возникновения актуальной нормы права содержащееся в тексте когнитивное правило должно получить социально-ценностное значение и социально-функциональное подтверждение. На третьей стадии действия права правовые отношения переходят в активную форму. На этом этапе появляются вторичные правовые тексты, которые корректируют смысл первичной когнитивно-текстуальной нормы, уточняют его. В итоге норма права возникает в результате перевода когнитивно-текстуальной (коммуникативной) правовой нормы на социальный уровень, и только при своей социальной легитимации и функциональном действии последняя получает законченное правовое значение и трансформируется в актуальную норму права (коммуникативную норму)²⁸.

В этом механизме на себя обращает внимание сразу несколько моментов, которые нельзя рассматривать отдельно. Норма должна быть

²⁶ Графский В. Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2013. №. 4. С. 33.

²⁷ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. С. 354.

²⁸ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. С. 26-33.

текстуально сконструирована, доведена до адресата, понята адресатом, на основе такого понимания адресаты должны выстраивать своё поведение. Даже отмечая, что норма права появляется только тогда, когда субъекты начинают действовать определённым образом, нельзя забывать о том, что информационным источником поведения выступает текст, который был воспринят этими субъектами. Если допустить, что они различным образом поняли смысл текста, то и взаимодействовать на его основе не получится. А если текст был воспринят единообразно, то субъекты смогут взаимодействовать, но результат их взаимодействия войдёт в противоречие с тем смыслом, который пытался заложить законодатель – в таком случае текст выпадает из этого порядка действия права, неверное понимание заложенного законодателем смысла разорвет связь этого текста с тем поведением, которое строится на основе его неверного восприятия адресатами. В праве всегда присутствует невидимый план, который раскрывается посредством толкования, применительно к нормативным актам – это смысловое наполнение, заложенное законодателем²⁹.

А. В. Поляков настаивает на том, что право представляет собой результат социальной саморегуляции, осуществляющейся через первичные и вторичные правовые тексты, как следствие непрерывного процесса коммуникации. В результате общество отбирает тексты, которые получают значение текстов правовых³⁰. Эта мысль требует дополнительных оговорок. Подразумевается, что в рамках правового государства общество через государство отбирает тексты, которым придаёт значение правовых, так появляются нормативные акты. В результате маловероятно, что новый правовой акт будет отвергнут обществом. В противовес можно смоделировать ситуацию, связанную с актом государства, который исходит от стоящих у власти сил, пытающихся навязать свою волю остальным. В этом случае повышается риск того, что общество не будет следовать положениям такого

²⁹ Исаев И. А. Теневая сторона закона: иррациональное в праве. М., 2014. С. 23.

³⁰ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. С. 10.

акта. При этом А. В. Поляков отмечает, что самоорганизация невозможна без коммуникации, то есть без отбора необходимых и должных вариантов социальных отношений, укрепления и упорядочивания связей и взаимодействий между людьми, выработки общих средств такой связи, без норм, ценностей, идеалов, объективирующих их текстов, языковых кодов для их трансляции³¹.

«Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут без какого бы то ни было принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство»³². В этой идее Ю. Хабермас отразил значимость единообразного понимания нормы как непосредственно взаимодействующими субъектами, так и третьей стороной, для которой должен быть очевидным смысл поведения других. Право – явление социальное, и любые социальные действия, в том числе правовые, должны быть понятны всем представителям социума, иначе они утрачивают своё социальное значение³³. А. В. Поляков отмечает, что любая коммуникация представляет собой соединение и баланс личного и сверхличного (общественного, социального). С одной стороны, в коммуникацию вступает отдельный индивид, но обратной стороной взаимодействия оказываются другие лица. Причём связь между ними и одним лицом опосредуется социальными институтами, объективированными в виде различных текстов, которые должны быть поняты и восприняты ими³⁴. В основе самого права лежит единство внутреннего понимания того, что необходимо делать, и самого действия. «Любое взаимодействие предполагает одинаковое понимание того, что следует делать, и ожидание того, что другой

³¹ Поляков А. В. Право, государство, коммуникация // Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб., 2003. С.18.

³² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 179.

³³ Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Правоведение, 2014. № 5 (316). С. 33.

³⁴ Поляков А. В. Российская идея «возрождённого естественного права» как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев в. Л.И. Петражицкий) // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2013. №. 4. С. 119.

субъект взаимодействия будет такие действия осуществлять»³⁵.

Право существует на различных уровнях, в том числе на уровне социума и государства. И на всех этих уровнях право не возникает само по себе, по указанию кого-либо. «Любой юридический закон представляет собой текст. Но текст как знаковая система отсылает к другой реальности, которую он означает, репрезентирует. При этом текст раскрывает свой смысл, становится правовым текстом и источником права только тогда, когда имеются интерпретирующие его социальные субъекты, способные этот смысл понять и воплотить в своём поведении»³⁶.

Правовые тексты являются составной частью средств юридической коммуникации наряду со сведениями юридического характера, которые содержатся в текстах газет, комментариев и иных источников информации. Правовая информация доносится до субъектов правоотношений посредством применения инструментов правовой коммуникации (например, за счет опубликования нормативных правовых актов в официальных источниках, их размещения в информационно-правовых системах), и эта информация должна быть должным образом воспринята адресатами.

1.1.2. Понимание смысла текста как необходимый элемент коммуникации

Любая коммуникация всегда опосредуется текстом, который подразумевает существование адресатов текста. Эти адресаты должны понять смысл текста, выявить его ценность и использовать такой текст как основу для последующего взаимодействия. Коммуникация считается состоявшейся, только если указанные процессы произошли³⁷. «Для возникновения права важно не только происхождение правового текста, но и знание специального кода, позволяющего общепризнанным способом определять правовое и

³⁵ Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов В. Л., Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение, 2013. № 6 (311). С.84.

³⁶ Антонов М. В., Поляков А. В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 218.

³⁷ Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права, 2008. № 1. С.15.

неправовое, права и обязанности адресатов и действовать соответствующим образом»³⁸.

В. Кравиц отмечает существование элементарной единицы нормативной коммуникации – процесса трёхступенчатой селекции, в котором информация, сообщение и понимание соединяются в эмергентной единице права. Все три указанных компонента должны быть равны друг другу, только в таком случае происходит правовая коммуникация. Он рассматривает эту схему на примере законодателя. Так, законодатель постановляет закон тем, что фиксирует необходимую для этого нормативную информацию в форме суждения «если... то»; публикует закон по принятой форме, а именно сообщает и адресует его тем, кого он касается. Независимо от того, как произведена фактическая и нормативная информация, она нуждается не только в сообщении, но и в понимании. Правовая коммуникация возможна только на основе понимания³⁹. Здесь следует отметить важный момент, который состоит в том, что в рамках коммуникации, возникающей между законодателем и адресатом нормативного акта, наблюдается односторонний поток информации. Обратные запросы к законодателю от адресата нормативного акта невозможны.

В связи с этим следует обратить внимание на то, благодаря чему достигается понимание смысла нормативных актов их адресатами. Простой констатации того, что нормативный акт для всех одинаков внешне, недостаточно. И. П. Фарман в основу понимания закладывал язык, текст, диалог как универсальные способы общения и базисные принципы культуры и человеческого существования⁴⁰.

Основное место в процессе понимания занимает язык. Текст формируется на основе языка, также, как и диалог, который основывается на тексте, но невозможен без языка. В юридической литературе можно встретить

³⁸ Там же. С.19.

³⁹ Кравиц В. Современное право и система права в перспективе теории коммуникации // Российский ежегодник теории права, 2011. № 4. С. 179.

⁴⁰ Фарман И. П. Модель коммуникативной рациональности (на основе социально-культурной концепции Юргена Хабермаса) // Рациональность на перепутье. Кн. 1. С. 288.

три подхода к определению роли языка. Во-первых, язык воспринимается как инструмент общения, то есть средство коммуникации. Во-вторых, язык определяется в качестве средства выражения своих мыслей. В-третьих, язык рассматривается как сфера, которая определяет направление развития и характер мыслительной деятельности, а также характер межсубъектных коммуникаций⁴¹.

В отечественной правовой мысли отмечается тенденция ко всё большему пониманию коммуникативной природы права и соответственно – ко всё большему «языкоцентризму». Роль языка в структуре коммуникации заключается не просто в том, что язык выступает средством выражения и доведения до адресатов воли законодателя, но и в том, что он является основной формой бытия права⁴².

Р. Кёнинг, в свою очередь, обращает внимание на то, что нормативно-правовая коммуникация связана не с языком или с писанным текстом как средством коммуникации – коммуникация основывается на межличностном поведении, в котором изначально укоренены и продолжают укореняться нормы. Сама же правовая коммуникация постоянно проходит через зависимые процессы дифференциации, передачи и понимания информации⁴³.

Г. Прованшер, рассматривая проблему коммуникации в праве отдельно от идей А. В. Полякова, М. Ван Хука и других авторов, приходит к выводу о том, что язык — это общий фундамент, который гарантирует возможность коммуникации вообще. «Но языковые структуры не всегда позволяют точно и без потерь передать информацию. Тем более что её кодировка отправителем и декодировка получателем в немалой степени зависят от контекста, в котором находятся отправитель и получатель»⁴⁴.

⁴¹ Сорокина Ю. В. Язык и правовая коммуникация // История государства и права, 2016. № 5. С.32.

⁴² Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 2006. С.17.

⁴³ Громицарис А., Кравиц В., Федделер К. Правовая коммуникация в современной правовой системе // Правоведение, 2013. № 6 (311). С.76-77.

⁴⁴ Антонов М. В. Право и коммуникация. Рецензия на книгу: Provencher G. Droit et communication: liaisons constates. Reflexions sur la relation entre la communication et le droit. Bruxelles: E.M.E., 2013. 204 p.// Правоведение, 2014. №4 (315). С. 274.

Вопросам языка нормативных актов при обсуждении проблем правовой коммуникации уделяется недостаточно внимания. Обычно авторы сосредоточивают своё внимание на самой природе коммуникации, рассматривая место нормативных актов в структуре коммуникации, констатируя лишь их существование. На этом фоне выделяется работа А. В. Полякова о языке нормотворчества и вопросах юридической техники⁴⁵. Необходимо отметить несколько важных для данного исследования позиций, высказанных в ней. Во-первых, язык выступает средством коммуникации, существующим в рамках текстов. На этом основании делается вывод о том, что нормы права возможны только при наличии текста, фиксирующего обязательные правила поведения. Во-вторых, правовой текст предполагает у субъектов наличие способности понять и оценить его смысл, на основе которого они будут действовать. В-третьих, уяснение смысла правового текста является необходимым элементом любой юридической деятельности, а толкование правовых текстов следует рассматривать как индивидуальный интеллектуальный процесс, направленный, в том числе, на уяснение смысла текста.

Всегда предполагается существование адресатов способных понять смысл правового текста. Но это идеальная ситуация, для достижения которой необходимо не просто создать текст, а создать его определённым образом, с ориентацией на адресата, без текстуальных дефектов. Создатель нормативного акта всегда должен учитывать, что акт должен быть понятен его адресату. «В ином случае на уровне правового поведения субъект - адресат либо будет игнорировать его, либо искать способы правомерного или противоправного его обхода»⁴⁶.

В итоге следует отметить, что право — это не закон, сам нормативный акт ещё не является правом. М. Ван Хук справедливо указывает на то, что возникновение права не может представлять собой односторонний процесс:

⁴⁵ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. С. 362-382.

⁴⁶ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. С. 366.

«граждане – выборы – парламентское законодательство – судебное применение»⁴⁷. Законодатель создаёт текст, в том числе нормативный акт, который должен вобрать в себя ценности, воспринять которые должны адресаты акта. Принять эти ценности, модели поведения, могут только те адресаты, которые смогли понять акт, выявить его смысл, что даст им возможность начать действовать в соответствии с ним. А. Росс в рамках подобных рассуждений провёл разграничение между директивами и нормами, на которые далее в своих работах опирался Э. Паттаро⁴⁸. Директивами он назвал язык, лингвистическое выражение, при помощи которого кто-то приказывает сделать нечто. При этом директива всегда остаётся директивой независимо от следования ей. А норма – это поведение, образец поведения, который исполняется потому, что он воспринимается как обязательный, и это исполнение не зависит ни от каких директив⁴⁹. Но директива и норма не полностью самостоятельные понятия. Можно говорить и о том, что директива может стать нормой, если она будет должным образом воспринята и положена в основу поведения. Если же субъекты будут следовать директиве лишь под угрозой наказания, то норма не возникнет.

Нормативный акт следует рассматривать как внешнее выражение нормы права, закрепление её с помощью языковых средств. Норма закона для нормы права выступает «её знаковой оболочкой, текстом, который не имеет непосредственного правового значения до тех пор, пока он не пройдёт сквозь голову субъекта, то есть не будет воспринят, интерпретирован и оценен таким образом, чтобы служить правилом, которому субъект обязан подчиняться»⁵⁰. На этом строится разделение на материальное в праве, сами нормативные акты, и идеальное – интерпретация и легитимация правовых текстов, осознание субъективных прав и обязанностей⁵¹. Невозможно легитимировать

⁴⁷ Ван Хук М. Право как коммуникация // Правоведение, 2006. № 2 (265). С. 54.

⁴⁸ Ross A. Directives and norms. New York: Humanities Press, 1968.188 p.

⁴⁹ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение, 2006. № 2 (265). С. 38.

⁵⁰ Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. С. 11.

⁵¹ Там же. С 24.

непонятый текст.

Изложенное даёт основания говорить, что существование нормативного акта сегодня часто выступает необходимым условием правовой коммуникации. Такая позиция основывается на идее о том, что общество отбирает для себя «правильные» варианты поведения, которые через государственные механизмы закрепляются в виде положений нормативных актов. Эти акты лежат в основе взаимодействия субъектов общества. Но для этого субъекты должны понять акт, выявить эти «правильные» варианты поведения. Если нормативный акт непонятен адресату, то он не может являться основой для выбора субъектом определённого варианта поведения. Нормативный акт — это текст, он создаётся с использованием языковых средств, которые и должны быть понятны адресатам акта. Понятен должен быть сам язык акта, а также очевидным должен быть смысл, который законодатель в него вкладывал. Созданию текста нормативного акта, как и любого иного текста, предшествует идея, которую автор текста в него пытается поместить⁵². Вопрос языка нормативного акта заслуживает отдельного рассмотрения.

1.2 Язык нормативного акта: особенности стилистики, терминологии и синтаксиса

1.2.1. «Язык нормативного акта»

Язык и право – это два явления, которые встретились уже достаточно давно. Язык, появившийся в форме устной речи, использовался для непосредственного общения между людьми. С развитием человеческого общества расширялось и число сфер, в которых язык стал необходимым элементом. Устной формы оказалось недостаточно для выполнения тех задач, для решения которых начал использоваться язык. Это стало толчком для появления письменной речи или письменности, что позволило удобнее предавать и сохранять информацию. Регулирование отношений между

⁵² Каргина Е. М. Интонационная структура текста как самостоятельной единицы коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета, 2020. № 1 (435). С. 71.

людьми оказалось одной из тех сфер, где был активно задействован язык, в том числе в письменной форме. Письменная правовая норма в сравнении с устным способом закрепления норм отличалась гораздо большей стабильностью и единообразием применения. Появление первых письменных документов, содержащих правовые нормы, учёные относят к Древнему миру. Так, Законы двенадцати таблиц датируются V веком до н.э., а Законы Хаммурапи – XVIII веком до н.э. На сегодня значение языка в сфере права постоянно возрастает, что делает изучение этого вопроса более чем актуальным. Стиль языка правовых текстов, требования к такому языку – это крайне важные вопросы. В правовой сфере недопустимы неточности и ошибки при использовании языковых средств, так как даже незначительный на первый взгляд дефект может привести к серьёзным последствиям при применении несовершенного правового акта. В свою очередь, качество правовых текстов повышает защищённость членов общества, способствует укреплению репутации законодателя и уровня доверия населения государству. «Нарушение логики закона, неточность его формулировок, неопределённость использованных терминов порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и энергии и вместе с тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять. Чем совершеннее текст закона, тем меньше вызовет он затруднений при его реализации. Именно поэтому стиль и язык – основа законотворчества»⁵³.

Изучение сущности правовых текстов неминуемо приводит нас к проблеме языка этих текстов и правил его использования. При создании юридических документов необходимо использовать правила юридической техники. Следование этим правилам должно позволить сформировать у адресата документа то понимание его смысла, который стремился передать автор. Важную роль в этом играет сам язык, который используется при

⁵³ Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М.: Юридическая литература, 1991. С. 89.

создании юридических документов. Можно говорить о том, что существует значительное число обращённых к тексту юридического документа требований, касающихся языка этого текста. Вопрос о понятии языка правового текста и, в частности, юридического текста, и юридико-технических правилах его подготовки всегда был актуален и рассматривался в различные исторические эпохи.

Одним из первых мыслителей, сформулировавших требования к разработке законов, является Шарль Луи Монтескье. Из его труда «О духе законов», написанного в XVIII веке, следует, что слог законов должен быть сжатым и простым, необходимо использовать общепонятные понятия и понятные непрофессионалу выражения⁵⁴.

Философы права и юристы в XX в. продолжили дискуссию на тему языка закона. Е. В. Васьковский считал, что закон должен быть не только справедливым, но и целесообразным – то есть наиболее должен соответствовать условиям, при которых он издается, и приводить к лучшим последствиям от его принятия⁵⁵. Для достижения такого результата необходимо в том числе должным образом сформулировать положения закона с точки зрения их языка.

Философ права Л. Фуллер в известном труде «Мораль права» сформулировал общие и формальные требования к закону. Он писал, что закон должен распространять свое действие на всех без исключения (иметь признак всеобщности), быть доведенным до всех, не иметь обратной силы, быть понятен для всех независимо от их профессиональных компетенций и уровня образования, а также должен быть исполнимым и реально действующим⁵⁶.

Вопрос терминологии сегодня остаётся предметом активных дискуссий в юридической литературе. Часто используемый термин «язык права» не является устоявшимся. Сегодня в литературе нет единого общепринятого термина, который бы обозначал язык, используемый при создании правовых

⁵⁴ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 651-654 // Электронная библиотека «Платонанет» [Электронный ресурс]. URL: <https://inlnk.ru/NDDKп> (дата обращения 06.07.2022).

⁵⁵ Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов: Практическое пособие. М., 1997. С. 84-86.

⁵⁶ Фуллер Л. Л. Мораль права. пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М., 2007. С. 51-52.

текстов. Различные авторы употребляют понятия «юридический язык», «язык права», «правовой язык». Используются также термины «язык закона» и «язык юриспруденции». Наиболее часто встречается термин «юридический язык». То есть существует сразу несколько терминов, обозначающих одно и то же. Хотя некоторые авторы всё же находят различия в содержании этих понятий. Например, Н. И. Власенко указывает на отличительные особенности «языка права» и «правового языка». Так, «язык права» — это лексикон закона, иных нормативных правовых актов и актов официального толкования. При этом, язык права как бы «погружен» в правовой язык и обогащается им. В свою очередь, под правовым языком понимается правовой лексикон, весь словарный запас юриспруденции, то есть вся система терминов, понятий, слов и словосочетаний, которыми оперирует право во всех его проявлениях⁵⁷.

А. Н. Шепелёв определяет «юридический язык» как уникальное правовое явление, основанное на взаимосвязи языка и права, представляющее собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях регулирования взаимоотношений субъектов в юридической жизни общества⁵⁸.

На многообразие используемых терминов со схожим содержанием указывает и Л. М. Базавлук⁵⁹. Он отмечает, что в литературных источниках язык закона обозначается различными терминами: язык законодательных, нормативных актов; юридический, законодательный язык; государственный язык; официальный язык. При этом предпочтение он отдаёт термину «язык закона».

Ю. Ю. Кулакова определяет язык права в качестве «формы выражения и познания подлинной реальности, отражающей правовую систему общества, в условиях которого он функционирует»⁶⁰. Как видим, указанное понятие

⁵⁷ Власенко Н. А. Язык права. С. 14-15.

⁵⁸ Шепелёв А. Н. Теория юридического языка // Правовая политика и правовая жизнь, 2015. № 2. С. 142-143.

⁵⁹ Базавлук Л. М. Язык закона как особый юридический язык // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. № 4 (73). С.145.

⁶⁰ Кулакова Ю. Ю. Язык права // Юридическая техника, 2007. № 1. С.218 – 219.

основывается на рассмотрении языка права с точки зрения теории и философии права.

В итоге большинство авторов сходятся на том, что язык права или юридический язык обладает собственной спецификой, которая обусловлена выполняемыми им функциями, и выражается, в том числе, в стилистических особенностях языка. Кроме этого, можно сделать вывод, что, даже не упоминая это прямо, большинство авторов выделяют подстили юридического языка, которые они связывают с тем, для создания какого письменного текста используется юридический язык. Отдельно указывается и на то, что юридический язык используется и в устной речи, а не только для создания письменных документов. Исходя из выявленной содержательной близости указанных понятий, в данной работе они будут использоваться как синонимичные. Встречаются споры о том, является ли текст нормативных актов специальным из-за его особенностей. В некоторых случаях ему отводится промежуточное положение между специальными и неспециальными текстами⁶¹.

1.2.2. Функции языка в праве

В научной литературе выделяют достаточно большое число функций, которые язык выполняет в сфере права. Некоторые авторы отталкиваются от тех функций, которые выполняет язык в любой сфере, перенося их на правовое поле. К примеру, Белоконов Л.В. указывает на функцию языка как транслятора культуры, соответственно, язык права будет являться транслятором правовой культуры⁶².

Филологи указывают, что на уровне языка права находит своё отражение структура общества за счёт идеализации и концептуализации общественных отношений⁶³.

⁶¹ Шарафутдинова О. И., Поповская В. И. Текст закона: специальный vs неспециальный // Вестник Челябинского государственного университета, 2020. № 12 (446). С. 175.

⁶² Белоконов Л. В. Культура языка и язык права // Юридическая техника, 2016. № 10. С. 577.

⁶³ Летучина Т. А. Институциональные характеристики судебного дискурса как разновидности дискурса юридического (на материале французского языка) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та, 2012. № 10(643). С.199.

В отдельных работах отмечается, что любая сфера, связанная с процессом идеализации, предполагает формирование специфического логико-категориального аппарата, направленного на эффективное выражение отражаемых процессов, явлений и норм, то есть речь идёт о формировании терминологической базы⁶⁴.

Кунина М.Н. делает акцент на нескольких требованиях к языку. Во-первых, регламентация социальных процессов должна быть ясной. Во-вторых, должно соблюдаться требование систематичности и всеобщности языка права. В-третьих, язык права, в том числе используемые термины, должен быть понятен тем, кому адресованы правовые тексты, эти термины не должны быть слишком сложными для понимания членами общества, не имеющими специального образования⁶⁵.

Существование особого языка права сегодня мало кем оспаривается. В то же время в отношении структуры юридического языка в литературе представлено несколько различных мнений⁶⁶.

В зависимости от сферы использования языка выделяют язык правотворчества, язык правоприменительной практики, технико-языковые средства распространения правовой информации, язык научной и учебной юридической литературы, государственный язык⁶⁷.

Схожий подход, связанный со сферой использования языка, демонстрирует в своих работах и П. Сандрини⁶⁸. Он дифференцирует три типа юридических текстов: тексты правотворчества, тексты осуществления правосудия и административные тексты. Ещё одной вариацией такого подхода можно назвать позицию А. Н. Шепелёва, который выделяет язык закона, язык правовой доктрины, профессиональную речь юристов, язык процессуальных

⁶⁴ Кунина М. Н. Институциональный характер языка права // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2017. № 1 (35). С. 199-200.

⁶⁵ Там же. С. 200.

⁶⁶ Ахметова С. В. Язык судебных документов // Юридическая наука, 2017. № 3. С. 18.

⁶⁷ Морозова Л. А. Язык и право // Право: сб. учеб. программ. М., Юрист, 2001. С. 108.

⁶⁸ Мушнина М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 23.

актов, язык договоров⁶⁹.

С. В. Ахметова, называя в качестве критерия уровень правовой системы (нормативный, деятельностный, идеологический), говорит о трёх сферах функционирования языка – правотворчество, правоприменение, включая договорную деятельность, и правовая доктрина. Другим критерием, который она обозначает, могут выступать стилистические особенности языка, функционирующего в той или иной сфере. В такой классификации язык нормативных правовых актов имеет определенное стилистическое единство, а язык правоприменения распадается на язык документов (составляемых как государственными органами, так и частными лицами) и устную речь юристов⁷⁰.

Подобных классификаций можно привести ещё достаточно много. Одни авторы отводят на первый план подстили юридического языка. Другие – обращаются к стилистическим особенностям юридического языка. М. Л. Давыдова выделяет два функциональных стиля – законодательный подстиль и обиходно-деловой подстиль (язык иных юридических документов)⁷¹.

Большинство авторов при этом сходятся в том, что качество нормативных правовых актов имеет крайне существенное значение. Поэтому язык таких актов не должен иметь дефектов точности, понятности, правильности и иных подобных недостатков. Это важно и в аспекте того, что текст нормативного правового акта часто цитируется в правоприменительных актах, профессиональными юристами в их деятельности и простыми гражданами.

Рассуждая о функциях языка в праве, указывают и на то, что язык сам обладает некоторыми функциями, схожими с функциями права. Например,

⁶⁹ Шепелев А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шепелев А.Н. Тамбов, 2002. С. 14.

⁷⁰ Ахметова С. В. Язык судебных документов // Юридическая наука, 2017. № 3. С. 19.

⁷¹ Давыдова М. Л. К вопросу о стиле языка права // Юрислингвистика – 11: право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 2011. С. 73. Автор выделяет и четыре уровня юридического языка - язык нормативных правовых актов, язык правоприменительных иных индивидуальных актов, профессиональная речь юристов, язык правовой доктрины.

язык выполняет функции, связанные с регулированием поведения людей, то есть язык выступает в качестве регулятора общественных отношений, в чем, как известно, и состоит суть права⁷². Е. Н. Атарщикова отмечает, что принятые формы употребления слов иногда определяют и формы поведения людей. Этот аспект связи языка и права затрагивает проблемы культуры и психологии людей⁷³.

Известный социолог П. Бергер определял язык как «систему словесных знаков»⁷⁴. При этом язык он называл «хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям». В своих работах П. Бергер указывал на разные функции, который выполняет язык в социальном пространстве⁷⁵. Ряд из них сохраняют свою значимость и тогда, когда речь идёт о языке в праве. Он отмечал, что язык содержит объективации и категории, необходимые для конструирования социальной реальности, а также средства объективации нового опыта; легитимирует и объясняет социальную реальность; содержит объективации социальных институтов; подтверждает индивидам реальность повседневной жизни; дает выход за пределы реальности повседневности⁷⁶.

Юридический язык является разновидностью научного языка и обладает особыми признаками. К таким признакам можно отнести обобщенность; абстрактность; последовательность; использование особого понятийного аппарата и языковых конструкций. Наличие указанных признаков, с точки зрения Р. Иеринга, является причиной низкой доступности и понятности для широкого круга лиц текстов законов. По его мнению, для облегчения субъектного восприятия норм права необходимо их количественное и

⁷² Атарщикова Е. Н. Интегративная функция правовой культуры в развитии языка и права // Юрислингвистика, 2004. № 5. С. 181.

⁷³ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965. С. 256-260.

⁷⁴ Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 64.

⁷⁵ Леонова Е. П. Социальные функции языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2011. № 10. С. 129.

⁷⁶ Бергер П. Там же. С.69, 100-115, 125, 249.

качественное упрощение. Соответственно, количественное упрощение достигается за счет уменьшения количества издаваемого нормативного материала, качественное – за счет средств юридической экономии и сведения нормативного материала к простым составным частям⁷⁷.

Современные исследователи также отмечают, что необходимо различать функции языка, которые он выполняет в любых сферах и функции языка в праве. Так, язык выполняет общественные функции по формулированию мыслей (конструктивная функция) и функции по передаче сообщений и общению (коммуникативная функция)⁷⁸, функции воздействия на адресата⁷⁹. При этом в праве языку эти функции также присущи, но появляются и другие, свойственные именно использованию языка в правовой сфере. Когда говорят о языке нормативных правовых актов, отмечают, что через такие акты происходит воздействие на сознание людей, им сообщается модель правильного поведения и делается попытка стимулирования такого поведения. Такую функцию языка называют функцией долженствования, то есть через язык происходит воздействие на сознание людей с целью вызвать их должное поведение⁸⁰. При этом в сознании людей создаются идеальные образы, примеры для подражания⁸¹.

Язык выступает именно тем средством, которое позволяет создать правовое регулирование, с помощью языка выражаются и фиксируются правовые предписания в правовом тексте. Такой правовой текст приобретает вид юридического документа. То есть отличительной особенностью языка закона является то, что он позволяет норму права облечь в форму юридического документа, который станет источником правовой информации. В основе любого юридического текста лежат слова, словообразования и грамматические предложения⁸². Язык права представляет собой своеобразную

⁷⁷ Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. С.-Петербург, 1905. С. 28 – 33

⁷⁸ Базавлук Л. М. Язык закона как особый юридический язык // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. № 4 (73). С. 146.

⁷⁹ Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 2015. С. 18.

⁸⁰ Базавлук Л. М. Там же. С. 147.

⁸¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 175, 185.

⁸² Власенко Н. А. Язык права. С.18.

систему лексических и грамматических средств выражения, которая выполняет коммуникативную функцию в данной среде общения⁸³.

1.2.3. Стиль языка нормативных актов

Юридические документы можно условно разделить на следующие группы: нормативные акты; правоприменительные акты; соглашения; иные документы. При создании разных юридических документов проявляются свои особенности и требования, которые сложились, прежде всего, исторически. Наиболее значимым для данного исследования юридическим документом является нормативный акт. Именно к этому виду юридических документов предъявляется максимальное число требований, так как он обладает признаками общеобязательности – он должен обеспечивать точное соблюдение единых правовых требований и является основой правового регулирования.

Надлежащее составление правового акта, его лингвистическое наполнение и соблюдение правил грамматики и стилистики, помимо соблюдения требований юридической техники, должно обеспечить его понимание всеми гражданами, однозначное толкование норм права и, как следствие, нормальную деятельность государства, которая включает в себя единообразное применение нормативных актов. Выявление требований к составлению нормативных актов позволит выработать правила их формирования и оформления.

Необходимо определиться со стилем языка, так как с ним связывается определенная функциональная направленность речи и используемые языковые средства. Язык правового текста существует не как самостоятельно возникшее явление. Он всегда формируется на базе литературного языка, но приобретает особые черты, которые связаны функциями самого права – с регулированием отношений в обществе.

⁸³ Елистратова В. В. Современный юридический язык: взаимосвязь языка и права // Язык и мир изучаемого языка, 2016. № 7. С. 16.

Прежде всего такие приобретенные особенности проявляются в стилистике языка правового текста. К языку предъявляются требования точности, ясности, понятности и логичности, то есть, необходимо достигать максимальной точности изложения информации с использованием языковых средств. А. А. Ушаков обращал внимание на то, что законодатель в своей деятельности сталкивается с особой языковой стилистикой, и это то поле, где законодатель может проявить своё мастерство⁸⁴. Это мастерство может выражаться в грамотном и умелом использовании приёмов, правил и средств юридической техники, в соблюдении тех требований, которые обращены к тексту нормативного акта. Только таким образом можно в тексте нормативного акта зафиксировать информацию, которая должна обладать высокой степенью формализации, ясностью, понятностью и недвусмысленным содержанием. С. С. Алексеев говорил о юридическом языке, «особенностями которого являются императивный стиль изложения, определенность и точность мысли»⁸⁵.

В настоящее время существуют различные стили современного литературного языка, различающиеся по своей функциональности: разговорный, научный, художественный, публицистический, официально-деловой. Наибольшую точность излагаемой информации и понятность ее для окружающих может обеспечить официально-деловой язык. Официально-деловой язык не предполагает использование изобразительно-выразительных средств и приемов, позволяет четко выразить мысль даже без использования специальной терминологии. Тем не менее, анализ изданных за последние годы нормативных актов позволил выявить использование их разработчиками научного и публицистического стилей. Преимущественное использование официально-делового языка при написании нормативных актов объясняется и предопределяется их природой – направленностью на регулирование общественных отношений.

⁸⁴ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. ч. 1, 2. Пермь, 1967. С 14.

⁸⁵ Алексеев С. С. Государство и право: учеб. 3-е изд., пере-раб. и доп. М., 1996. С. 146.

Основными чертами, которыми обладает официально-деловой стиль языка, применительно к написанию нормативных актов являются: нейтральность; упрощение и фундированное использование языковых средств; устойчивость применения грамматических и синтаксических средств; однородность структуры построения нормативных актов, использование фраз-клише. В связи с этим можно выделить подстиль официально-делового стиля – стиль языка закона.

Исходя из анализа нормативных правовых актов и практики их применения выделяют характеристики, которые присущи стилю языка нормативных актов:

Во-первых, это последовательность изложения нормативного акта. При написании текста нормативного акта необходимо учитывать основные законы логики. В нормативном акте должно присутствовать непротиворечивое внутреннее содержание, которое не может меняться по его тексту. При этом при написании нормативного акта необходимо, во избежание нарушения закона тождества, воздерживаться и от логического противоречия другим нормативным актам – регулирование одного казуса в одном акте не может не быть тождественным регулированию этого же казуса в другом акте. Во избежание конфликта нормативных актов в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ установлено, что законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции РФ, федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам (часть 3 статьи 76), законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам (часть 5 статьи 76). Логические законы исключенного третьего и достаточного основания также должны учитываться при создании текста нормативного акта. Следует также удерживаться отождествления различных понятий.

Таким образом, текст нормативного акта должен быть логически связным и не должен входить в коллизию с иными нормативными актами.

Во-вторых, системность изложения. Положения нормативного акта должны быть согласованы. При этом часть нормативного акта не должна

восприниматься отдельно от целого. Системность акта предполагает взаимодействие и связанность всех его частей.

В-третьих, лаконичность. В стилистическом плане язык закона не предполагает использование средств, позволяющих усилить художественную выразительность текста, например, гиперболы, сравнения и метафоры. Текст акта не должен содержать изложение научных дискуссий, рассуждений и эмоциональных высказываний. Лаконичность предполагает и использование коротких предложений, что обеспечивает понятность текста нормативного акта.

В-четвёртых, абстрактность. Законы не должны быть казуистичными – вдаваться в детали общественных отношений. Казуистика и неспособность обобщить социальные отношения и разработать для них универсальное регулирование говорит о низком уровне законодательной техники⁸⁶. В отличие от законов подзаконные акты, например, такие как инструкции, правила, порядки, должны детализировать положения законов. Абстрактность изложения акта имеет морфологические особенности – употребление абстрактных имен существительных, отглагольных существительных и прилагательных, страдательных причастий, глаголов в повелительном наклонении и редкое употребление личных местоимений.

В-пятых, использование единого понятийного аппарата. Данная характеристика касается как специальной юридической терминологии (например, сервитут, реституция, истец и др.), так и иной принятой в обществе либо в какой-либо профессиональной сфере терминологии (например, технические понятия). Единство понятийного аппарата обеспечивается в том числе принятием норм-дефиниций. Под нормами дефинициями в литературе понимается краткое определение какого-либо понятия, включающее его характеристики в сжатой или обобщающей форме⁸⁷. Введенная одним нормативным актом норма-дефиниция должна учитываться при создании всех

⁸⁶ Борисов Г. А. Теория государства и права: учебник. Белгород, 2007. С.115-118.

⁸⁷ Берченко А. Я. Еще раз о проблеме права и закона // Журнал российского права, 1999. № 3-4. С. 80.

других нормативных актов. Если невозможно в другом акте избежать использования термина в ином значении, обязательно должна быть определена сфера действия такого толкования понятия (например, только в этом нормативном акте и связанных с ним подзаконных актах).

Из изложенного следует, что стиль языка нормативных актов характеризуется последовательностью, системностью, лаконичностью и употреблением единого понятийного аппарата. Правильное применение правил юридической техники с учетом особенностей лексики, синтаксиса и морфологии языка закона, требований к тексту позволит обеспечить точность и понятность нормативных актов.

Анализ языковых требований, предъявляемых к стилю юридических документов, изложенных в нормативных актах, позволяет прийти к выводу о его формальности, категоричности, последовательности и краткости. Например, Постановление Госстандарта РФ от 3 марта 2003 г. № 65-ст устанавливает единые требования к подготовке организационно-распорядительных документов, Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденная приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 3, устанавливает требования к составлению судом процессуальных документов и оформлению судебных дел. Тем не менее, формализация стиля языка закона не должна препятствовать восприятию правового текста широким кругом лиц.

Доступность правового текста, его единообразное толкование и применение обеспечивается соблюдением правил орфографии, грамматики, синтаксиса при его составлении, а также учётом требований юридической техники⁸⁸. Правила юридической техники предписывают четко определять предмет правового регулирования, последовательно и лаконично излагать текст нормативного акта, соблюдать единство формы и содержания нормативного акта.

⁸⁸ Сафина С. Б. Стиль и язык конституций: региональный аспект // Вестник ВЭГУ, 2013. № 2 (64). С. 66.

1.2.4. Специальная терминология

Отдельно рассмотрим вопрос использования специальной терминологии в тексте нормативных правовых актов.

Как уже отмечалось, праву присуще терминологическое разнообразие. Слова и словосочетания, используемые в юридическом тексте – в законе (ином нормативном акте), в индивидуальном правовом акте, отличаются тем, что они выражены в определенной – юридико-лингвистической форме, часто в форме терминов⁸⁹. Слова и термины в данном случае понимаются как синонимы. Вместе с тем такая специальная терминология в науке выступает инструментом, позволяющим повысить уровень точности и ясности изложения информации. Одна из основных сложностей здесь представлена тем, что многие термины не являются словами, используемыми исключительно в определённой научной сфере. Чаще всего это слова, которые взяты из обычного, естественного языка и которые получили своё уникальное значение в рамках конкретной сферы. Эту особенность специальных терминов должны учитывать все, кто работают с правовыми текстами. Нельзя допускать подмены значений используемого термина – придавать ему то значение, которое закреплено за этим же словом при использовании его в других сферах жизни.

Нормативные правовые акты адресованы неограниченному числу лиц, в связи с этим они должны быть общедоступны для понимания и иметь точное и недвусмысленное значение. Тем не менее даже использование общеупотребительных слов в контексте нормативного правового акта может вызвать затруднения в его применении, а порой термины становятся понятны лишь ограниченному кругу лиц⁹⁰. Это связано с тем, что в современном языке словам свойственно иметь несколько значений, а некоторые слова могут

⁸⁹ Герасимович Л. И., Червонюк В. И. Язык конституционного права и конституционно-правовая терминология // Международный журнал конституционного и государственного права, 2017. № 4. С. 94.

⁹⁰ Кравчук Ю. С. К вопросу о составе юридической терминологии: недвижимость / realty в английском и русском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2021. Т. 7. № 1. С. 96.

оказаться просто непредназначенными для использования в нормативном акте⁹¹.

Механизмом передачи юридической информации посредством правовых текстов является именно использование определённых понятий, устоявшихся формулировок, которые разрабатываются и признаются юридическим сообществом.

Употребляемые в правовых текстах термины должны быть обязательно унифицированы, так как они имеют ключевое значение⁹². В философии науки⁹³ и теории права⁹⁴ к термину совершенно обоснованно предъявляется требование однозначности. Терминологический аппарат должен обеспечивать строгость научной мысли, а в праве, кроме того, четкость правового регулирования.

В литературе обычно рассматриваются следующие виды терминов: общеупотребительные, юридические и технические (профессионализмы)⁹⁵. Наиболее применимой в языке законодательства является юридическая терминология. Юридические термины классифицируются на общеправовые, межотраслевые и отраслевые⁹⁶. Использование общеупотребительных терминов допускается, если они не противоречат уже принятым юридическим терминам. Применение профессиональных терминов также должно быть обусловлено отсутствием аналогов таких слов в юридической и общеупотребительной терминологии. При этом такие термины должны употребляться только в том значении, в котором они применяются в профессиональных сферах (например, медицинские термины). Отдельно следует сделать оговорку в отношении заимствованной, например, из норм

⁹¹ The Hon Justice G.T. Pagone. Tax uncertainty // *Melb. U. L. Rev.* 2009. P. 888.

⁹² Магомедов С. К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004. С. 37.

⁹³ Войшвилло Е. К. Логика: учебник для студентов вузов. М., 2010. С. 65.; Натансон Э.А. Требования, предъявляемые к научным и техническим терминам // *Научно-техническая информация*, 1966. № 1. С. 4.

⁹⁴ Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2011. С. 259; *Общая теория права* / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 1996. С. 217; Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2012. С. 180.

⁹⁵ Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Русский язык». 1996. С. 16.

⁹⁶ Пиголкин А. С. Язык закона // *Правоведение*, 1991. № 5. С. 108-110.

зарубежного права, терминологии. Использование такой терминологии допустимо исключительно в случае отсутствия возможности адаптировать термин (либо найти аналогичный термин) в русском языке.

Терминологию следует последовательно употреблять во всем тексте нормативного акта, а также во всех отраслевых нормативных актах. Лексическое значение слова должно быть ясным и не подлежать разнообразному толкованию. Представляется целесообразным проводить параллель между используемым в тексте словом и его антонимом, такое слово должно иметь противоположное ему лексическое значение в целях облегчения понимания текста закона, его полноты и четкости.

Таким образом, применение специальной терминологии не должно препятствовать восприятию нормативного акта всеми гражданами. Требуется преимущественно использовать общепринятые в русском литературном языке термины. В целях обеспечения понятности нормативных актов следует отказаться от использования аббревиатур и различных сокращений. Указанное имеет большое значение, так как понятность текста нормативного акта исключительно только одной группе граждан, например, в зависимости от их профессии или иных признаков, нарушает конституционные принципы равенства и справедливости.

Законодатель должен дать юридическому термину единственное определение, которое вберёт в себя все существенные для применения соответствующей нормы признаки⁹⁷. При формулировании нормы-дефиниции необходимо руководствоваться законами логики, а также учитывать, что дефиниция должна быть соразмерна понятию, отражать его существенные отличительные признаки и не содержать терминов, усложняющих понимание понятия.

Чрезмерное использование специальной терминологии и ее разъяснение в виде включения в нормативные акты норм-дефиниций может привести и

⁹⁷ Пиголкин А. С. Оформление проектов нормативных правовых актов (законодательная техника) // Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации. М., 1998. С.109.

прямо к обратному эффекту – усложнить понимание нормативного акта. Анализ нормативных актов как федерального, так и регионального уровня показывает чрезмерное и, зачастую, излишнее введение норм-дефиниций, при этом качество составления таких дефиниций оставляет желать лучшего. Необходимо обратить внимание и на то, что региональное законодательство часто дублирует нормы-дефиниции из федерального законодательства.

Представляется, что введение норм-дефиниций должно ограничиваться случаями, при которых понимание нормативного акта без разъяснения содержания термина невозможно.

Юридическая терминология, которая складывалась на протяжении значительного времени и продолжает формироваться сегодня, обладает такой важной характеристикой как устойчивость. Это связано с тем, что новые субъекты, перед которыми возникает необходимость обратиться к юридическим терминам, должны использовать их в тех значениях, которые им уже присущи, а не формулировать новые определения для уже введённых в научный оборот терминов. Эта особенность правового развития обусловлена фактором правовой аккультурации⁹⁸.

Термины могут иметь легальный характер - быть закреплены в законодательстве вместе с определением того, как этот термин должен пониматься. Впрочем, стоит иметь в виду, что юристами используются и термины, которые не имеют легального определения, закреплённого в норм-дефиниции. Такие термины имеют доктринальный характер⁹⁹.

Язык закона теснейшим образом связан с общелитературным языком. Он – продукт развития естественного языка. При этом основу юридического языка составляет специальная терминология¹⁰⁰.

⁹⁸ Червонюк В. И. Государство, право, глобализация // Государство и право, 2003. № 8. С. 94–97.

⁹⁹ Герасимович Л. И., Червонюк В. И. Там же. С. 96. В качестве примеров авторы приводят такие термины как «конституционализм», «конституционный статус», «конституционная правосубъектность», «конституционализация», «конституционная экономика», «экономическая конституция».

¹⁰⁰ Елистратова В. В. Современный юридический язык: взаимосвязь языка и права // Язык и мир изучаемого языка, 2016. № 7. С. 17.

1.2.5. Соблюдение правил грамматики, орфографии и пунктуации

Рассмотрев требования к стилю языка закона и использованию терминологии, обратимся к правилам грамматически правильного составления предложений.

При написании нормативного акта предпочтительным является употребление простых предложений, так как они наиболее доступны для восприятия и понимания. При использовании в предложениях нескольких деепричастных и причастных оборотов целесообразно разделять такие предложения на несколько. Аналогично рекомендуется избегать однотипных частей, составляющих схожие грамматические формы (например, начинающиеся со слов «который»). Специалисты также рекомендуют использовать не более пяти слов между главной и зависимой частью грамматической структуры, в противном случае утрачивается четкость между синтаксическими связями в предложении¹⁰¹.

Соответственно, законодателю требуется найти баланс между простым формулированием предложений и потребностью в емком и обобщенном написании норм права.

Не менее важным является соблюдение правил орфографии и пунктуации в правовых текстах. Это требование представляется очевидным, так как без него невозможно добиться точности, ясности, определенности языка нормативного акта. «Соблюдение правил русского языка можно рассматривать как базовое требование к языку нормативных правовых актов, основу для дальнейшего совершенствования текстов нормативных правовых актов»¹⁰². Языком, который используется при создании правовых текстов, и в первую очередь нормативных актов, является государственный язык Российской Федерации – русский язык. Как уже упоминалось выше, при использовании языка для создания правовых текстов проявляются

¹⁰¹ Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2014. С. 74-76.

¹⁰² Вавилова А. А. Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта // Юрислингвистика, 2007. № 8. С. 82.

особенности стилистики. Кроме этого, имеются особенности и в части использования знаков препинания. Нельзя ставить под сомнение и то, что при использовании современного русского литературного языка в качестве государственного, правила русского языка должны соблюдаться в обязательном порядке. Любые отклонения, в которых будет проявляться особенность правовых текстов, должны быть в рамках этих правил. Значение этого требования сложно переоценить. Текст нормативного акта, это, конечно, не сама норма права, но её образ, отражение¹⁰³. Текстовое изложение информации в правовом тексте будет интерпретироваться и применяться различными субъектами. Иными словами, язык нормативного акта является образцом, ориентиром и для правоприменительных актов. Для уяснения смысла нормативного акта используется и грамматический метод толкования, который обычно рассматривается как приоритетный. Этот метод обращён именно к изучению текста акта, языка, на котором он написан, так как именно через текст законодатель пытается передать смысл и суть тех положений, которые стремился заложить в данный акт.

На законодателя возложена обязанность по использованию в своей деятельности современного русского языка. В первую очередь это касается создания нормативных актов. Соответственно, соблюдение правил орфографии и пунктуации подразумевается. «Малейшая неточность, отсутствие запятой, неверный падеж, не тот вид глагола могут существенно исказить смысл нормативного акта, привести к тому, что акт будет пониматься и применяться совершенно не так, как рассчитывал правотворческий орган»¹⁰⁴.

Существование правил непременно влечёт за собой и нарушение этих правил. В нашем случае это ошибки, которые присутствуют в текстах нормативных актов, орфографические и пунктуационные ошибки – грамматические ошибки¹⁰⁵. Разные ошибки приводят к разным последствиям.

¹⁰³ Грязин. Н. И. Текст права. Таллин, 1983. С.22.

¹⁰⁴ Вавилова А. А. Там же. С. 83.

¹⁰⁵ Российское законодательство: проблемы и перспективы / Абрамова А. И., Боголюбов С. А., Брагинский М. И. и др.; редкол.: Л. А. Окуньков (гл. ред.) и др.; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М.: Бек, 1995. XVII. С. 392.

А. А. Вавилова предложила классификацию возможных ошибок с учётом наступаемых последствий¹⁰⁶. Эта классификация заслуживает внимания. Так, автор выделяет следующие возможные ошибки и их последствия.

Во-первых, это ошибки, которые не влекут изменения смыслового содержания текста. Сами такие ошибки очевидны. В качестве примеров приводятся случаи пропуска слов, неверное согласование и управление. Сюда можно отнести любые ошибки, которые имеют «технический» характер, в том числе опечатки, повторы слов, а также явные грамматические ошибки. При обнаружении такой ошибки предлагается применять данный акт так, будто ошибки в нём нет, так как иначе нормативное положение просто утрачивает смысл.

Во-вторых, ошибки, которые искажают смысл текста, делая его при этом абсурдным. Другими словами, изначально текст кажется правильным, но при попытке уяснить его смысл адресат сталкивается с тем, что в тексте есть ошибка, которая лишает текст смысла. Выявить такую ошибку может любой, кто знаком с предметом регулирования этого акта. Правильный вариант текста также обычно является очевидным. При обнаружении такой ошибки автор предлагает применять норму в соответствии с ее реальным значением. При этом обращает на себя внимание то, что у правоприменителя появляется выбор - применить акт в соответствии с его точным текстуальным значением или же в соответствии со значением, которое акт имел бы без ошибки. А. А. Вавилова указывает, что истинный смысл нормативного положения в такой ситуации выявить не представляет проблем, остаётся только обоснованно объяснить, почему акт невозможно применить в соответствии с буквальным смыслом. Однако не исключено, что не все правоприменители пойдут по такому пути, что негативно скажется на однородности правоприменительной практики и поставит граждан или других субъектов в неравное правовое положение.

В-третьих, ошибки, которые искажают смысл текста, но при этом придают ему новый смысл, который может быть воспринят и как реальная

¹⁰⁶ Вавилова А. А. Там же. С. 84-85.

воля законодателя. Данная ошибка лишает акт того смысла, который в него пытался заложить законодатель, но при этом придаёт ему иное значение, которое также, теоретически, могло бы быть заложено в это положение. Тут можно привести классический пример: «Казнить нельзя помиловать». Запятая может оказаться в любом месте, это не лишит положение смысла и не будет выглядеть как ошибка. Если автор текста хочет помиловать человека, но ставит запятую после слова «казнить», значит он совершает пунктуационную ошибку, так как для придания предложению того смысла, который он хотел, запятая должна быть поставлена в другом месте. Этот изначальный смысл известен только автору текста, остальные видят лишь текстуальную визуализацию и извлекают смысл из неё. Такую ошибку можно обнаружить, только обладая серьёзными познаниями в вопросе, на регулирование которого направлена норма, и сделать это может не любое лицо, обратившееся к «дефектному» акту. При этом ошибка в тексте может оказаться на самом деле ошибкой в его понимании того, кто работает с актом. Но даже в том случае, если адресат уверен, что в тексте присутствует ошибка, исказившая его смысл, он не может однозначно определить истинный смысл спорного положения. Адресат будет вынужден пытаться угадать, какой именно смысл пытался заложить в акт законодатель, в ходе чего он отойдёт от буквального понимания текста спорного акта. Обосновать такие действия будет гораздо сложнее по сравнению с тем случаем, который описан в ситуации с ошибками второго вида. Более того, отказ от следования букве закона может быть расценен как нарушение, и с формальной точки зрения это единственная правильная оценка. Однако при применении текста в соответствии с его буквальным смыслом адресат может войти в противоречие с истинным смыслом, заложенным законодателем в текст.

Эта ситуация недопустима с точки зрения требований правовой определённости. В подобном случае необходимо скорейшим образом ставить вопрос не о том, какой смысл у спорного положения на самом деле, а о действительности такого положения.

Классик отечественной юриспруденции Н. М. Коркунов, рассуждая о возможных ошибках в тексте нормативного акта, обоснованно заявлял: необходимо предполагать, что законодателем соблюдались правила грамматики и логики, но это всего лишь предположение. Если в тексте выявлена ошибка, то следует установить истинный смысл, который пытался придать ему законодатель, и применять это положение именно в таком понимании, несмотря на то что это не будет соответствовать буквальному смыслу изложенного в тексте. Обосновывается это тем, что текст призван донести волю законодателя, которая и является правовой нормой, а если текст и воля законодателя расходятся, то никакой нормы права в таком тексте быть не может¹⁰⁷.

На примере данной классификации возможных ошибок можно сделать вывод, что принципиально любые ошибки можно разделить на две группы – меняющие смысл нормативного положения и не меняющие. При этом ко второй группе относятся ошибки, которые лишают текст смысла, делают его абсурдным. Их обнаружить достаточно легко, но, даже выявив такую ошибку, необходимо очень внимательно и обосновано подходить к решению вопроса о том, применять акт в соответствии с его буквальным толкованием или в соответствии с его очевидным смыслом, который был искажён ошибкой.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что на данный момент отсутствие единообразного регулирования применения языка законодательства, в частности отсутствие требований к формулированию дефиниций, использованию терминологии, не позволяет издавать нормативные акты, соответствующие требованиям литературного русского языка и отличающиеся понятностью и доступностью для понимания всеми гражданами. Составленный с нарушениями правил грамматики, лексики и иных правил нормативный акт не будет в полной мере воспринят лицами, которым он адресован, и создаст возможность для его неправильного истолкования и применения. Соответственно, единообразная и

¹⁰⁷ Коркунов Н. М. Курс лекций по общей теории права. СПб., 1907. С. 342.

последовательная правоприменительная деятельность невозможна при несоблюдении на стадии правотворчества требований, предъявляемых к текстам нормативных актов. Качественное законодательство должно обладать закономерной структурой, использовать понятные дефиниции и избегать употребления архаизмов и злоупотребления профессионализмами. Несоблюдение разработчиком нормативного акта требований к языку закона не позволяет считать такой акт доступным для понимания широкому кругу лиц, что в дальнейшем может поставить под сомнение его легитимность.

Глава 2. Требования к языку нормативных актов и их источники

2.1. Конституционный принцип равенства, требующий определенности текстов нормативных актов

2.1.1. Правовая определённость

Стабильное существование человеческого общества без правового регулирования сегодня сложно представить. Без правовых норм, закрепляющих правила поведения членов общества, человек рискует стать жертвой произвольного насилия, которое не будет восприниматься членами общества как негативное явление. Исходя из этого можно сказать, что любой закон лучше, чем отсутствие закона. Но если закон, его положения, порождают правовую неопределённость, это неминуемо вызовет конфликты и нарушение того порядка, который должен был сформироваться на основе закона¹⁰⁸.

Правовая определённость выступает предметом обсуждения в научной литературе уже долгое время. Авторы различным образом определяют содержание этого понятия, продолжаются споры о происхождении требования правовой определённости. Серьёзный вклад в понимание правовой определённости внесли Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд РФ.

Н. С. Бондарь, рассуждая о правовой определённости, связывает её с определённостью правовых норм. Он отмечает важность этого вопроса для теории права, правоприменительной и нормоконтрольной деятельности¹⁰⁹. За некоторыми специалистами в области процессуального права замечено стремление «сузить» сферу применения правовой определённости, сводя её, например, к запрету на пересмотр вступивших в законную силу решений суда без необходимых оснований¹¹⁰. Но такое сужение нельзя признать достаточно аргументированным.

Наиболее полно в современной литературе различия в возможных

¹⁰⁸ Cooley T. M. The uncertainty of the law // Am. L. Rev. 1888. P. 351.

¹⁰⁹ Бондарь Н. С. Правовая определённость – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право, 2011. № 10. С. 8.

¹¹⁰ Мантасян А. О. Принцип определённости в современном гражданском процессе // Мировой судья, 2011. № 5. С. 18.

подходах к пониманию правовой определённости продемонстрировал М. В. Пресняков¹¹¹. Автор отмечает, что концепция правовой определённости имеет общеправовое значение, но её можно рассматривать сразу в нескольких аспектах.

Правовая определённость выступает имманентной характеристикой права, неким свойством, которое присуще праву как явлению. При этом правовая определённость рассматривается как проявление ряда принципов, среди которых принцип равенства, справедливости, законности.

Для данного исследования концепция правовой определённости представляет существенный интерес в том смысле, что правовая определённость подразумевает формальную определённость права. Текстуальное закрепление правовых норм должно производиться таким образом, чтобы текст нормативного акта был определённым по своему содержанию. Таким образом, требование определённости текста нормативных актов можно рассматривать как одно из проявлений концепции правовой определённости, как один из её аспектов. При этом само требование определённости нормативных должно быть чем-то обусловлено, быть направлено на достижение конкретных целей.

2.1.2. Конституционный принцип равенства и правовая определённость

Конституция РФ в ч. 1 ст. 19 закрепляет принцип равенства, устанавливая, что все равны перед законом и судом¹¹². Содержание этого конституционного принципа включает в себя большое число различных аспектов, которые часто становятся предметом научных дискуссий. Обратим своё внимание на то, что данный конституционный принцип является не простой декларацией, он включает в себя требования, которые направлены на достижение состояния равенства.

¹¹¹ Пресняков М. В. Правовая определённость как качество права // Гражданин и право, 2012. № 10 С. 28.

¹¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Равенство обеспечивается различными способами. Одним из важнейших способов является достижение единообразного применения нормативных актов в аналогичных ситуациях. При схожих фактических обстоятельствах дела, имеющих юридическое значение, независимо от места и времени рассмотрения дела, одна и та же норма права должна быть воспринята и применена правоприменителем одинаково. Для этого норма права должна быть закреплена в нормативном правовом акте таким образом, что её применение станет предсказуемым и единообразным, у правоприменителя не должно быть возможности произвольного выбора того варианта поведения, который явно не следует из применяемой нормы. В целях достижения такой предсказуемости применения норм права следует обратить внимание в первую очередь на их текстуальное закрепление в нормативных правовых актах. Из конституционного принципа равенства вытекает конституционное требование определённости правовых норм, а следовательно, и требование определённости текстов нормативных актов.

Верно отметил В. М. Лебедев: «Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное их применение, создает возможности неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению конституционных принципов»¹¹³. Нормативный акт, положения которого не отвечают требованию определённости, создаёт угрозу возникновения коррупции. Так, в настоящее время коррупциогенным фактором признаётся наличие в нормативном акте положений, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положений, содержащих неопределённые, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и

¹¹³ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на VIII Всероссийском съезде судей // Российская юстиция, 2013. № 2. С. 10-13.

организациям¹¹⁴.

Одними из основных требований юридической техники часто выступает чёткость и ясность текстов нормативных актов¹¹⁵. В работах по юридической технике этому вопросу не всегда уделяется должное внимание, авторы редко обращаются к поиску источников такого требования, а также часто рассматривают его в совокупности с другими требованиями, которые предъявляются к тексту нормативного акта.

Следует отметить, что в научной литературе нередко говорят о соблюдении требования определённости в отдельных сферах. К примеру, к таким сферам относят уголовное право¹¹⁶, предпринимательское¹¹⁷ или налоговое право¹¹⁸. Подробное рассмотрение подобных исследований позволяет сделать вывод, что большинство из них посвящено специфическим проблемам, которые связаны с научными интересами авторов этих исследований. В таких работах требование определённости рассматривается применительно к соответствующей области, при этом нет никаких оснований говорить о том, что требование определённости в уголовном праве является чем-то принципиально отличным от требования определённости, например, в налоговом праве. Авторы обращают внимание на отраслевую специфику проявления этого требования, но никаких существенных отличий в содержании требования определённости нормативных актов не демонстрируют. Обратившись к подобным исследованиям, всегда можно увидеть в них вывод о том, что положения нормативного акта должны содержать чёткие и понятные предписания, которые должны быть сформулированы понятным для каждого образом, не допускающим их произвольного толкования и

¹¹⁴ Ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.

¹¹⁵ Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007. С. 119–121.

¹¹⁶ См., например, Алаторцев А. Ю. Проблема определенности уголовного закона в решениях Конституционного Суда России и Федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение, 2017. № 1. С. 118–133.

¹¹⁷ Ершова И. В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // Lex russica, 2014. № 2. С. 163.

¹¹⁸ Терехина А. П. Правовые принципы налогообложения // Финансовое право, 2012. № 5. С. 33-39.

применения. Авторы лишь добавляют некоторую специфику, свойственную отдельной отрасли права. Так, в работах специалистов по уголовному праву отмечается необходимость чёткости и понятности формулирования состава преступления, в трудах по налоговому праву – возможность каждого узнать из текста закона, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он обязан уплатить. В зарубежной литературе по этому поводу также указывают, что взимание налогов должно быть предсказуемым и ясно урегулированным, исключая произвольное применение норм в зависимости от желания уполномоченных органов¹¹⁹.

Конституционный Суд РФ часто связывает особенности содержания принципа определённости с той отраслью, нормы которой стали предметом его рассмотрения¹²⁰. Однако Конституционный Суд РФ уделяет значительное внимание и происхождению требования определённости текста нормативного акта, а также содержанию данного требования в целом.

2.1.3. «Качество закона»

Конституционный Суд РФ в своей практике пытается установить требования к качеству законов исходя из толкования традиционных конституционных принципов и общеправовых принципов. В рамках такого подхода требование правовой определённости было выделено Конституционным судом РФ в качестве одного из аспектов конституционного принципа верховенства права, и, вслед за Федеральным конституционным судом Германии, общеправовой критерий определённости, ясности, недвусмысленности правовой нормы им был признан вытекающим из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом¹²¹.

Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев в своих работах отмечает, что ни законодательству, ни доктрине не известно такое понятие как «качество закона», которое содержало бы в себе стандарты качества

¹¹⁹ The Hon Justice G.T. Pagone. Tax uncertainty // *Melb. U. L. Rev.* 2009. P. 887.

¹²⁰ См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П и Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2001 № 3-П.

¹²¹ Гаджиев Г. А. Принцип правовой определённости и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // *Сравнительное конституционное обозрение*, 2012. № 4. С. 18-19.

законодательных текстов. По его мнению, основным критерием «качества закона» выступает судебная практика, так как именно судебные процессы демонстрируют неясность и противоречивость норм, которые и стали причиной спора¹²².

Вопрос критериев «качества закона» встречается и в практике Европейского суда по правам человека. А. Ю. Алаторцев, анализируя практику ЕСПЧ, приходит к выводу, что на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод Суд выводит два основных требования к качеству закона – доступность и предсказуемость¹²³. Предсказуемость закона подразумевает ясность закона – «лицо должно иметь возможность с разумной в конкретных обстоятельствах степенью предвидеть, при необходимости, обратившись за соответствующей помощью, последствия, которые повлечёт конкретное действие». Таким образом ЕСПЧ считает предсказуемым и тот закон, который без разъяснения профессионала не будет понятен простому лицу. Но как отмечает сам А. Ю. Алаторцев, Суд ограничивает критерий предсказуемости закона субъективными признаками адресата нормы, реализуя принцип «закон для профессионалов», что демонстрируется на примере с уголовно-правовыми нормами¹²⁴.

2.1.4. Требование определённости в российском праве

Несмотря на то, что требование определённости текстов нормативных актов неоднократно рассматривалось Конституционным Судом РФ и анализировалось в научной литературе, существуют некоторые расхождения в понимании происхождения этого требования и его правильного наименования.

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал на то, что в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть

¹²² Там же. С. 21.

¹²³ Алаторцев А. Ю. Критерии определённости уголовного закона в практике Европейского суда по правам человека // Научные труды. Российская академия юридических наук. М, 2017. С. 586.

¹²⁴ Там же. С. 587.

определенными, ясными, недвусмысленными¹²⁵. В свою очередь неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и тем самым нарушает принцип равенства, а также принцип верховенства закона.

Сам критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю был сформулирован, как указывает сам Конституционный Суд РФ, в 1995 году¹²⁶.

Требование определённости выводится авторами также из конституционного принципа верховенства права или принципа правового государства¹²⁷. Иногда в литературе указывается, что принцип определенности «был выведен исходя из общеправового принципа юридической ответственности, являющегося в свою очередь развитием конституционного принципа равенства всех перед законом»¹²⁸. М. В. Пресняков выводит требование определённости права из конституционного принципа справедливости¹²⁹. Важное значение имеет то, что принцип равенства почти всегда называется в качестве источника требования определённости текста правовых актов. Было бы ошибкой утверждать, что требование определённости не имеет связи с принципом правового государства, верховенства права и другими конституционными принципами. Это обусловлено тем, что эти принципы не существуют отдельно в вакууме, они взаимосвязаны. Тем не менее именно реализация принципа равенства порождает требование определенности текста нормативных актов.

Рассматривая в 1995 году положения ч. 1 ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР, Конституционный Суд РФ отметил её бланкетный характер и неопределённость юридического содержания. Суд подверг анализу не только

¹²⁵ П.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П.

¹²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апр.1995 г. № 3-П.

¹²⁷ Терехина А. П. Правовые принципы налогообложения // Финансовое право, 2012. № 5. С. 35.

¹²⁸ Копин Д. В. Конституционные принципы установления налоговой обязанности: ретроспектива основополагающих актов Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения // Налоги. 2016. № 24. С. 12.

¹²⁹ Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости. М., 2009. С. 20.

текст спорной нормы, но и практику её применения, в результате чего было отмечено, что при юридически сходных обстоятельствах дела этой категории разрешаются судами по-разному, что влечет для граждан неодинаковые правовые последствия. В итоге Конституционный Суд РФ констатировал, что возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией РФ равенства всех перед законом и судом. Иными словами, Конституционный Суд РФ пришёл к выводу, что принцип равенства всех перед законом и судом требует определённости текста нормативных актов, не допускающей произвольного толкования и применения норм. Нарушение этого требования влечёт нарушение самого конституционного принципа равенства.

Определённость, ясность и недвусмысленность в большинстве случаев рассматриваются как синонимичные понятия. Независимо от того, как тот или иной автор обозначает указанное требование – «определённости», «ясности» или «определённости, ясности и недвусмысленности», содержание в это требование вкладывается одинаковое. В этой работе будет говориться о требовании «определённости», не придавая требованиям ясности и недвусмысленности отдельного самостоятельного значения.

Говоря о том, что конституционный принцип равенства требует определённости текста нормативных актов, необходимо определить, кому это требование адресовано.

Очевидно, что требование определённости обращено, прежде всего, к законодателю, который создаёт текст нормы. Можно сказать, что это требование к тексту нормы. Нормативный правовой акт находит своё воплощение всегда в форме текстового документа. Это означает, что для соблюдения требования определённости необходимо в первую очередь использовать языковые средства. Создатели письменного текста «при языковом оформлении мысли так или иначе обращаются к вопросам языка,

мышления и бытия, к соотношению формы и содержания в языке»¹³⁰. То есть это требование к языку нормативных актов, с помощью которого и создаётся сам текст акта.

Исследователи, ограничивая сферу своих интересов только текстом самой нормы, часто без внимания оставляют ряд факторов, которые также существенно влияют на определённую текстуальную закреплённости нормы. Требование определённости обращено не только к тексту нормы. Текст нормативного акта, написанный даже самым простым языком, может оказаться неопределённым и иметь двусмысленное содержание, но заметить это часто можно только за пределами самого текста¹³¹. При оценке определённости спорного положения следует учитывать место этого положения в системе нормативных предписаний¹³². Этот вывод, сделанный Конституционным Судом РФ, поддерживается и цитируется многими современными исследователями данной проблемы¹³³.

Н. С. Бондарь отмечает, что требование определённости имеет кроме доктринального ещё и нормативное содержание. В нормативном содержании он выделяет три элемента: «а) требование непротиворечивости, точной определённости содержания самой по себе правовой нормы; б) требования единообразного толкования правовой нормы; в) требование единообразного применения правовой нормы»¹³⁴. Кроме этого, значение имеют недостатки юридической конструкции нормы, противоречивость в её понимании, возможность произвольного правоприменения нормы¹³⁵. Требование

¹³⁰ Сухина И. Жанр и язык постановлений Конституционного Суда РФ // Российская юстиция, 2001. № 10. С. 27.

¹³¹ Klinck D. R. The Language of Codification // Queen's L.J. 1989. P. 58.

¹³² Боженко С. А. Уголовная ответственность за неправомерный оборот средств платежей // Судья, 2016. № 4. С. 41 -42.

¹³³ Елинский А. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ об ответственности за преступления в сфере экономики // Российский следователь, 2011. № 22. С. 16.; Баранов В. А., Баранова Е. В. Актуальные вопросы квалификации административного правонарушения, связанного с несообщением таможенным органам о прерывании доставки товара // Юрист, 2010. № 10. С. 23.

¹³⁴ Бондарь Н. С. Правовая определённая – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право, 2011. № 10. С. 8.

¹³⁵ Алаторцев А. Ю. Проблема определённости уголовного закона в решениях Конституционного Суда России и Федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение, 2017. № 1. С. 125.

определённости, обращённое к применению нормы, отмечает и Г. А. Гаджиев¹³⁶. Н. И. Полищук указывает, что определённость нормативных актов позволяет субъектам правоотношений более точно прогнозировать результаты своих действий, а также обеспечивает их предсказуемость. При этом «точность и ясность законодательных предписаний ... выступают как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания»¹³⁷.

Иными словами, неопределённость может быть вызвана текстуальным закреплением самой нормы, её местом в системе правового регулирования, а также практикой её применения. Одновременно с этим следует согласиться с теми авторами, которые указывают, что неопределённость в практике применения нормы чаще всего связана с тем, что текст нормы содержит дефект, явившийся причиной такой ситуации. Впрочем, необходимо сделать оговорку о том, что это не всегда так – в редких случаях именно практика применения нормы делает саму эту норму неопределённой, так как создаёт необоснованно различные варианты её применения. Кроме этого, нельзя забывать о том, что неопределённость, проявившаяся в различном применении нормы, может быть только кажущейся, основанной на том, что суд учёл обстоятельства дела, недоступные внешнему наблюдателю, которые и стали причиной различного применения нормы¹³⁸.

Можно привести пример такой ситуации, когда часть правоприменителей отступает от сложившихся и общепризнанных подходов к применению нормы.

Так, в силу п. 1 ст. 11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» граждане вправе подать заявления

¹³⁶ См. особое мнение судьи Конституционного Суда России Г. А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П.

¹³⁷ Полищук Н. И. Функциональная ценность принципа правовой определённости в нормотворческой политике государства // Правовое государство: теория и практика, 2017. № 4 (50). С.116.

¹³⁸ «Glorious uncertainty of the law» from Thompson's tradesman's Law library // U.S. Intelligencer & rev. 1831. P. 125.

о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в военный комиссариат, где они состоят на воинском учете, в следующие сроки:

до 1 апреля - граждане, которые должны быть призваны на военную службу в октябре - декабре текущего года;

до 1 октября - граждане, которые должны быть призваны на военную службу в апреле - июне следующего года¹³⁹.

Правоприменительная практика толкует данное положение закона как дающее возможность гражданину реализовать своё право на подачу соответствующего заявления только в указанные сроки. Нарушение сроков без уважительной причины влечёт отказ в приёме заявления¹⁴⁰. Однако в ряде проанализированных дел суды в аналогичных случаях толковали это положение таким образом, что заявление, поданное вне установленных сроков без уважительных причин, всё равно может быть рассмотрено призывной комиссией¹⁴¹. Указанное положение может пониматься и таким образом, что заявление, поданное с нарушением установленного срока и в удовлетворении которого было отказано по этой причине, считается поданным в срок для следующей призывной кампании¹⁴². Подобные случаи создают некий конфликт между исходным смыслом нормы и тем правилом поведения, которое было выявлено на практике. При возникновении подобных противоречий необходимо, чтобы последующие аналогичные споры подтвердили правильность отступления от буквы закона или признали его ошибочность, иначе такая практика будет порождать неопределённость положений закона¹⁴³.

Конституционный Суд РФ пытается найти критерии, которые позволили

¹³⁹ Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3030.

¹⁴⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 447-О; определение Приморского краевого суда от 9 июля 2015 г. по делу № 33-5726; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 27 января 2015 г. по делу № 33А-34/2015.

¹⁴¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 4 сентября 2017 г. по делу № 33а-3933/2017; апелляционное определение Липецкого областного суда от 29 июля 2015 г. по делу № 33-2037/2015.

¹⁴² Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 10 октября 2013 г. по делу № 33-11038/2013.

¹⁴³ Bairtos R. T. The uncertainty of the law // Virginia Law Journal. 1886. P. 452.

бы оценивать соблюдение требования определённости текстов нормативных актов. Обобщая несколько его высказываний по этому поводу, можно отметить, что одним из таких критериев является следующее положение: любое нормативно закреплённое правило поведения должно быть чётко определено в законе, как и меры ответственности за его нарушение. При этом текст нормы должно быть достаточно для того, чтобы каждый мог её понять и действовать в соответствии с ней. Норма должна являться для каждого «предсказуемой». Суд также не исключает случаи, когда необходимая степень определённости правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложных взаимосвязей правовых предписаний¹⁴⁴. Допускается и применение нормы в соответствии с тем толкованием, которое дал ей суд.

Однако здесь необходимо заметить, что если применение нормы без её судебного толкования нарушает принцип равенства, порождая ситуацию неопределённости, то такое судебное толкование есть ни что иное, как способ устранения неопределённости, вызванной несовершенством текста нормы. Можно сделать вывод, что Конституционный Суд РФ, описывая критерий определённости, указал также и на способ устранения неопределённости, не требующий изменения текста нормативного акта.

А. Ю. Алаторцев указывает, что подобный критерий для российской практики является новым, но он давно известен и активно применяется в европейских судах. Так, этот критерий использует Федеральный конституционный суд Германии при оценке соответствия законов статье 103.2 Основного Закона Федеративной Республики Германии, а ЕСПЧ - при оценке соответствия той или иной нормы статье 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Постановления Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П, от 23 февраля 1999 г. № 4-П, от 22 апреля 2013 г. № 8-П, от 12 марта 2015 г. № 4-П и др.

¹⁴⁵ Алаторцев А. Ю. Проблема определённости уголовного закона в решениях Конституционного Суда России и Федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение, 2017. № 1. С. 125.

Вопрос о том, предъявляет ли принцип определённости требования только к качеству текстуального воплощения норм или и к практике их применения, поднимался неоднократно, и ответ менялся со временем. Отмечается, что ЕСПЧ изначально применял это требование именно к тексту закона¹⁴⁶, но в деле «Крюслен против Франции» Суд пришел к выводу, что понятием «закон», используемым в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, охватываются как позитивный закон, так и судебная практика¹⁴⁷.

Требование определённости, обращённое и к правоприменителям, основано на том, что в своей деятельности они должны истолковать норму. При этом правоприменитель становится «соавтором» этой нормы, так как, пытаясь выявить смысл, заложенный законодателем, он практически неизбежно изменит его, пусть даже незначительно¹⁴⁸. Указанное не отменяет связанность правоприменителя текстуальным выражением нормы, поэтому требования определённости одновременно предъявляются и к тексту нормативных правовых актов, и к практике их применения. В то же время искажение изначального смысла нормы в процессе применения может быть связано и не с дефектами текстуального воплощения нормы или ошибками при её интерпретации. Смысл, который закладывает в акт законодатель, часто связан с текущим состоянием общества или с отдельными обстоятельствами. Со временем ситуация может меняться и новые правоприменители уже не будут учитывать эти обстоятельства при толковании нормы, но сама норма в её текстуальном виде продолжит существовать, и она получит новое толкование исходя из существующих реалий¹⁴⁹. Именно в таких случаях для сохранения определённости нормы представляется наиболее эффективным её

¹⁴⁶ Постановление Европейского суда по правам человека «Крюслен (Kruslin) против Франции» от 24 апреля 1990 г.

¹⁴⁷ Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия, 2012. № 5. С. 13.

¹⁴⁸ Таева Н. Е. Некоторые проблемы выявления конституционно-правового смысла норм Конституционным Судом РФ // Конституционное и муниципальное право, 2014. № 12. С. 25-26.

¹⁴⁹ Кряжков В. А. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: практика и проблемы // Вестник Конституционного Суда РФ, 1997. № 3. С. 9.

судебное разъяснение, о котором было упомянуто ранее.

2.1.5. Риски нарушения требования определённости

Рассматривая наиболее распространённые случаи возникновения риска создания нормативного акта, текст которого не отвечает требованию определённости, различные исследователи отмечают следующее.

Зачастую причиной возникновения неопределённости выступает бланкетный характер нормы. Конструирование бланкетной нормы – процесс более сложный, чем создание простой нормы. Законодателю необходимо проявить мастерство и грамотно установить, какие части нормы в каких актах должны быть закреплены. Неопределённость возникает в тех случаях, когда законодатель оставляет без чёткого ответа того, кто пытается найти недостающие части нормы, давая отсылку в тексте нормативного акта к другим, чётко не указанным актам. Однако это не повод спекулировать на данной теме и требовать отказа от бланкетных норм. При грамотном их конструировании и при должном внимании к ним со стороны законодателя, неопределённость ими не создаётся. Более того, бланкетные нормы широко распространены. Вместе с тем стандартной является ситуация, когда регулятивная норма находится в одном нормативном акте, а санкции за её нарушение помещены в другой нормативный акт¹⁵⁰.

Также следует учитывать, что существует достаточно большое число норм, которые внешне кажутся неопределёнными. Это нормы, содержащие общие положения, возможность конкретизировать которые у законодателя отсутствует. В качестве примера таких норм обычно приводят нормы-принципы, применяя которые необходимо руководствоваться обстоятельствами конкретной жизненной ситуации и соображениями правовой справедливости¹⁵¹. Тексты конституционных актов обычно содержат подобные нормы-принципы в большом количестве, что даёт некоторым исследователям повод для выделения конституционных текстов из общего

¹⁵⁰ Воеводина А. И. Проблемы квалификации незаконной банковской деятельности // Безопасность бизнеса, 2015. № 3. С. 34.

¹⁵¹ Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Там же. С. 17.

числа юридических текстов в силу их специфических аспектов – идеологического характера норм, неопределённости, туманности и общности¹⁵².

Акты, которые носят и научно-теоретический характер, например, решения Конституционного Суда РФ, более сложны для понимания в силу того, что они требуют наличия соответствующих навыков у адресатов. Однако так как они адресованы не отдельным профессионалам в юридической сфере, а неопределённому кругу лиц, их формулировки должны быть чёткими, понятными и недвусмысленными¹⁵³. Обращаясь к решениям Конституционного Суда РФ, даже профессионалы в сфере юриспруденции обращают внимание на то, что несмотря на то, что эти акты написаны грамотным языком, они не удобны для применения¹⁵⁴. Причина этого заключается в том, что решения Конституционного Суда РФ всегда наполнены сложной и объёмной аргументацией, за которой скрывается сама правовая позиция. А. Б. Боголомов, рассуждая о возможности судей применять правовые позиции Конституционного Суда РФ, отметил указанную проблему следующим образом: «Безусловно, в ходе кропотливой работы можно «перевести на русский язык» текст данного решения, но у судьи, применяющего решение Конституционного Суда РФ, нет никакой гарантии того, что вычлененный им «сухой остаток» и есть правовая позиция Конституционного Суда, а если да, то в полном объеме»¹⁵⁵. На эту проблему указывают и другие авторы¹⁵⁶. Нормативное положение, закреплённое с использованием сложных конструкций и снабжённое дополнительной

¹⁵² Пфферсманн О. Ономастический софизм: изменять, а не познавать (о толковании Конституции) // Правоведение, 2012. № 4. С. 107.

¹⁵³ Чепурнова Н. М. Решения Конституционного Суда РФ как образец юридической гармонии // Российская юстиция, 2001. № 10. С. 28.

¹⁵⁴ Blinova O. V., Belov S. A., Revazov M. A. Decisions of Russian Constitutional Court: lexical complexity analysis in shallow diachrony // CEUR Workshop Proceedings. Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» (IMS-2020) / Radomir V. Bolgov, Andrei V. Chugunov, Alexander E. Voiskounsky (eds.). 2021. P. 72.

¹⁵⁵ Боголомов А. Б. Применение судами общей юрисдикции правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие, 2010. № 1. С. 64.

¹⁵⁶ Кряжкова О. Н., Рудт Ю. А. Расстановка мест слагаемых в решениях конституционных судов: почему сумма меняется? // Сравнительное конституционное обозрение, 2015. № 5. С. 127.

информацией, может быть неверно выявлено из текста акта, что вызовет ситуацию неопределённости.

Сферой особого внимания для законодателя должно быть использование специальных терминов. В первую очередь риск нарушения принципа равенства создаётся при включении в текст нормативных правовых актов научных терминов, не имеющих легального определения. Сами такие термины в научной среде могут пониматься авторами различным образом, что неизбежно вызовет противоречия при анализе текста нормативного акта. А. А. Петров в качестве примера такого научного термина, который широко используется Конституционным Судом РФ, называет «норму права»¹⁵⁷.

Очевидно, что причиной неопределённости могут быть коллизии норм, а также пробельность нормативного регулирования. Требование определённости текста нормативного акта обязывает избегать таких явлений.

Наиболее часто неопределённость текста нормативного акта бывает вызвана использованием законодателем оценочных понятий. Сам факт наличия в тексте оценочного понятия уже подразумевает, что у такого понятия нет чёткого наполнения, и на правоприменителя ложится обязанность включить в это понятие то содержание, которое он посчитает уместным с учётом установленных нормой пределов.

«Неоднозначность, нечёткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод»¹⁵⁸. Учитывая такие существенные последствия нарушения требования определённости текста нормативного акта, Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что выявленного

¹⁵⁷ Петров А. А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение, 2014. №. 2. С. 98.

¹⁵⁸ Сергеев С. Л., Бушев Е. А., Кузнецов Д. А. Принцип правовой определённости: некоторые подходы Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека. Сравнительно-правовой анализ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 14-П и Постановления Европейского Суда по правам человека от 28 марта 2017 г. по делу «З.А. и другие против России» // Журнал конституционного правосудия, 2018. № 1 (61). С. 32.

нарушения требования определённости уже достаточно для дисквалификации нормы.

Некоторые авторы указывают, что неопределённость, присутствующая в нормативном регулировании, не является таким «страшным» явлением, как это было описано выше. Но стоит заметить, что такой позиции чаще придерживаются представители стран общего права. В качестве аргументов они ссылаются на то, что неопределённость закона может дать участникам правоотношений (особенно в сфере частного права) необходимую свободу, которая только положительно скажется на них, а в случае, когда начнут проявляться негативные последствия наличия неопределённости, суды их устранят, сформировав соответствующую практику применения спорных положений¹⁵⁹. Однако вопрос устранения неопределённости нормативного положения не может быть передан в ведение судов или субъектов правоотношений. Неопределённость нормативного положения должна быть устранена самим законодателем, а до этого момента применение таких норм ставит под угрозу равенство участников правоотношений.

Последствием нарушения требования определённости текста нормативных актов является признание нормативных актов недействующими из-за неопределённости их положений. С. А. Белов, анализируя современную российскую судебную практику по вопросу признания недействующими нормативных актов по причине того, что в них содержатся положения, не отвечающие требованиям ясности, определённости и недвусмысленности, приходит к выводу, что «судами используются три вида оснований для признания нормативного акта содержащим правовую неопределённость недействующими: это нарушение требований системности действующего законодательства, неопределённость словесных формулировок и содержательная неопределённость»¹⁶⁰.

¹⁵⁹MacNeil I. Uncertainty in Commercial Law // Edinburgh L. Rev. 2009. P. 98.

¹⁶⁰ Белов С. А. Признание нормативных актов недействительными вследствие неопределённости их положений / Портал «Мониторинг правоприменения». [сайт]. URL: <https://bit.ly/3mKkUVP> (дата обращения 14.07.2022).

Развитие современного законодательства и принятие большого числа новых актов, которые регламентируют даже очень узкие вопросы, выступает способом преодоления неопределённости, содержащейся в правовом регулировании. Основная идея данной тенденции в законодательстве заключается в том, что чем более подробные нормативные положения создаются, тем меньше остаётся незатронутых аспектов, меньше возможностей для произвольного применения имеющихся норм. Однако более обоснованной представляется обратная точка зрения, согласно которой увеличение числа нормативных актов, особенно в тех объёмах, в каких это происходит сегодня, является фактором, который способствует появлению правовой неопределённости¹⁶¹. Для законодателя всё сложнее находить место новым нормам в системе действующего законодательства, согласовывать нормативные положения между собой, использовать верные термины и понятия в тексте акта.

2.2. Конституционное требование обязательного опубликования понятных для адресатов нормативных актов

2.2.1. Официальное опубликование нормативных актов

Конституция РФ содержит два термина, соотношение которых вызывает споры в литературе¹⁶². В ч. 3 ст. 15 Конституции РФ указано, что законы подлежат официальному опубликованию. При этом в статье 107 Конституции РФ, регламентирующей законодательный процесс, и в статье 84, закрепляющей полномочия Президента РФ, употребляется термин «обнародование». В соответствии со ст. 4 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» под официальным опубликованием понимается первая публикация текста акта в

¹⁶¹ D'Amato A. Legal Uncertainty // Cal. L. Rev. 1983. Vol. 1. P. 1-P. 8.

¹⁶² Червяковский А. В. Нормативное регулирование вопросов официального опубликования законов в Конституции Российской Федерации и конституциях государств ближнего зарубежья // Современное право, 2016. № 10. С. 17.

строго определённых изданиях¹⁶³. Закон выделяет также простое опубликование - размещение текста акта в иных печатных изданиях. Под обнародованием законодатель понимает доведение нормативных правовых актов до всеобщего сведения по телевидению и радио, рассылка государственным органам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям, передача по каналам связи, распространение в машиночитаемой форме¹⁶⁴. Юридические последствия связаны именно с официальным опубликованием акта, так как подразумевается, что предусмотренные способы официального опубликования позволяют ознакомиться с публикуемыми актами всем его адресатам. В комментариях к Конституции РФ отмечается то, что под обнародованием в ст. 84 и ст. 107 Конституции РФ следует понимать официальное опубликование, так как из иного следует, что законодательный процесс описан не полностью¹⁶⁵. В некоторых случаях даже без особой оговорки со стороны автора работы указывается, что в этих статьях обнародование завершает законодательный процесс¹⁶⁶.

А. Н. Головистикова делает вывод, что разработчики Конституции РФ не придали должного значения точному употреблению терминов «опубликование», «официальное опубликование» и «обнародование», и это «теоретически допускает возможность злоупотребления, когда принятый закон де-юре оказывается обнародованным (например, опубликованным в неизвестной газете или упомянутым в радиоэфире), но де-факто это событие остается неизвестным широкой общественности»¹⁶⁷.

¹⁶³ О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 8. Ст. 801.

¹⁶⁴ Ст. 5 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 8. Ст. 801.

¹⁶⁵ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М., 2013. 833-834; Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / Рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев / Науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. И. доп. М., 2013. С. 545- 546.

¹⁶⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь и др.; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М., 2011. С. 613.

¹⁶⁷ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / Рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев. С. 546.

Нормативные правовые акты должны быть официально опубликованы. Неопубликованный в установленном порядке акт в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ применяться не может. Верховный Суд РФ акцентировал внимание на том, что неопубликованный нормативный правовой акт не может быть положен в обоснование принимаемого судом решения¹⁶⁸. В литературе обращается внимание на то, что моменты официального опубликования акта и вступления его в силу различаются¹⁶⁹. Это замечание безусловно необходимо учитывать, но прежде всего важно то, что вступление акта в силу связывается именно с официальным опубликованием, без этого обязательного действия обойтись нельзя. Поэтому следует понять, что именно означает официальное опубликование, и какие цели достигаются этой процедурой.

И. А. Побережная указывает, что в литературе отсутствует единый взгляд на содержание понятия «порядок опубликования нормативных правовых актов». Она предлагает включать в это понятие «правовое регулирование совокупности всех действий и процедур государственных органов и должностных лиц, направленных на осуществление официального опубликования нормативных правовых актов, а также непосредственно совокупность этих действий и процедур, включая особенности опубликования на различных государственных языках, процедуру идентификации текстов, установления равной юридической силы текстов, опубликованных на разных государственных языках»¹⁷⁰.

При издании нормативных правовых актов к ним предъявляются разные требования, и природа таких требований неоднородна. М. Е. Бабич отмечает, что, например, регистрация акта в Министерстве юстиции России является требованием Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных

¹⁶⁸ п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

¹⁶⁹ Беляева О. А. Правовое регулирование закупок, осуществляемых бюджетным учреждением за счет средств от приносящей доход деятельности // Комментарий судебной практики. М., 2016. № 21. С. 129 - 145.

¹⁷⁰ Побережная И. А. Конституционное регулирование порядка опубликования нормативных правовых актов на государственных языках республик в составе Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. №5 (43). С. 35.

органов исполнительной власти и их государственной регистрации¹⁷¹, а требование официального опубликования является конституционным требованием¹⁷².

Необходимость официального опубликования нормативных правовых актов в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ вытекает из требований определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования, выводимыми из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, юридического равенства и справедливости¹⁷³.

2.2.2. «Презумпция знания закона» и «Презумпция понимания закона»

Как известно, незнание закона не освобождает от ответственности. Это классическое выражение должно пониматься сегодня таким образом, что закон доступен для каждого, если он опубликован в надлежащей форме, а значит, каждый может с ним ознакомиться. Исходя из этого подразумевается, что закон известен всем, и все действуют в соответствии с его требованиями. А. А. Тилле назвал это «презумпцией знания закона», которую он определил как «предположение, что надлежащим образом опубликованный закон известен всем и с момента вступления его в силу подлежит соблюдению всеми»¹⁷⁴. Это означает, что для действия презумпции необходимо, чтобы законодатель не только принял акт, но и предоставил каждому гражданину возможность ознакомиться с его содержанием. А. С. Пиголкин отмечает, что презумпция знания закона включает в себя требование понятности закона всем гражданам¹⁷⁵.

Законодательство сможет эффективно выполнять функцию по

¹⁷¹ Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895.

¹⁷² Бабич М. Е. Лицензирование деятельности по обращению с отходами: проблемы правоприменения // Справочник эколога, 2016. № 7. С. 27.

¹⁷³ Щур-Труханович Л. В. Юридическое содержание системы международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана // СПС КонсультантПлюс. 2012.

¹⁷⁴ Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение, 1969. № 3. С. 35.

¹⁷⁵ Пиголкин А. С. Опубликование нормативных актов / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1978. С. 109.

регулированию отношений в обществе только при нормативной выверенности законодательных актов и обеспеченной государством удобной и доступной форме получения актов населением¹⁷⁶. Действенные способы доведения до адресатов содержания новых нормативных положений существенно повышают эффективность правового регулирования, так как правило поведения становится известно всем, и у его адресатов появляется возможность соотносить с ним своё поведение. Важнейшее значение имеет именно донесение до адресатов содержания норм, а не уведомление о принятии тех или иных новых положений. Соответственно, законы должны содержать чёткие и понятные нормы¹⁷⁷. Впрочем, достичь этого становится всё труднее с увеличением нормативной базы. Нынешнее законодательство подвержено постоянному реформированию, из-за чего граждане не видят смысла в ознакомлении с непонятным, противоречивым и постоянно меняющимся регулированием¹⁷⁸. М. В. Никифоров обращает внимание на то, что большое число принимаемых сегодня актов являются лишь актами, вносящими изменения в принятые документы. Из текста такого акта часто невозможно понять, о чём идёт речь в акте, в который вносятся изменения, так как в опубликованном документе содержатся выдержки из отдельных положений закона или отдельные слова, которые новым актом меняются на другие¹⁷⁹.

Методика анализа доступности для восприятия текста нормативного акта была предложена Б. С. Мучником¹⁸⁰. Он рекомендует выделять фрагмент текста нормативного акта, затем сравнивать результат первоначального (непроизвольного) восприятия текста с его окончательным восприятием, основанным на смысловом анализе. По итогам проведенного сравнения

¹⁷⁶ Юртаева Е. А. Нормативность законодательства: современные модуляции в российском правотворчестве // Журнал российского права, 2012. № 11. С. 29.

¹⁷⁷ Афанасьев С., Урошлева А. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение, 2017. № 5. С. 143.

¹⁷⁸ Соколов Н. Я. Официальное опубликование нормативных правовых актов и правовая информированность юристов // Вестник Российской правовой академии, 2011. № 3. С. 21.

¹⁷⁹ Никифоров М. В. Субъекты административного нормотворчества: монография. Н. Новгород, 2012. С. 143.

¹⁸⁰ Мучник Б. С. Основы стилистики и редактирования. Ростов-на-Дону, 1997. С. 468.

следует оценить фрагмент текста законодательного акта со стилистической и лингвистической точек зрения. В случае несовпадения лингвистических выводов с юридическими предписаниями, необходимо обосновывать востребованность исправления текста нормативного акта. В этом процессе задачей лингвиста является сопоставление системы языковых средств, элементов нормативного акта и текста в целом с учётом стилеобразующих требований к языку закона.

А. С. Пиголкин в своих трудах указывает на критерии качества закона с лингвистической точки зрения¹⁸¹. Он выделяет четыре основных критерия. К этой классификации критериев обращаются и авторы работ по юридической технике¹⁸².

Первым критерием является простота текста закона. Простота текста должна выражаться в преимущественном соблюдении прямого порядка слов. Кроме этого, законодатель не должен злоупотреблять использованием причастных и деепричастных оборотов, которые создают перегруженные информацией предложения. Простота текста облегчает его понимание, а понятный закон будет лучше исполняться. Здесь можно привести и высказывание В. Д. Зорькина, в котором он оценивал действующее налоговое законодательство: «Нередко в налоговых законах за потоком слов теряется изначальный смысл, а количество внутренних противоречий лишь нарастает»¹⁸³.

Вторым критерием является краткость закона. Краткость достигается за счёт удаления из текста повторов и малоинформативных частей, не представляющих ценности для содержания акта. Суть закона должна выходить на первое место и быть очевидной.

Ясность выступает третьим критерием. Под ясностью подразумевается понятность текста читателю - адресату. Понятность, как указывалось выше,

¹⁸¹ Пиголкин А. С. Язык закона: черты, особенности. С. 22.

¹⁸² Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник. М., 2014. С.322.

¹⁸³ Зорькин В.Д. Конституционно-правовые аспекты налогового права в России и практика Конституционного Суда // Сравнительное конституционное обозрение, 2006. № 3. С. 100.

достигается за счёт простоты текста. Но простота не подразумевает отказа от специальной юридической терминологии, хотя автор делает оговорку о том, что юридические профессионализмы непонятны большинству населения. В свою очередь, Д. А. Керимов отмечает, что «в тексте закона следует использовать максимально простые слова, термины и фразы, широко употребляемые в обиходе и легко воспринимаемые людьми»¹⁸⁴.

Последним из четырёх критериев называется точность. Точность — это соответствие идеи законодателя и её отражения в текстуальной форме. Чем выше точность, тем больше совпадение текста и заложенной в него идеи.

Под адресатами нормативного акта следует понимать всех, на кого распространяется или может распространиться действие его нормативных положений. Нельзя ограничивать круг адресатов правоприменителями, юристами- профессионалами или субъектами, действующими в тех сферах, на регулирование отношений в которых направлены положения нормативных правовых актов. Проблема того, кто является адресатом нормативных правовых актов часто поднимается при обсуждении понятности актов. Это закономерно, так как понимать акт должны именно его адресаты. На этом этапе необходимо дать ответ на вопрос о том, насколько понятны нормативные положения простому населению и лицам, обладающим специальным образованием. Обычно авторы приходят к выводу, что практически любое нормативное положение понятно лишь профессионалам, но порой делается вывод и вовсе о том, что понять акт не может никто. Например, М. В. Андреева отмечает, что в нормативных актах часто указывается круг правоотношений, на которые распространяется действие акта, но делается это таким образом, что эти положения недостаточно понятны не только адресатам законов, но и юристам-практикам¹⁸⁵. Под адресатами законов при этом понимаются государственные органы, органы местного самоуправления, граждане и юридические лица. В зарубежной литературе

¹⁸⁴ Керимов Д. А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. М., 2000. С. 64.

¹⁸⁵ Андреева М. В. Действие налогового законодательства во времени: Учебное пособие / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2006. С. 70.

также присутствуют выводы о том, что нормативные положения иногда непонятны адвокатам и судьям, не говоря уже о простых гражданах¹⁸⁶. В. Д. Зорькин, применительно к нормам налогового права, обращал внимание на то, что порой не только налогоплательщики, но и налоговые консультанты, и адвокаты не могут точно сказать, что же имел в виду законодатель. Это приводит к тому, что разные правоприменители дают разное толкование одним и тем же нормам, и в итоге граждане единой страны платят налоги по разным законам¹⁸⁷. Тем самым отмечается и то, что адресатами норм являются налогоплательщики, а не только профессионалы в сфере налогового права.

Говоря об актах, имеющих узкую сферу применения, некоторые авторы пытаются сузить и круг адресатов этого акта. Так, если они прямо не выделяют специальных адресатов, то могут делать оговорку об основных, главных или первостепенных адресатах нормы. Например, К. В. Давыдов, рассуждая о природе административных регламентов, делает вывод, что «основным адресатом административных регламентов федеральных органов исполнительной власти были и остаются государственные служащие. Поэтому одной из ключевых для правильного понимания и конструктивного развития института административных регламентов является проблема должностных регламентов государственных служащих»¹⁸⁸.

Рассматривая вопрос об адресатах юридических актов, некоторые авторы предпочитают говорить про адресатов правоприменительных актов, так как для таких актов обычно легко определить лиц, которым акт адресован. Что касается именно нормативных правовых актов, то у них нет конкретных адресатов, они рассчитаны на неопределённый круг лиц¹⁸⁹. Эта особенность нормативных правовых актов отмечается достаточно часто. В. М. Жуйков, выделяя признаки нормативного акта, отмечает, что необходимо наличие трёх признаков для того, чтобы акт считался нормативным правовым: акт принят

¹⁸⁶ Schroth P. W. *Language and Law* // *Am. J. Comp. L. Supp.* 1998. P. 39.

¹⁸⁷ Зорькин В. Д. Там же. С. 102.

¹⁸⁸ Давыдов К. В. *Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории: монография.* М., 2010. С. 221.

¹⁸⁹ Соколова М. А. *Дефекты юридических документов: монография.* М., 2016. С. 82-83.

компетентным органом, содержанием акта является правовая норма, правовая норма адресована неопределённому кругу лиц и рассчитана на неоднократное применение¹⁹⁰. Особенность адресата как раз и преподносится автором, в совокупности с возможностью неоднократного применения, как отличительная черта нормативных актов, позволяющая отделить их от иных правовых актов.

В. А. Кирсанов, высказывая аналогичную мысль, делает вывод, что нормативные акты имеют «неконкретного адресата»¹⁹¹. Кроме этого, под нормативным правовым актом в большинстве доктринальных источников, в практике Конституционного Суда РФ и других судов понимается «акт общего действия, адресованный неопределенному кругу лиц, рассчитанный на многократное применение, содержащий конкретизирующие нормативные предписания, общие правила и являющийся официальным государственным предписанием, обязательным для исполнения»¹⁹². Иными словами, правовая норма, содержащаяся в нормативном акте, имеет общий характер, который выражается в том, что норма действует неограниченное количество раз в каждом случае, когда имеются обстоятельства, предусмотренные гипотезой данной нормы. Общий характер нормы находит своё отражение и в особенностях адресата нормы. Точечно определить адресата вне рамок конкретного правоотношения невозможно. Адресатом нормы всегда является неопределенный круг лиц. Общая правовая норма «характеризуется персональной неконкретностью адресатов - она распространяет свое действие не на индивидуально определенных, а на любых лиц, которые вступают или могут вступать в правоотношения на ее основе, адресована, как правило, кругу лиц, определяемых общими признаками (граждане, депутаты парламента, пенсионеры, фирмы и т.д.)»¹⁹³.

¹⁹⁰ Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 243-244.

¹⁹¹ Кирсанов В. А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 20.

¹⁹² Блинов А.Б. Акты Президента РФ и их оспаривание // Государственная власть и местное самоуправление, 2017. № 1. С. 56.

¹⁹³ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич и др.; под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 145.

Наиболее верным представляется признание того, что нормативные акты имеют адресата, несмотря на то что его невозможно определить исчерпывающим образом. Утверждение о том, что адресат есть только у правоприменительных актов, выглядит крайне спорным на том основании, что нормативные акты были бы оторваны от реальности, если бы не имели адресата. Закрепление в нормативных актах правил поведения подразумевает стремление урегулировать отношения в обществе между различными субъектами. Если эти нормативные положения никому не адресованы, то зачем они тогда нужны, и на каком основании возможно требовать их исполнения? Адресатом необходимо признать неопределённый круг лиц.

Таким образом, путём официального опубликования содержание нормативного акта должно быть представлено для свободного доступа неопределённого круга лиц. Доступность содержания должна означать то, что любое лицо, обратившееся к опубликованному тексту нормативного акта, сможет понять смысл этого акта. Если рядовой член общества не может понять смысл опубликованного акта по причине отсутствия специального образования, то следует признать, что опубликование своей цели не достигло¹⁹⁴. В рамках опубликования акта нельзя его конкретизировать, изложить «простым языком» или упростить. Опубликован должен быть тот текст акта, который был выработан в рамках нормотворческого процесса. Это означает, что обязательное опубликование нормативного акта, которое теряет смысл при непонятности текста акта адресату, обращает к законодателю требование формулировать акты таким образом, чтобы они были доступны для восприятия неопределённым кругом лиц, на которых этот акт распространит своё действие. Впрочем, практика законодательной деятельности некоторых штатов США демонстрирует, что могут использоваться и некоторые другие подходы. Так, в одних штатах требования к понятности языка, на котором изложен юридический документ, могут быть

¹⁹⁴ Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2020. № 1. С. 51

обращены ко всем письменным актам, предназначенным для регулирования отношений в обществе. В других же круг юридических документов, к которым предъявлялись такие требования, сужается до тех актов, которые распространяют своё действие на простых потребителей, то есть лиц без специальной подготовки. При этом из сферы действия требований к понятности акта исключают, например, правила проведения операций с ценными бумагами или порядок выдачи коммерческих кредитов¹⁹⁵.

В итоге мы сталкиваемся с тем, что понятность закона, опубликованного на государственном языке, презюмируется. Опровергнуть эту презумпцию практически невозможно на практике, что будет показано в третьей главе.

2.2.3. Зависимость понятности нормативного акта от языка его опубликования

На этом месте необходимо сделать отступление от вопроса сложности текста нормативного акта или от проблемы определения адресата акта и обратиться к вопросу, который редко подробно освещается в литературе в контексте проблемы понятности нормативного акта – к вопросу языка, на котором нормативные акты публикуются. Одной из гарантий, способствующих повышению уровня понятности нормативных актов для всего населения страны, является закрепление русского языка в качестве государственного, обязательного для использования в деятельности органов власти. Российская Федерация является многонациональным государством, русский язык при этом выступает языком межнационального общения. Логика очевидна – русский язык подразумевается понятным большинству адресатов нормативных актов, как минимум за всеми гражданами РФ признаётся владение русским языком. Это достигается путём использования русского языка в образовательном процессе, в деятельности организаций всех форм собственности и т.д. Натурализованные граждане при вступлении в гражданство РФ должны подтвердить знание русского языка.

¹⁹⁵ Ross S. M. On legalities and linguistics: plain language legislation // Buff. L. Rev. 1981. P. 321.

Однако действующее законодательство, регулируя порядок опубликования федеральных и региональных нормативных актов, не полностью придерживается указанного подхода по определённым причинам, что вызывает серьёзные сложности, о которых речь пойдёт ниже.

В Российской Федерации используется ряд языков, обладающих особым статусом. В соответствии с ч. 1 ст. 68 Конституции РФ на всей территории России государственным языком является русский язык. Республики, входящие в состав Российской Федерации, вправе установить свои государственные языки. Конституция РФ не ограничивает количество языков, которые республики полномочны устанавливать в качестве государственных¹⁹⁶. Однако государственные языки республик не могут рассматриваться в качестве альтернативы русскому языку и подлежат использованию наряду и наравне с ним. В связи с тем, что статусом государственного языка наделены далеко не все языки, которые являются родными для народов, проживающих на территории России, законодатель в ряде нормативных актов использует такое понятие как «язык народов».

В условиях существующего языкового многообразия одной из задач государства выступает создание условий для сохранения и развития существующих языков, в том числе в целях их использования в сферах государственной и общественной жизни (в официальных сферах). Использование нескольких языков можно назвать проявлением лингвистического плюрализма, что способствует эффективности функционирования различных социальных институтов в большей степени, чем использование только одного языка в многонациональном обществе¹⁹⁷. Важнейшим условием для использования языка в официальных сферах является нормативная регламентация данного процесса. Этот вопрос будет подробно рассмотрен в заключительном параграфе этой главы.

Ряд практических проблем возникает при использовании нескольких

¹⁹⁶ Например, государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются - абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский.

¹⁹⁷ Rodriguez C. M. Language and Participation // Cal. L. Rev. 2006. P. 687.

языков для опубликования нормативных актов как федерального, так и регионального уровня.

Закон о государственном языке регулирует особенности употребления русского языка как государственного языка Российской Федерации, в том числе определяет сферы, в которых его использование является обязательным¹⁹⁸. В соответствии с п. 5 ст. 3 Закона № 53-ФЗ в число таких сфер входит официальное опубликование международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов. Вопрос о том, на каком языке публикуется акт, не возникает в силу того, что русский язык является единственным государственным языком в Российской Федерации. Иными словами, международные договоры Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты подлежат официальному опубликованию на понятном для всех языке - русском языке. Здесь можно было бы поставить точку, отметив, что таким образом официальное опубликование акта достигает своей цели, так как акт, изложенный на русском языке, понятен его адресатам, но в законодательстве есть ещё ряд важных положений, регулирующих процесс опубликования нормативных актов, в том числе на иных языках.

Так, проблема недостаточности использования русского языка для обеспечения понятности акта населению возникает при опубликовании актов не только на русском языке, но и на иных языках. Как уже указывалось ранее, использование государственного языка РФ обязательно при опубликовании законов и иных нормативных правовых актов как федерального, так и регионального уровней. Однако наиболее острая проблема при опубликовании региональных актов связана с двуязычием (полиязычием) регионального законодательства¹⁹⁹.

¹⁹⁸ О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199

¹⁹⁹ Васильева Л. Н. Двуязычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы // Журнал российского права, 2008. № 8. С 28.

Далее при упоминании двуязычия регионального законодательства будет подразумеваться возможность использования и большего числа языков в определенных случаях.

Основа для существования двуязычного законодательства заложена в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ, в соответствии с которой республики получили право устанавливать свои собственные государственные языки. Данные субъекты Российской Федерации были образованы по национально-территориальному принципу, и, как правило, государственным языком республики является язык титульной нации региона. Иные субъекты Российской Федерации - края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа образовывались, в отличие от республик, по территориальному принципу. Тот факт, что Конституция РФ не предусматривает для этих регионов возможности установления государственного языка, не означает отсутствия в них проблемы двуязычия законодательства, что будет продемонстрировано далее.

Положения ч. 2 ст. 68 Конституции РФ были конкретизированы Законом «О языках народов Российской Федерации» (далее - Закон № 1807-1, Закон о языках)²⁰⁰. В статьях 12 и 13 данного Закона в отношении федеральных актов устанавливается, что федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации официально публикуются на государственном языке Российской Федерации. В республиках указанные правовые акты наряду с официальным опубликованием могут публиковаться на государственных языках республик.

Для региональных актов Закон № 1807-1 предусматривает, что законы и иные нормативные правовые акты республик, наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации, могут

²⁰⁰ О языках народов Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

официально публиковаться на государственных языках республик. Законы и иные нормативные правовые акты краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов официально публикуются на государственном языке Российской Федерации. При этом в необходимых случаях указанные нормативные правовые акты наряду с официальным опубликованием могут публиковаться на языках народов Российской Федерации в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации.

В указанных нормативных формулировках заложено несколько проблем, связанных с существованием двуязычного регионального законодательства.

Закон № 1807-1 использует понятия опубликование и официальное опубликование. Есть ли между ними разница, в чем она заключается и какие влечет последствия? Разница есть, и она носит принципиальный характер. На государственном языке РФ официально опубликовываются федеральные акты на всей территории России. Кроме того, официально опубликовываются на государственном языке РФ нормативные акты всех субъектов РФ. В третий раз законодатель указывает на официальное опубликование нормативных актов республик, которые официально публикуются уже на государственном языке республики наряду с опубликованием на русском языке.

В свою очередь, термин «опубликование» законодатель использует в отношении федеральных актов при их опубликовании на государственном языке республики наряду с официальным опубликованием на русском языке. Этот же термин используется при регламентации возможности регионов (помимо республик) публиковать региональные акты на языках народов РФ.

Использование различных формулировок в рамках Закона № 1807-1 представляется не случайным.

Так, под официальным опубликованием в Законе № 1807-1 подразумевается обязательный элемент нормотворческой деятельности, без которого применение акта не влечет за собой юридических последствий. Под

простым опубликованием, вероятно, понимается информирование населения о содержании нормативных актов различного уровня на языке, который им понятен (помимо русского языка).

Такие выводы влекут за собой серьезные последствия, связанные с соотношением вариантов одного нормативного акта, опубликованного на нескольких языках. Уместно это различие рассматривать в отношении актов федерального и регионального уровня.

Для актов федерального уровня момент вступления в силу связан с их опубликованием на русском языке, которое происходит одновременно на всей территории России. Опубликование на государственном языке республики никак не влияет на юридическую силу данных актов, может быть существенно отдалено во времени, может носить обязательный или необязательный характер (в зависимости от регионального законодательства). Стоит также обратить внимание на то, что при буквальном толковании статей 12 и 13 Закона № 1807-1 следует сделать вывод, что акты федерального уровня не публикуются на языках народов Российской Федерации.

В отношении актов республик складывается более сложная ситуация. Законодательство республики может устанавливать обязательное опубликование региональных актов на государственном языке республики наряду с государственным языком РФ, может устанавливать право на такое опубликование, а может и вовсе установить обязательность опубликования только на государственном языке РФ. В последнем случае возникает ситуация, схожая с опубликованием федеральных актов. Для первого и второго случая необходимо дать ряд пояснений. Если орган власти республики должен или решил опубликовать региональный акт на государственном языке республики, то как он обязан это сделать? Очевидный ответ – в соответствии с законодательством республики. Именно такую формулировку содержат конституции ряда республик. Специальное законодательство содержит подобные формулировки: «Официальным опубликованием нормативного правового акта Республики Марий Эл считается первая публикация его

полного текста в официальных периодических печатных изданиях. Законы Республики Марий Эл публикуются на государственных языках Республики Марий Эл»²⁰¹, «Законы и иные нормативные правовые акты, принятые высшими органами государственной власти Республики Хакасия, наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации могут официально публиковаться на хакасском языке»²⁰². Как показывает анализ нормативных правовых актов республик, они очень поверхностно регулируют процедуру опубликования нормативных актов на двух языках.

Такая процедура должна учитывать следующее. Региональный акт в обязательном порядке должен быть опубликован на государственном языке РФ, именно с этим моментом необходимо связывать наступление юридических последствий введения его в действие. Если акт изначально был опубликован на государственном языке республики, то до опубликования на русском языке такой акт не должен считаться официально опубликованным. В случаях, когда в соответствии с региональным законодательством нормативный акт подлежит опубликованию на двух языках, такое опубликование необходимо осуществлять одновременно (текст акта на двух языках публиковать в одном источнике либо на разных языках в разных источниках, но в один день). Если на государственном языке республики акт опубликован позже, а обязанность его публикации на нескольких языках предусмотрена, то логичным было бы считать, что именно в момент опубликования на последнем из предусмотренных языков процедура опубликования акта считается выполненной. Такой подход гармонично соответствовал бы и ситуации, когда публикация на русском языке происходит позже других. В противном случае следует признать, что опубликование на региональном государственном языке республики актов

²⁰¹ ст. 22.2 Закона Республики Марий Эл от 6 марта 2008 г. № 5-3 «О нормативных правовых актах Республики Марий Эл» // Собрание законодательства Республики Марий Эл. 2008 г. № 4 (I). Ст. 193.

²⁰² ст. 11 Закона Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия». Режим доступа: СПС «Гарант».

субъекта РФ носит такой же информационный характер, как и опубликование федеральных актов, так как наступление юридических последствий опубликования акта связывается исключительно с опубликованием на русском языке. В связи с изложенным возникает вопрос, как воспринимать распространенное в региональном законодательстве положение о том, что официальным опубликованием является первое опубликование текста акта²⁰³? В подобных нормах должно содержаться указание на первую комплексную публикацию текста акта, представленного на всех обязательных языках²⁰⁴. Если толковать это положение иначе, то вновь будет сделан вывод об информационном характере публикации на государственном языке республики. В поддержку этой точки зрения можно привести еще и тот факт, что региональное законодательство часто указывает на равнозначность в юридическом плане текста акта, опубликованного на разных языках²⁰⁵. Более подробный анализ этого положения будет сделан в следующих частях работы.

Ситуация с региональными актами иных субъектов (не республик) при их опубликовании не только на государственном языке РФ, но и на языках народов РФ схожа с опубликованием на языках республик федеральных актов, - опубликование на языках народов РФ носит информационный характер и не порождает никаких юридических последствий. На это зачастую прямо указывается в региональном законодательстве²⁰⁶. Стоит отметить, что, исходя

²⁰³ О порядке официального опубликования и вступления в силу законов Республики Татарстан, постановлений Государственного Совета Республики Татарстан и его Президиума, нормативных правовых актов Президента Республики Татарстан, Кабинета Министров Республики Татарстан, иных органов исполнительной власти Республики Татарстан: Закон Республики Татарстан от 29 апреля 2022 г. № 24-ЗРТ. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁴ п. 5, ст. 43 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 3 августа 2002 г. № 52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» // Кабардино-Балкарская правда. 2002. № 155-156: «Обнародование подписанного закона Кабардино-Балкарской Республики осуществляется Главой Кабардино-Балкарской Республики путем первого официального опубликования полного текста закона Кабардино-Балкарской Республики на государственных языках Кабардино-Балкарской Республики не позднее двадцати четырех дней после его принятия».

²⁰⁵ ст. 12 Закона Республики Ингушетия от 16 августа 1996 г. № 12-РЗ «О государственных языках Республики Ингушетия»: // Сердало. 1996. № 36: «Тексты законов Республики Ингушетия и других правовых актов, принятых Народным Собранием Республики Ингушетия, Главой Республики Ингушетия, Правительством Республики Ингушетия, публикуются на обоих государственных языках и имеют равную юридическую силу».

²⁰⁶ ст. 6 Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 5 апреля 2010 г. № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа»: Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2010. № 2: «Органы государственной власти автономного округа в целях повышения правовой грамотности коренных малочисленных народов

из буквального толкования статей Закона № 1807-1, в республиках на языках народов РФ акты не публикуются вовсе. Представляется, что законодатель квалифицированно умолчал о возможности опубликования нормативных правовых актов на языках народов РФ, предоставив право республикам самостоятельно урегулировать данный вопрос.

Почти во всех республиках статусом государственного языка обладают несколько языков. Исключением является ситуация в Республике Карелия – в соответствии с Конституцией Республики Карелия государственным языком является русский, а также предусмотрено, что Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума. В свою очередь, законодательство Республики Карелия устанавливает, что карельский, вепсский и финский языки составляют национальное достояние Республики Карелия и, наряду с другими языками народов Республики Карелия, находятся под ее защитой, и на этих языках возможно опубликование нормативных актов.

Наличие двуязычного законодательства неминуемо порождает вопрос об идентичности содержания текстов одного акта, опубликованного на разных языках.

В случаях, когда опубликование на втором языке (в дополнение к опубликованию на русском языке) носит информационный характер, тексты акта на разных языках подразумеваются идентичными, но все варианты текста, кроме опубликованного на русском языке, являются лишь его переводом. При возникновении разночтений правоприменитель обязан считать единственно правильным текст, опубликованный на русском языке.

Спорной представляется ситуация, связанная с опубликованием нормативных правовых актов на двух и более государственных языках республик (наряду с опубликованием акта на русском языке). Очевидно, что

Севера осуществляют организацию перевода законов автономного округа и иных нормативных правовых актов автономного округа в области гарантий прав коренных малочисленных народов Севера на родные языки и их опубликование».

ни один из вариантов текста опубликованного акта не может считаться переводом. Однако в связи с лингвистическими отличиями тексты актов, изготовленных на разных языках, не смогут быть идентичными.

На этапе подготовки нормативного правового акта его проект разрабатывается на одном языке, после чего он подлежит переводу на другие языки и принятию уполномоченным органом. Возможна и ситуация, когда акт принимается на одном языке и уже впоследствии переводится и официально публикуется на других языках. Наиболее соответствующей действующему законодательству представляется первая ситуация, так как подразумевается, что текст акта на всех языках должен быть аутентичен по содержанию, иметь равную юридическую силу и принят законодателем в установленном порядке. Тем не менее одного указания на презумпцию аутентичности содержания нормативного правового акта, опубликованного на разных языках, явно недостаточно для решения всех проблемных вопросов в данной области.

Представим случай, при котором лицо, руководствуясь нормативным правовым актом на «первом» языке, совершает определенные действия, а другое лицо, руководствуясь тем же актом на «втором» языке, указывает на противоправное поведение первого лица. Как следует разрешить спор сторон, учитывая то, что оба акта обладают равной юридической силой, а оба лица действуют строго в соответствии с требованиями нормативного акта, составленного на соответствующем языке? Ситуация представляется как неразрешимой, так и неизбежной при двуязычном законодательстве. Причиной такого случая может быть использование в тексте нормативного акта на одном языке слов и выражений, не имеющих аналогов в другом языке, а с такой проблемой сталкиваются почти всегда при попытке использования двух языков для выражения одной и той же мысли²⁰⁷.

В настоящее время, как в теории, так и на практике наблюдаются попытки создания определенных механизмов преодоления указанной проблемы либо уменьшения вероятности ее возникновения.

²⁰⁷ Tamayo Y. A. «Official language» legislation: literal silencing // Harv. Blackletter L. J. 1997. P. 109-110.

Среди предлагаемых механизмов можно отметить следующие: привлечение специалистов лингвистов на этапе разработки проекта акта на нескольких языках; создание специализированных служб по переводу нормативных актов, которые и будут ответственны за качество перевода; наделение одного из вариантов текста преимуществом при выявлении разночтений. К примеру, в литературе предлагается создание федеральной государственной службы переводов федеральных законов и иных нормативных правовых актов с государственного языка РФ на другие языки ее субъектов²⁰⁸. Однако все предлагаемые решения не снимают саму проблему достижения аутентичности содержания равнозначного по юридической силе двуязычного законодательства.

Представленный подробный анализ установленного порядка официального опубликования и опубликования федеральных и региональных нормативных актов на нескольких языках позволяет сделать несколько выводов, которые демонстрируют некоторую противоречивость указанных положений. Исходным был тезис о том, что официальное опубликование ставит своей целью донесение до адресатов акта его положений в понятной для них форме. Действующее законодательство явно свидетельствует о том, что акт, опубликованный на русском языке, остаётся непонятным для населения отдельных регионов и местностей. Если бы опубликование акта наряду с русским языком производилось на других языках, то можно было бы сказать, что для понимания содержания акта русского языка достаточно, а опубликование на иных языках является лишь дополнительной гарантией, дающей населению возможность изучить содержание акта и на других, более понятных ему языках. Вместе с тем, в случаях, когда официальное опубликование на нескольких языках является обязательным, следует констатировать, что публикации акта на русском языке недостаточно для понимания его содержания адресатами. Здесь просматривается явное

²⁰⁸ Губаева Т. В., Малков В. П. Государственный язык и его правовой статус // Государство и право, 1999. № 7. С. 9.

противоречие, которое можно продемонстрировать на таком примере: региональный нормативный акт должен быть обязательно, наряду с публикацией на русском языке, официально опубликован на государственном языке республики, тем самым подразумевается, что только так он станет понятен адресатам в силу особенностей официального опубликования, о которых было сказано выше. При этом в той же самой республике может отсутствовать обязанность публиковать федеральные нормативные акты на региональном языке, и в любом случае с такой публикацией регион не может связывать никаких юридических последствий относительно действия этого акта во времени. Значит, за федеральными актами подразумевается понятность русскоязычного текста, а за региональными актами такая понятность не подразумевается. Подобное различие не имеет под собой никаких оснований. Решение указанной проблемы можно обнаружить в признании того, что официальное опубликование акта на русском языке является публикацией текста акта на понятном для всех его адресатов языке. Публикации на иных языках всегда выступают лишь дополнительной гарантией понятности текста акта. Различие юридических последствий и обязательности использования иных, кроме русского языка, языков при опубликовании актов необходимо понимать как реализацию языковой политики Российской Федерации, направленной на поддержание языкового многообразия. Дополнительно необходимо обратить внимание и на время появления норм законодательства, регулирующих вопросы использования региональных языков при опубликовании нормативных актов, – это 1991 год, время зарождения действующего российского законодательства. Учитывая политическую обстановку в стране в то время, можно допустить, что подобные полномочия республик в сфере закрепления и использования регионального государственного языка обусловлены политическими мотивами, а не стремлением сделать нормативные акты более понятными для населения.

Существование в Российской Федерации двуязычного законодательства призвано гарантировать доведение нормативных правовых актов до всего населения, говорящего на разных языках и, как следствие, повысить уровень правовой грамотности. Между тем правовое регулирование применения двуязычного законодательства должно в полной мере обеспечивать избежание правовых коллизий и трудностей, связанных с толкованием норм права.

2.3. Конституционное требование издания нормативных актов на государственном языке Российской Федерации

2.3.1. Государственный язык Российской Федерации

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 68 закрепила положение о том, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. Это лаконичное положение находит своё развитие в законодательстве о государственном языке. Например, именно в Законе № 53-ФЗ и в Законе РФ № 1807-1, а также в ряде других актов, которые затрагивают вопросы порядка использования государственного языка. Стоит упомянуть, что обычно указывается на два подхода к определению того, чем является государственный язык. Согласно первому подходу, государственный язык – это язык, используемый государственными органами, или это язык, который обязателен к употреблению и в иных сферах даже без участия государства. В соответствии со вторым подходом государственный язык охватывает почти все общественные сферы²⁰⁹.

Е. М. Доровских отмечает непоследовательность появления нормативного регулирования порядка использования и самого закрепления русского языка в качестве государственного. Указывается, что вопрос о государственном языке в Российской Федерации не был никак урегулирован до октября 1991 года, когда был принят Закон № 1807-1. При этом в Тувинской АССР, Чувашской ССР и в Калмыцкой ССР в 1990-1991 гг. статус государственного языка был закреплён за русским языком и за языками

²⁰⁹ Korhecz T. Official Language and Rule of Law: Official Language Legislation and Policy in Vojvodina Province, Serbia // Int'l J. on Minority & Group Rts. 2008. P. 459.

титულных наций этих регионов. В соответствии со ст. 3 Закона о языках на всей территории Российской Федерации русский язык стал государственным. В 1993 г. в Конституции РФ статус русского языка как государственного языка РФ был подтверждён, а за республиками в составе РФ было закреплено право устанавливать свои государственные языки и употреблять их в сфере официального общения наряду с русским языком. После принятия Закона № 53-ФЗ других актов такого уровня в сфере регулирования использования государственного языка принято не было²¹⁰. Нормативное регулирование порядка использования государственного языка сегодня нашло отражение и в других актах, в том числе подзаконных, которые будут упомянуты ниже.

Наибольшее внимание из этих актов привлекает Закон № 53-ФЗ, который регулирует особенности использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, в том числе определяет сферы, в которых его использование является обязательным. Так, требуется использование государственного языка в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства, а также при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов. Следовательно, русский язык в качестве государственного языка РФ выполняет интеграционную функцию, выступая в этом качестве, он является и языком законодательства.

В то же время, в соответствии с п. 6 ст. 1 Закона № 53-ФЗ при использовании русского языка как государственного не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов

²¹⁰ Доровских Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права, 2007. № 12. С. 9.

в русском языке.

Исходя из этого положения можно сделать вывод, что в качестве государственного языка Российской Федерации должен использоваться именно современный русский литературный язык.

Можно разграничить лингвистический термин «русского литературный язык» и юридический – «государственный язык». Если обратиться к лингвистике, то литературным языком признаётся «основная форма существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых средств, прошедших длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка»²¹¹.

Т. С. Садова и Д. В. Руднев указывают на традиционные признаки литературного языка, выделяя пять таких признаков: нормированность, кодифицированность, относительную стабильность (историческую устойчивость, традиционность), полифункциональность, развитую вариативность и гибкость²¹².

Русский литературный язык с юридической точки зрения (в качестве государственного языка) — это русский язык, который обязателен к использованию в установленных законом сферах и который должен соответствовать юридически закреплённым нормам современного русского литературного языка.

Необходимо обратиться к целям, которые преследовал законодатель, устанавливая предписания по использованию русского языка в качестве государственного. Анализ действующего законодательства о государственном языке позволяет выделить две основные цели²¹³.

²¹¹ Трошева С. Б. Литературный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. М., 2011. С. 208.

²¹² Руднев Д. В., Садова Т. С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Журнал российского права, 2017. № 2. С. 59.

²¹³ Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под. ред. С. А. Белова и Н. М. Кропачева. СПб., 2018. С. 110.

Первая цель – обеспечение эффективной коммуникации в обществе. Об этой цели подробно рассуждают С. А. Белов и Н. М. Кропачев²¹⁴. Государственный язык проявляется прежде всего в мультикультурном обществе как способ межнационального общения – взаимодействия разных этнических групп. Данная цель обуславливает необходимость установления порядка выбора используемого языка и закрепления обязательных сфер использования государственного языка, чем позволяет зафиксировать определённый приоритет языка, обладающего статусом государственного перед всеми другими языками. «Язык выступает скрепляющим звеном в отношениях между человеком, обществом и государством. Русский язык, будучи языком межнационального общения, является основным средством коммуникации для многонационального народа»²¹⁵.

Вторая цель - ограничение языковой практики, не соответствующей этическим нормам, правилам приличия и социальным стандартам правил общения. Преследуя эту цель, законодатель запрещает нецензурную брань и требует соблюдения тех правил языка, которые закреплены в грамматиках и справочниках: грамотная речь – это часть этикета и принятых в современном обществе стандартов.

Сам Закон № 53-ФЗ указывает на то, что государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве.

Такие цели закрепления государственного языка для отечественного правопорядка не являются новшеством. А. С. Айрапетян, исследуя государственный язык в советский период, делает вывод, что системное регулирование использования языков в то время отсутствовало и было представлено лишь отдельными правилами. При этом русский язык в

²¹⁴ Белов С. А. Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон, 2016. № 10. С. 107.

²¹⁵ Воронежский П. М. К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений // Журнал российского права, 2007. № 11. С. 45.

реальности занимал более весомое место, чем было нормативно предусмотрено (обязательность закрепления и обязательного использования государственного языка критиковалась ещё В. И. Лениным²¹⁶), это связывалось с тем, что русский язык по сравнению с другими языками народов СССР обладал большими функциональными возможностями. Русский язык являлся языком официального общения СССР и всех союзных республик, а также выступал общегосударственным языком СССР²¹⁷.

Сферы обязательного использования государственного языка крайне разнообразны. Среди них, например, законотворческая деятельность, делопроизводство, деятельность средств массовой информации. Особый интерес представляет сфера законотворчества, так как нормативный акт всегда имеет письменную форму, устанавливаемые им правила излагаются посредством письменной речи на определенном языке²¹⁸.

Часто указывается, что в этих сферах не может использоваться «один и тот же» государственный язык. В литературе обращается внимание на то, что существуют различные стили языка, а в обязательных сферах использования государственного языка нет единственного подлежащего использованию стиля. В указанных сферах используется официально-деловой стиль, публицистический и другие. Каждый функциональный стиль языка подразумевает наличие особенных языковых норм. С лингвистической точки зрения это справедливо, однако юридическое закрепление языковых норм позволяет иначе взглянуть на данный вопрос. Действующее законодательство о государственном языке обязывает обращаться к единому способу определения норм современного русского литературного языка для всех предусмотренных сфер обязательного использования государственного языка. В связи с таким расхождением лингвистического и юридического понимания особенностей государственного языка возникает вопрос о соотношении

²¹⁶ Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык // Пролетарская Правда. № 14 (32). 18 янв. 1914 г. // Полное собрание сочинений В.И. Ленина, 5-е издание, т. 24. С. 295.

²¹⁷ Айрапетян А. С. Закрепление правового режима русского языка в советских конституциях // Вестник Саратовской государственной академии прав, 2011. № 2. С. 38.

²¹⁸ Эрделевский А. М. О толковании закона // СПС «КонсультантПлюс». 2001.

современного русского литературного языка и русского языка, который используется в качестве государственного. Вариантов такого соотношения может быть три – это понятия совпадающие, не совпадающие или частично совпадающие. Вариант с несовпадением этих понятий рассматриваться не будет из-за очевидной невозможности такой ситуации, к тому же такой подход будет прямо противоречить действующему законодательству, в котором установлено, что при использовании русского языка в качестве государственно необходимо использовать современный русский литературный язык.

Т. С. Садова и Д. В. Руднев, отвечая на вопрос, поставленный выше, приходят к следующему выводу: «Традиционно исходят из того, что русский язык как государственный является одной из функций русского литературного языка. Это следует из традиционного выделения в рамках русского литературного языка функциональных стилей, среди которых упоминается и деловой стиль. Действительно, три признака литературного языка - нормированность, кодифицированность, относительная стабильность - вполне применимы к деловому стилю. Однако, обратившись к определению литературного языка, можно увидеть, что ряд дефиниционных признаков у языка правовой коммуникации будет отсутствовать. Вряд ли все языковые средства, используемые в правовой коммуникации, могут быть отнесены к числу общеупотребительных. Что же касается указания на то, что языковые средства прошли «длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова», то оно и вовсе неприменимо к правовой коммуникации»²¹⁹.

Д. Ю. Каркавина в закреплении языка как государственного видит инструмент осуществления национальной политики государства, обеспечение политического и культурного единства²²⁰. Таким образом, государственный язык позволяет создать единое коммуникативное пространство, в котором все

²¹⁹ Руднев Д. В., Садова Т. С. Там же. С. 60.

²²⁰ Каркавина Д.Ю. Комментарий к преамбуле // Комментарий к Федеральному закону от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2006.

участники коммуникации будут делиться информацией в понятных формах с использованием единого языка, к которому должны предъявляться общие требования. Для того чтобы коммуникация была эффективной, информация, которой обмениваются в этом пространстве, должна быть понятна субъектам коммуникации. Создание ситуации неоднозначного толкования передаваемых сведений негативно скажется на определённости положения субъектов коммуникации.

Официальное опубликование нормативных актов на государственном языке – это конституционная гарантия права граждан знать о содержании издаваемых нормативных актов. Нормы права, содержащиеся в них, должны быть понятны для граждан, иначе эта цель официального опубликования достигнута не будет. Аспект понятности положений издаваемых нормативных актов был подробно рассмотрен в предыдущем параграфе работы. Опубликование нормативного акта, положения которого непонятны адресатам, превратит официальное опубликование просто в необходимую с формальной точки зрения процедуру, которая не будет иметь смыслового наполнения. «Право граждан на доступность и понятность касающейся их информации распространяет требование обязательного использования государственного языка не только на сферу официального общения с публичной властью, но и на все области официального публичного общения. Например, защищая права граждан как потребителей товаров или услуг, законодатель устанавливает обязанность маркировать или рекламировать любую продукцию на государственном языке»²²¹. Важно помнить, что при издании нормативных актов должен использоваться государственный язык, роль которого играет современный русский литературный язык.

Таким образом, закрепление в Конституции статуса русского языка и развитие этого положения в законодательстве преследуют одну общую цель – создание условий для эффективной коммуникации в многонациональном обществе. Само требование по изданию и опубликованию нормативных актов

²²¹ Белов С. А., Кропачев Н. М. Там же. С. 110.

на русском языке рассмотрено как конституционное, а не законодательное²²². Это требование проистекает из конституционного положения, которое само по себе подразумевает использование государственного языка в официальной сфере, к которой бесспорно относится и законодательная деятельность. Дальнейшее законодательное развитие данного положения лишь конкретизировало его. Исходя из этого следует более детально определить содержание данного требования. Во-первых, установить, что рассматривается в качестве норм русского литературного языка. Во-вторых, рассмотреть вопрос реализации данного требования на региональном уровне.

2.3.2. Нормы современного русского литературного языка

Как уже отмечалось выше, при использовании русского языка как государственного должен употребляться современный русский литературный язык. Для реализации данного требования необходимо установить перечень источников норм современного русского литературного языка. Указанные источники должны быть утверждены государством в установленном порядке²²³. После изменений законодательства о государственном языке, произошедших в 2023 году, обязанность по определению порядка формирования и утверждения норм современного русского литературного языка возложена на Правительство РФ. При этом под нормами современного русского литературного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. На сегодня утверждён список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации (по результатам экспертизы), а также правила русской орфографии

²²² Ревазов М. А. Конституционные требования к языку нормативных актов// Журнал Конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 30.

²²³ Но с таким подходом не согласны многие лингвисты, не связывающие кодификацию языковых норм с признанием таких кодексов государством. См. например.: Шмелев А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы - есть ли проблема? // Русская речь, 2020. № 4. С. 44-45

и пунктуации (далее - Список)²²⁴. Изначально данная обязанность возлагалась на Министерство образования и науки РФ, которое утвердило соответствующий Список²²⁵. В список вошли всего 4 источника: орфографический словарь русского языка (под редакцией Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцовой Л. К.), грамматический словарь русского языка (под редакцией Зализняк А. А.), словарь ударений русского языка (под редакцией Резниченко И. Л.), большой фразеологический словарь русского языка (под редакцией Телия В. Н). Никакие другие источники, к которым часто обращаются государственные органы, лингвисты, юристы и другие специалисты не обладают указанным выше особым статусом – они не утверждены в установленном порядке. Отсутствие этого статуса формально позволяет говорить о недопустимости ссылки на эти источники для установления норм современного русского литературного языка. Однако правоприменительная практика знает массу примеров использования таких «неофициальных» источников.

По результатам проведенного анализа правоприменительных актов, в первую очередь судебных решений, можно указать, что очень часто в своих решениях суды указывают на то, что современное российское законодательство обязывает в установленных сферах использовать нормы современного русского языка, правила русской орфографии и пунктуации. Суды ссылаются на то, что во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» и на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по

²²⁴ О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации : Постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 48. Ст. 5042.

²²⁵ Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 // Российская газета. 2009. № 156.

русскому языку (протокол от 29 апреля 2009 г. № 10) приказом Минобрнауки России от 8 июня 2009 г. № 195 утвержден список грамматик, словарей и справочников, содержащий нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации. Важно, что в настоящее время также применяются Правила русской орфографии и пунктуации, утвержденные в 1956 году Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР (далее – Правила). Одновременно, указывая на сам факт существования утверждённого Списка, суды не ссылаются на сами источники, которые в этот Список вошли. Вместе с тем, суды активно используют Правила, а также различные иные словари, примеры которых указаны ниже.

В относительно небольшом количестве дел суды руководствуются списком словарей, который был утверждён Минобрнауки РФ. Если суд последовательно аргументирует свою позицию, то, после упоминания Постановления Правительства РФ № 714 и приказа Министерства образования и науки РФ № 195, он должен сделать вывод о том, что нормы современного русского литературного языка содержатся в словарях, грамматиках и справочниках, утверждённых данными нормативными актами. В одном из проанализированных дел суд обратился к Орфографическому словарю русского языка под редакцией Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. для разрешения вопроса о существовании такого сокращения или аббревиатуры как «проектная декларация»²²⁶. Также суды обращаются к словарям для определения того, есть в них спорное слово или нет, что и становится критерием соответствия этого слова нормам современного русского литературного языка²²⁷.

В большинстве случаев суды обращаются к источникам, не включенным в Список²²⁸. Анализ судебных решений позволил выявить те источники, к

²²⁶ Решение Арбитражного суда Самарской области от 8 февраля 2011 г. по делу № А55-25414/2010.

²²⁷ Решение Арбитражного суда г. Вологда от 30 марта 2012 г. по делу № А13-928/2012.

²²⁸ Белов С. А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, М. А. Ревазов // Закон. 2017. № 3. С. 114.

которым обращались суды для выявления норм современного русского литературного языка (названия взяты из текстов судебных решений без внесения изменений):

1. Большой толковый словарь русского языка Института лингвистических исследований Российской Академии Наук (Санкт-Петербург, «Норинт», 1998);
2. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова С. А.;
3. Большой толковый словарь современного русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940; репринтовое издание М., 1995; М, 2000;
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В. Н. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008;
5. Орфографический словарик: учебное пособие для учащихся нач. шк. 22 изд. М.: Просвещение, 1991 (Рекомендовано Министерством образования РСФСР);
6. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. М: АСТ-ПРЕСС, 2008. 1288 с.;
7. Правила русской орфографии и пунктуации (утв. АН СССР, Минвузом СССР, Минпросом РСФСР 1956);
8. Словарь жаргона;
9. Словарь ненормативной лексики русского языка под ред. Д. И. Квеселевич;
10. Словарь русского языка аргю;
11. Словарь русского языка Ожегова С. И.;
12. Словарь русского языка под редакцией Евгеньевой А. П.;
13. Словарь-справочник на сайте www.baurum.ru;
14. Словарю русской брани (СПб., Норинт, 1998);
15. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой;

16. Современный экономический словарь (ИНФРА-М, 2006, Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.);

17. Толковый словарь русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940);

18. Школьный словообразовательный словарь русского языка автор Тихонов А. Н. М.: Цитадель-трейд, 2008 г. 576 с. (премия Правительства Российской Федерации в области образования);

19. Электронная версия толкового словаря русского языка Ушакова.

Л. А. Вербицкая поднимала вопрос о том, что необходимо нормативное закрепление большого числа грамматик, словарей и справочников, которые содержат нормы современного русского литературного языка. При этом она приводила развёрнутый перечень из 47 источников, которые рекомендуются в качестве ориентира²²⁹.

Как было указано ранее, анализ правоприменительной практики показал, что источники, вошедшие в Список, правоприменителями практически не используются. Этот факт нельзя оценивать с той стороны, что подобное закрепление списка словарей, грамматик и справочников не востребовано правоприменителями. Учитывая активное применение иных источников, не закрепленных в качестве источников норм современного русского литературного языка в установленном порядке, можно сделать вывод о крайней востребованности подобного Списка, но не в том виде, в котором он представлен на сегодняшний день. Представляется, что данный Список должен дополняться и постоянно актуализироваться. К примеру, анализ практики показал большую востребованность толковых словарей, а также активное применение «Правил русской орфографии и пунктуации»²³⁰. Утверждение в установленном порядке используемых на практике источников норм современного русского литературного языка позволит избежать

²²⁹ Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал, 2015. Vol. 4. № 2. С. 94.

²³⁰ Правила русской орфографии и пунктуации: утв. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, 1956 г. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

разночтений при определении этих самых норм, устранить неоднородность судебной практики. В результате в значительной степени можно будет сократить число нормативных положений, которые создают неопределённость из-за того, что используемые в нормативных актах слова и выражения не могут быть однозначно истолкованы на основе единого источника.

2.3.3. Соблюдение литературных норм при двуязычном региональном законодательстве

Для нормативных актов, издаваемых на русском языке, проблема соответствия текста нормам современного русского литературного языка в силу описанной сложной ситуации с закреплением этих норм является основной при решении вопроса, связанного с языком акта²³¹. Стоит отметить, что проблема соблюдения норм современного литературного языка применительно к изданию нормативных правовых актов актуальна и при издании такого акта на других языках, помимо русского.

Региональное законодательство может содержать и требования о соблюдении литературных норм применительно к употреблению как государственных языков, так и языков народов РФ²³². Отсутствие таких требований не влечет за собой свободу усмотрения в вопросе применения языковых норм и правил в официальных сферах. Проведенный анализ законодательства субъектов РФ показал, что нормативное регулирование данного вопроса на региональном уровне либо полностью отсутствует, либо ограничивается общими фразами о необходимости учета определенных языковых норм.

С одной стороны, при двуязычии законодательства нормативный правовой акт, составленный на русском языке, подразумевается идентичным

²³¹ Существует еще ряд проблем, которые нуждаются в анализе и решении, в том числе проблема использования в нормативных актах отдельных слов и выражений, создающих ситуацию правовой неопределенности, нарушение ясности и понятности нормативных актов и т.д. Но эти проблемы «языка нормативных актов» затрагивают несколько другие аспекты, чем данная работа.

²³² п. 5 Постановления Правительства Республики Марий Эл от 8 декабря 2010 г. № 329 «Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл» // Марийская правда. Официальный еженедельник. 2010. № 49: «При публикации общественно значимой информации государственные языки Республики Марий Эл и иные языки используются в соответствии с их литературными нормами».

акту на ином языке. С другой стороны, не ясно, как соотносятся между собой нормы русского литературного языка и, к примеру, нормы марийского (горного и лугового) литературного языка. Могут ли эти нормы вступить между собой в противоречие при создании двуязычного акта, как определить круг этих норм, какими нормами руководствоваться при отсутствии подобного регулирования в законодательстве субъекта РФ?

Можно представить ситуацию, при которой вариант нормативного правового акта, составленного на русском языке, содержит нарушения норм современного русского литературного языка, и на этом основании перед судом ставится вопрос о признании недействующим этого акта в соответствующих частях. Что в этом случае должно произойти с вариантом этого акта на другом языке, который признается равным по юридической силе варианту, составленному на русском языке? Положения акта, составленного на другом языке, нормы современного русского литературного языка нарушить не могут. Предположим, что акт на другом языке полностью соответствует требованиям, установленным к использованию такого языка. Оснований для корректировки не русскоязычного варианта текста в таком случае нет, он не является переводом с русского языка – он выступает как самостоятельный вариант текста. В итоге возникает ситуация, когда существует один акт, текст которого представлен на двух языках, оба варианта имеют равную юридическую силу, признаются идентичными по содержанию, но фактически различаются. Это повлечет серьезные проблемы, связанные с применением такого акта. Задача составления нормативных актов на нескольких языках «усложняется требованиями высочайшей точности, идентичности актов в версиях на разных языках, особенностями использования специальной юридической терминологии в разных языках»²³³.

Остро стоит проблема определения и закрепления норм современного русского литературного языка. Представляется, что решение этой проблемы

²³³ Ревазов М. А. Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов // Закон, 2023. № 1. С. 186.

зависит от активного взаимодействия законодателя со специалистами в области юриспруденции и лингвистики, в результате которого необходимо выработать механизм нормативного закрепления норм современного русского литературного языка в достаточном объеме для его использования в тех сферах, где использование государственного языка РФ является обязательным. Аналогичное предложение можно обратить и к тем субъектам РФ, в которых статусом государственного языка обладают несколько языков, для определения тех норм, которым должны соответствовать эти государственные языки при использовании в официальных сферах деятельности.

Глава 3. Применение требований к языку нормативных актов в нормотворчестве и судебной практике

3.1. Обеспечение соблюдения требований к языку нормативных актов в законодательном процессе

3.1.1. Юридическая техника

В рамках правотворческой деятельности выделяют две основных составляющих. Первая связана с тем, что субъект правотворческой деятельности должен сформулировать правовую норму. Вторая заключается в закреплении этой нормы права в текстуальной форме. Некоторые авторы процесс документального закрепления норм права выводят за рамки правотворческой деятельности на том основании, что здесь уже нет создания права, это лишь технический процесс²³⁴. Но не зависимо от того, какой позиции придерживаются отдельные специалисты, деятельность по текстуальному оформлению правовых норм всегда признаётся значимой и заслуживающей самого пристального внимания. Ещё Иеринг отмечал, что наличие в праве технических неточностей и дефектов должно рассматриваться как несовершенство права. Такие недостатки тормозят развитие права и просто вредят ему²³⁵.

Как уже не раз указывалось, избежать таких неточностей при закреплении правовых норм в юридических текстах помогает юридическая техника. Некоторые авторы называют её правотворческой техникой, но подразумевается под этим то же самое – совокупность приёмов и методов, позволяющих качественно изложить правовую информацию в юридическом тексте. Говоря о юридической технике и правотворческой технике, или как её порой называют - законодательной технике, отмечают, что юридическая техника – это общее понятие, которое делится на технику создания нормативных правовых актов и индивидуальных правовых актов.

Сами методы юридической техники разнообразны и многочисленны.

²³⁴ Булатова Ю. В. Правотворческая техника как составляющая правовой экспертизы управленческих решений // Современное право, 2009. № 6. С. 8.

²³⁵ Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. С.-Петербург, 1905. С. 29.

В. М. Сырых в своих работах приводит их классификацию²³⁶. Автор выделяет четыре группы таких методов. Во-первых, методы, используемые на этапе разработки самой концепции акта. Во-вторых, методы формулирования конкретных правовых норм или разработки механизма их реализации. В-третьих, методы построения самого текста разрабатываемого акта. В-четвёртых, методы оценки эффективности разрабатываемых норм. Это очень широкий взгляд на то, что понимается под методами юридической техники. Можно согласиться с Ю. В. Булатовой, которая отмечает, что из приведённой классификации только третья группа должна рассматриваться в рамках вопроса о правотворческой технике.

Наибольший интерес представляют такие средства как язык, с помощью которого любая норма находит своё отражение в тексте. Вместе с языком рассматриваются и такие связанные с ним категории как словарный состав, правила орфографии и пунктуации, стилистические особенности и прочее. Вопрос систематизации всех приемов правотворческой техники является актуальным и сегодня²³⁷. Четкого определения круга и юридического содержания инструментов законодательной техники в доктрине не наблюдается²³⁸. Впрочем, это вопрос, выходящий за рамки данного исследования, хотя и тесно с ним связанный.

3.1.2. Лингвистическая оценка текста нормативных актов и их проектов

Важную роль в нормотворческом процессе играет экспертный анализ принятых законов и законопроектов, который должен обеспечить необходимое качество нормативных актов²³⁹. При подготовке проекта нормативного акта необходимо в обязательном порядке осуществлять его

²³⁶ Сырых В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 14.

²³⁷ Там же. С. 15.

²³⁸ Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки, 2021. Т. 15. № 1 (55). С. 79

²³⁹ Усманова Е. Ф., Паулова Ю. Е. Понятие и значение экспертизы законопроектов в современной России // Право и государство: теория и практика, 2020. № 3 (183). С. 99

лингвистическую экспертизу, направленную на исключение логических, стилистических, грамматических ошибок и языковых аномалий (нарушений правил употребления слов)²⁴⁰. Наличие в тексте нормативного акта неточностей и ошибок в использовании языковых правил приводит к неоднозначному толкованию норм, что снижает возможность их эффективного применения.

Действующее законодательство предусматривает экспертную оценку текста нормативных актов. Наибольший интерес для данного исследования представляет оценка проектов нормативных актов. Особое значение в этой сфере придаётся лингвистической экспертизе проектов нормативных актов, в первую очередь – законопроектов.

В соответствии с Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ по поручению ответственного комитета Правовое управление Аппарата Государственной Думы осуществляет постатейную правовую и лингвистическую экспертизу законопроекта²⁴¹. В соответствии с п. 7 ст. 121 Регламента лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов. В рамках лингвистической экспертизы предусмотрена оценка не просто на соответствие текста нормативного акта нормам современного русского литературного языка, но и учитываются особенности языка нормативных актов. Такими особенностями необходимо признать аспекты, описанные в первой главе данной работы, включая стилистику нормативных актов и порядок употребления специальной

²⁴⁰ Базавлук Л. М. О некоторых особенностях лингвистического анализа и редактирования юридического текста // Формирование и совершенствование поликультурной языковой личности специалистов средствами родного, русского и иностранного языков: Сборник материалов всероссийского «круглого стола». г. Орёл, 2016. С. 18.

²⁴¹ п. 6 ст. 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, утверждённого Постановлением ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998 г. № 7. Ст. 801.

терминологии.

В заключении, которое готовит Правовое управление Аппарата Государственной Думы на основании результатов правовой экспертизы законопроекта, должно быть отражено следующее: не нарушена ли внутренняя логика законопроекта, нет ли коллизий между разделами, главами, статьями, частями и пунктами законопроекта. Если такие противоречия есть, то в заключении должны быть представлены рекомендации по их устранению.

Регламент Совета Федерации Федерального собрания РФ также предусматривает, что проекты актов, вносимых на рассмотрение Совета Федерации, проходят юридическую и лингвистическую экспертизы в Правовом управлении Аппарата Совета Федерации и визируются их должностными лицами²⁴².

Содержание лингвистической экспертизы схожим образом раскрывается и в других нормативных актах. Так, Законом г. Москвы «О правовых актах города Москвы» лингвистическая экспертиза проектов правовых актов определяется как исследование, направленное на оценку текстов проектов правовых актов на предмет их соответствия нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей юридических текстов, устранение орфографических, пунктуационных ошибок²⁴³.

3.1.3. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных актов

Ещё одним механизмом, направленным на устранение нарушений требований к языку нормативных актов, необходимо признать антикоррупционную экспертизу проектов нормативных правовых актов. При создании нормативного акта законодатель обязан соблюдать нормы современного русского литературного языка. Кроме этого, законодатель

²⁴² О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635.

²⁴³ О правовых актах города Москвы: Закон г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 // Ведомости Московской городской Думы. 2009. № 8. ст. 214.

должен учитывать и требования к языку нормативных актов – логическую стройность, чёткость, ясность и определённую, понятность, принимать во внимание особенности стилистики нормативных актов и правила использования специальных терминов. Такие повышенные требования к выверенности текста нормативного акта обусловлены теми функциями, которые на него возлагаются.

Несоблюдение указанных требований влечёт возникновение тех факторов, которые называются коррупционными. Причины этого могут быть разными, начиная с особенностей русского языка, заканчивая недостаточной квалификацией составителей нормативного акта. Даже юридически точный нормативный акт может быть создан с нарушением требований к языку этого акта. Е. И. Галяшина верно отмечает, что «текст закона должен быть не только юридически грамотным, но и лингвистически выверенным»²⁴⁴.

Общие правила проведения такой экспертизы закреплены Федеральным законом от 17 июля 2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Закон № 172-ФЗ)²⁴⁵, Федеральным законом от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»²⁴⁶ и постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – постановление Правительства РФ № 96)²⁴⁷. Антикоррупционной экспертизе подлежат не только действующие нормативные акты, но и проекты нормативных актов.

²⁴⁴ Галяшина Е. И. Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 148.

²⁴⁵ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.

²⁴⁶ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228.

²⁴⁷ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084.

Антикоррупционная экспертиза проводится на обязательной основе. Обязанность по проведению экспертизы возложена на Прокуратуру РФ и Министерство юстиции РФ.

Кроме этого, антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов проводится органами, организациями и их должностными лицами - в отношении проектов нормативных актов, разрабатываемых ими.

Для понимания потенциала такого механизма и его значимости в вопросе обеспечения соблюдения требований к языку нормативных актов необходимо обратиться к Методике проведения экспертизы, утверждённой постановлением Правительства РФ № 96. Согласно этой методике, экспертиза, в том числе проектов нормативных актов, проводится в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

Методика выделяет две группы коррупциогенных факторов. Первая группа – это коррупциогенные факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. Любой из указанных в этой группе факторов негативно влияет на правовую определённость, а значит несёт в себе и угрозу равенству прав граждан перед законом. Особо можно выделить некоторые из них: широта дискреционных полномочий, сформулированных в проекте нормативного акта; определение компетенции по формуле «вправе», что является диспозитивным установлением; отсутствие или неполнота административных процедур; нормативные коллизии - противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае.

Вторая группа — это коррупциогенные факторы, содержащие неопределённые, трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям. В этой группе особо выделяется такой фактор, как

юридико-лингвистическая неопределенность - употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Из приведённых положений методики видно, что на этапе разработки акта с помощью антикоррупционной экспертизы можно выявить и устранить коллизии и пробелы в нормативном регулировании, избежать использования оценочных понятий и терминов, не имеющих однозначного определения, устранить иные причины возникновения правовой неопределённости в связи с дефектами текста нормативного акта.

Однако, как показывает практика, проведение антикоррупционной экспертизы, особенно проектов нормативных актов, сталкивается с рядом проблем. Законодательство тесно связывает проведение антикоррупционной экспертизы с мониторингом правоприменения.

Так, статья 3 Закона № 172-ФЗ, затрагивающая порядок проведения экспертизы, четыре раза упоминает мониторинг правоприменения, описывая порядок проведения экспертизы.

Анализ положений Постановления Правительства РФ № 96, в частности Методики проведения экспертизы, показывает, что в Методике недостаточно затронуты вопросы организации проведения антикоррупционной экспертизы различными субъектами, и не определяется место мониторинга правоприменения в этой деятельности.

Кроме этого, в соответствии с Законом № 172-ФЗ антикоррупционная экспертиза проводится не только в рамках мониторинга правоприменения, но и при проведении правовой экспертизы. Что такое правовая экспертиза - отдельный вопрос. К примеру, положение упомянутого Закона г. Москвы даёт определение этого понятия, распространяя его только на проекты нормативных актов. Так, правовая экспертиза проектов правовых актов - исследование, направленное на установление соответствия проектов правовых актов общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, правовым актам более высокой

юридической силы, требованиям юридической техники^{248,249}.

Органы прокуратуры уделяют значительное внимание проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных актов. Предметом рассмотрения дел в судах часто становилось невыполнение этой обязанности органами местного самоуправления. Если органы местного самоуправления такие экспертизы не проводят, то их бездействие признаётся органами прокуратуры противоречащим закону. Проходя к соответствующим выводам органы прокуратуры руководствуются региональными и муниципальными нормативными актами, но в первую очередь обращают внимание на п. 2 ст. 6 Закона № 172-ФЗ. В таких делах заявители требуют обязать определённые органы местного самоуправления провести антикоррупционную экспертизу конкретных муниципальных актов в рамках мониторинга правоприменения.

В судебных решениях, принимаемых в пользу органов прокуратуры, суды повторяют заявленные требования, которые выглядят примерно так: «Обязать администрацию Садовского сельского поселения Аннинского муниципального района Воронежской области в месячный срок в рамках мониторинга правоприменения нормативных правовых актов провести антикоррупционную экспертизу постановления №105 от 23 августа 2011 г. «Об утверждении Положения о защите персональных данных работников администрации Садовского сельского поселения Аннинского муниципального района Воронежской области». Обязать Совет народных депутатов Садовского сельского поселения Аннинского муниципального района Воронежской области в месячный срок в рамках мониторинга правоприменения нормативных правовых актов провести антикоррупционную экспертизу следующих решений ...».

Прокуратура может проверить не только отдельное муниципальное образования, а сразу несколько, после чего обратиться в суд по поводу бездействия каждого, в котором не соблюдаются указанные выше требования.

²⁴⁸ п. 2 ст. 14 Закона г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы».

²⁴⁹ По поводу соотношения понятий правовая экспертиза, правовой мониторинг, мониторинг правоприменения и др. см. подробнее <https://clck.ru/XAobC> (дата обращения: 14.07.2022).

К примеру, был обнаружен целый ряд однотипных дел, рассмотренных судами Кемеровской области, где было установлено незаконное бездействие органов местного самоуправления сразу 9 муниципальных образований. Но такая практика встречается лишь в отдельных регионах страны.

При выявлении подобного бездействия суд может как просто обязать органы местного самоуправления проводить мониторинг муниципальных правовых актов, так и конкретизировать эту обязанность, например так: «осуществлять проведение мониторинга правоприменения положений муниципальных правовых актов, связанных с повседневными потребностями граждан, с целью выявления противоречий, избыточного регулирования и сложных для восприятия положений, которые способствуют проявлениям коррупции и тормозят развитие правовой грамотности граждан»²⁵⁰.

Суды отдельно отмечают, что проведение антикоррупционной экспертизы является обязанностью, а не правом органов и организаций, принимающих нормативные акты. Вместе с тем суды придерживаются позиции, что сама антикоррупционная экспертиза актов проводится при их правовой экспертизе и при мониторинге их применения. То есть, мониторинг правоприменения — это один из процессов, в рамках которого осуществляется антикоррупционная экспертиза акта. При этом в силу п. 4 Указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления могут осуществлять мониторинг по собственной инициативе²⁵¹. Это положение порождает идею о том, что органы местного самоуправления участвуют в мониторинге правоприменения на добровольных началах. Однако их следует толковать так, что указанные субъекты могут дополнительно добровольно проводить мониторинг правоприменения актов, принятых не ими. Проведение мониторинга нормативных актов, принятых ими самими, является обязательным.

²⁵⁰ Решение Новоселицкого районного суда Ставропольского края от 19 апреля 2017 г. по делу № А-180-17.

²⁵¹ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21. Ст. 2930.

Анализ судебных дел, связанных с проведением антикоррупционной экспертизы муниципальных актов, показал частое отсутствие муниципального акта, регламентирующего проведение такой экспертизы. Суды обращают внимание на это, квалифицируя отсутствие соответствующего акта как бездействие. В резолютивной части решения при этом указывается, что орган местного самоуправления обязан разработать и принять нормативный акт, регламентирующий порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов²⁵². Учитывая, что сам суд указывает на необходимость проведения такой экспертизы в рамках мониторинга правоприменения, орган местного самоуправления должен будет отразить этот подход в том акте, который по решению суда он обязан разработать. Иными словами, все органы власти должны издать нормативный акт, регламентирующий порядок проведения мониторинга правоприменения принимаемых ими актов. Анализ актов федеральных органов исполнительной власти показал, что акты, регламентирующие проведение антикоррупционной экспертизы, приняты подавляющим большинством из них, при этом в основу таких актов положена Методика, указанная выше²⁵³.

В литературе выделяют отдельные виды антикоррупционной экспертизы. Одним из таких видов называют неполную антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов правовых актов²⁵⁴.

²⁵² Решение Аннинского районного суда Воронежской области от 9 декабря 2011 г. по делу № 2-641/2011; решение Аннинского районного суда Воронежской области от 12 декабря 2011 г. по делу № 2-636/2011.

²⁵³ См. например: Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства культуры Российской Федерации: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 15 декабря 2010 г. № 774 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 10; Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии: Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 15 апреля 2010 г. № П/138 // Российская газета. 2010. № 130; Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, издаваемых Федеральным агентством научных организаций: приказ Федерального агентства научных организаций от 25 декабря 2013 г. № 11н // Российская газета. 2014. № 6; Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Следственного комитета Российской Федерации: Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 38 // Российская газета. 2012. № 192.

²⁵⁴ Слепкова О. А. Классификация видов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной таможенной службы Российской Федерации // Административное и муниципальное право, 2013. № 12. С. 1170.

Неполнота проявляется в том, что анализ проводится не для выявления всех указанных в Методике факторов, внимание уделяется лишь одному или нескольким из них. К такой неполной антикоррупционной экспертизе относят юридико-лингвистическую экспертизу нормативных правовых актов и проектов правовых актов²⁵⁵.

Юридико-лингвистическая неопределенность выделена в качестве обособленного коррупциогенного фактора. При этом неопределённость юридико-лингвистического характера получила достаточно ограниченное определение, в результате чего она сводится к использованию неоднозначных терминов и оценочных понятий. Е. И. Галяшина, обращая внимание на то, что в тексте нормативного акта «часть информации выражается эксплицитно, то есть с помощью терминов и терминологических сочетаний, специально предназначенных для ее выражения, а часть имплицитно - при помощи структурных и отсылочных компонентов текста», предлагает все обозначенные коррупциогенные факторы относить к факторам юридико-лингвистическим. Она обосновывает это тем, что все эти факторы содержатся в тексте нормативного акта, в использованных языковых средствах, в языковой организации текста²⁵⁶.

Указанная позиция заслуживает внимания, так как правовые нормы находят своё закрепление в тексте нормативного акта с помощью языковых средств. Значит и в том случае, если положения нормативного акта не отвечают требованию определённости, непонятны для адресатов и так далее причины этого необходимо изначально искать в тексте акта, в несоблюдении требований к языку, на котором нормативный акт должен быть изложен. Соблюдение требований только юридической техники без должного внимания к лингвистической грамотности текста нормативных актов будет неминуемо порождать негативные последствия в виде нарушения требований

²⁵⁵ Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика. М., 2012. С. 48.

²⁵⁶ Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / М. С. Азаров, В. В. Астанин, И. С. Барзилова и др.; сост. Е. Р. Россинская. М., 2010. С. 80.

определённости и понятности нормативных актов, наличия в актах нарушений правил современного русского литературного языка.

При выявлении юридико-лингвистических коррупциогенных факторов важным требованием является системность при оценке положений анализируемого акта. Выше уже рассматривался вопрос значимости оценки любого нормативного положения в системе с другими нормами. В литературе при обсуждении вопроса о методическом обеспечении антикоррупционной экспертизы авторы указывают на недостаточное внимание к этому аспекту²⁵⁷. Разработка качественных методик проведения юридико-лингвистической экспертизы является условием достижения целей экспертизы – выявления коррупциогенных факторов²⁵⁸.

Методы обычной лингвистической экспертизы должны в равной степени использоваться при выявлении юридико-лингвистической неопределённости. Это касается в том числе методов первичного лингвистического анализа, поуровневого лингвистического анализа, ассоциативно-семантического и формально-логического анализа и других методов²⁵⁹.

Необходимо признать, что отсутствие подробной чёткой методики проведения лингвистической оценки правовых текстов существенно снижает эффективность лингвистической экспертизы. Подобная утверждённая методика будет крайне востребована, при условии, что в ней обязательно будет регламентирован анализ по нескольким основным направлениям.

Первое направление должно быть связано с терминологией, используемой в анализируемом тексте. Здесь необходимо подвергнуть оценке уместность использования терминов и их выбор. Должно быть проверено, используются ли одинаковые термины в едином смысловом значении. Кроме

²⁵⁷ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. К вопросу о форме и содержании заключения эксперта антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Актуальные проблемы российского права, 2013. № 10. С. 1313.

²⁵⁸ Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов. С. 45.

²⁵⁹ Потапова Р. К., Потапов В. В. Семантическое поле «наркотики». Дискурс как объект прикладной лингвистики. М., 2004. С. 137 - 138.

того, нельзя допускать, чтобы одни и те же явления обозначались разными терминами. Следует пресекать случаи повторного включения в текст легального определения термина или понятия, если аналогичное определение уже было дано законодателем в другом нормативном акте. Оценке может подлежать и понятность используемых терминов – являются ли они специализированными или общеупотребительными.

Второе направление должно затрагивать выявление в тексте нормативного акта оценочных понятий. Необходимо спрогнозировать последствия применения положения с оценочным понятием, а также приложить усилия к поиску способа закрепления данного нормативного положения без его использования.

Третье направление можно связать с проверкой соблюдения норм современного русского литературного языка. Следует проанализировать текст нормативного акта на предмет использования иностранных слов, недопустимых слов и выражений, на соблюдение различных правил русского языка. Указанное касается и оценки правильности построения сложных предложений, которыми сегодня перегружены нормативные акты.

Указанные выше экспертные оценки проектов нормативных актов рассматриваются как основные механизмы, которые позволяют на этапе разработки и принятия нормативного акта выявить и устранить языковые дефекты в тексте. Также необходимо отметить и несколько других процедур, которые заявляют своей целью улучшение качества текста нормативных актов, повышение уровня их понятности адресатам и так далее.

Так, Общественная палата РФ утвердила порядок проведения общественной экспертизы проектов нормативных актов²⁶⁰. При этом в соответствии с данным Порядком проведение общественной экспертизы основано в том числе на принципах качества и ответственности. Это обусловлено тем, что нормативный правовой акт должен соответствовать по

²⁶⁰ Положение о порядке проведения общественной экспертизы: Решение совета Общественной палаты Российской Федерации от 15 мая 2008 г., протокол № 4-С. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

содержанию, по форме требованиям законодательства, при его разработке должны учитываться правовые, экономические, социальные аспекты, он должен иметь подробную и вместе с тем логическую, четкую структуру, быть доступным для понимания и использования. Однако порядок непосредственного осуществления общественной экспертизы не затрагивает вопросы логики, чёткости и понятности положений проектов нормативных актов.

Завершая разговор о различных экспертных оценках нормативных актов, стоит согласиться с присутствующим в литературе мнением о том, что вопрос о принятии единого федерального закона об экспертизе нормативных правовых актов и закрепление единых подходов к проведению экспертиз заслуживает проработки²⁶¹.

Как механизм, стимулирующий должностных лиц более внимательно относиться к своим обязанностям, используется их денежное поощрение. Из этого исходил Президент РФ, устанавливая в 2001 году для должностных лиц юридических служб государственных органов, в чьи основные служебные обязанности входит проведение правовой экспертизы правовых актов и их проектов, подготовка и редактирование проектов правовых актов и их визирование в качестве юриста или исполнителя, имеющим высшее юридическое образование, дополнительные надбавки к окладу²⁶². Такая мера должна была улучшить качество подготовки проектов нормативных правовых актов.

3.2. Судебный контроль соблюдения конституционных требований к языку нормативных актов

Выше были представлены преимущественно теоретические аргументы, обосновывающие необходимость признания, закрепления и соблюдения ряда требований к языку нормативных актов. Однако для данного исследования

²⁶¹ Медоева Б. К. Соотношение процедур оценки регулирующего воздействия и экспертиз в российском нормотворчестве // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2020. Т. 15. № 6. С. 225.

²⁶² О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов: Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2001 г. № 528 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 20. Ст. 2000.

большое значение представляет и анализ сложившейся на сегодня практики реализации этих требований. Анализ судебных актов позволил выявить основные допущенные нарушения; проблемы, с которыми сталкиваются граждане и правоприменители; пути их разрешения, избранные судами. Оценка судебной практики позволила сформулировать наиболее проблемные группы вопросов, которых можно было бы избежать путём последовательной реализации конституционных требований к языку нормативных актов. Анализ правоприменительной практики проводился с использованием методических наработок Санкт-Петербургского государственного университета²⁶³.

3.2.1. Признание нормативных актов недействующими в силу неопределённости их положений

Требование определенности, ясности и недвусмысленности текста нормативных правовых актов вытекает из положений Конституции РФ и не раз было сформулировано в решениях Конституционного Суда РФ²⁶⁴ и Европейского Суда по правам человека²⁶⁵.

Неопределенность содержания нормы создает угрозу равенству перед законом и судом: неопределенное законодательное положение может по-разному быть истолковано в делах, несмотря на сходство их фактических обстоятельств, и повлечь отличные правовые последствия в одинаковых ситуациях. Кроме этого, граждане, не имея специального образования, оказываются в уязвимом положении при вступлении в правоотношения, регламентированные нормативными актами с неясными формулировками. Неопределенность содержания нормативного правового акта также предоставляет широкое усмотрение для того лица, которое применяет этот

²⁶³ Белов С. А. Мониторинг правоприменения в СПбГУ / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, М. А. Ревазов // Закон. 2018. № 3. С. 70-72.

²⁶⁴ Постановления от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 27 мая 2003 г. № 9-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 21 января 2010 г. № 1-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 22 апреля 2013 г. № 8-П, от 16 апреля 2015 г. № 8-П, от 2 июня 2015 г. № 12-П, от 19 июля 2017 г. № 22-П, от 16 марта 2018 г. № 11-П, от 25 февраля 2019 года № 12-П, от 5 марта 2020 г. № 11-П.

²⁶⁵ Постановления от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства (№ 1)», от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский (Baranowski) против Польши», от 31 июля 2000 г. по делу «Йечюс (Jecius) против Литвы», от 28 октября 2003 г. по делу «Ракевич против России», от 14 октября 2010 г. по делу «А.Б. против Российской Федерации».

нормативный акт, создавая предпосылки для возникновения коррупции. Исходя из этих требований Пленум Верховного Суда РФ указал неопределенность содержания нормативного акта в качестве основания признания его недействующим²⁶⁶.

Как уже отмечалось выше, в 2015 году в Санкт-Петербургском государственном университете С. А. Беловым было проведено изучение судебной практики по вопросу признания нормативных актов недействующими вследствие неопределенности их положений²⁶⁷. В ходе исследования было проанализировано около 1000 судебных решений, принятых судами общей юрисдикции. С. А. Белов указывал, что в ходе анализа правоприменительной практики было выявлено три вида оснований для признания нормативного акта содержащим правовую неопределенность – это нарушение требований системности действующего законодательства, неопределенность словесных формулировок и содержательная неопределенность.

К нарушению системности действующего законодательства были отнесены случаи нарушения правил употребления терминов в тексте нормативного акта, в том числе случаи использования терминов без чёткого определения их содержания, включения в текст некорректных терминов.

Анализ случаев указания судами на неопределенность словесных формулировок позволил С. А. Белову выявить среди них сразу несколько групп, что является следствием многообразия дел, в которых была обнаружена такая неопределённость. В качестве таких групп можно указать следующие ситуации: связанные со ссылками в тексте нормативных актов на другие нормативные акты в абстрактном виде; в которых признавались неопределенными оценочные понятия; в которых определение содержания слова и выражения зависело от усмотрения должностных лиц; в которых

²⁶⁶ п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части».

²⁶⁷ Белов С.А. Признание нормативных актов недействующими вследствие неопределенности их положений. URL: <https://clck.ru/XAox3> (дата обращения: 07.08.2021).

некорректно использовались разъяснения понятий, помещённых в скобки; в которых причина неопределённости состояла в грамматической конструкции предложений.

Содержательную неопределённость автор связал с отсутствием четких оснований и критериев для применения нормативных положений либо многозначностью использованных терминов, выбор из возможных значений которых не определен, а также с одновременным использованием в одном нормативном акте не согласующихся друг с другом понятий.

Основной причиной возникновения ситуации правовой неопределённости выступало игнорирование законодателем тех требований, которые к нему предъявляются при включении в текст нормативного акта различных терминов и понятий.

Спустя 5 лет был проведён повторный анализ судебных решений, принятых за период с 2016 по 2023 годы судами общей юрисдикции. При проведении анализа практики внимание было акцентировано и на том, как изменились подходы судов к решению проблемы неопределённости положений нормативных актов. В основу анализа было положено более 2,5 тысяч судебных решений, в которых ставился вопрос о признании нормативного акта недействующим.

Применение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48

За данный промежуток времени постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» (далее – постановление 2007 года) утратило силу в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих

нормативными свойствами» (далее – постановление 2018 года)²⁶⁸. До 25 декабря 2018 года постановление 2007 года применялось судами достаточно активно. Например, со ссылкой на него были решены дела об оспаривании правил землепользования и застройки²⁶⁹, постановлений органов местного самоуправления²⁷⁰, правил благоустройства²⁷¹. Однако и после 2018 года применение судами постановления 2007 года не прекратилось. Были выявлены ссылки судов и на п. 25 данного постановления, и на многие другие²⁷². В некоторых случаях постановление 2007 года и постановление 2018 года применялись для решения одного спора²⁷³. Стоит отметить, что с 2019 года удалось выявить всего около 30 случаев применения постановления 2007 года, в то время как за период, например, с января 2017 года по декабрь 2018 года таких дел обнаружено более 200.

Данное обстоятельство является значимым, так как постановление 2018 года не содержит положения, аналогичного п. 25 постановления 2007 года. Безусловно, это не может восприниматься как отказ от утверждения о том, что неопределенность содержания нормативного акта должна рассматриваться в качестве основания признания его недействующим. Однако, как показывает анализ судебных решений, наличие подобного разъяснения положительно сказывается на единообразии правоприменительной практики.

Основания, по которым признавались недействующими нормативные акты, содержащие правовую неопределенность:

а) Нарушение требования системности действующего законодательства

²⁶⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁹ Решение Первомайского районного суда Краснодара от 25 июля 2018 г. по делу № 2А-7742/2018.

²⁷⁰ Решение Центрального районного суда Твери от 15 декабря 2017 г. по делу № 2А-2440/2017.

²⁷¹ Решение Ростовского областного суда от 18 октября 2018 г. по делу № 3А-441/2018.

²⁷² Решение Волховского городского суда от 11 июня 2019 г. по делу № 2А-446/2019; Решение Кемеровского областного суда от 28 марта 2019 г. по делу № 3А-119/2019; решение Магаданского городского суда от 17 декабря 2019 г. по делу № 2А-1857/2019; решение Ленинградского областного суда от 2 августа 2019 г. по делу № 3А-156/2019.

²⁷³ Решение Нижегородского областного суда от 29 ноября 2019 г. по делу № 3А-866/2019; решение Ленинградского областного суда от 13 августа 2019 г. по делу № 3А-161/2019.

В данной категории дел основную массу представляют случаи, когда положения нормативного акта не соответствовали акту большей юридической силы²⁷⁴.

В части дел суды отмечали, что факт дублирования федерального законодательства может приводить к неопределённости, если на основании таких положений возможно привлечение к ответственности. Суды указывали, что нормы федерального законодательства, распространяющего свое действие на всю территорию Российской Федерации и обязательного к исполнению всеми субъектами правоотношений, не нуждаются в подтверждении нормативными правовыми актами муниципальных образований²⁷⁵.

б) Наличие формулировок, которые содержат неопределенность

Большинство проанализированных споров было связано со ссылками в тексте нормативных актов на другие нормативные акты в абстрактном виде. Наиболее многочисленные решения судов в этой группе касались признания недействующими положений региональных законов об административной ответственности.

Например, в качестве причины оспаривания статьи Закона Смоленской области «Об административных правонарушениях на территории Смоленской области», устанавливающей административную ответственность «за невыполнение требований нормативных правовых актов органов местного самоуправления в сфере благоустройства», суд указал, что «по своей юридической конструкции данная норма является бланкетной и не несет конкретной информации о деянии, являющемся существом правонарушения, не позволяет сделать однозначный вывод, за совершение каких конкретных действий предусмотрена административная ответственность. Кроме того, указание в диспозиции статьи о том, что ответственность наступает лишь в случае, если действия (бездействие) не образуют состава

²⁷⁴ Решение Томского областного суда от 6 сентября 2019 г. по делу № 3А-47/2019; решение Омского областного суда от 27 февраля 2020 г. по делу № 3А-78/2020; Решение Нижегородского областного суда от 23 января 2020 г. по делу № 3А-5/2020.

²⁷⁵ Решение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21 мая 2018 г. по делу № 3А-87/2018.

административного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ, само по себе свидетельствует о правовой неопределенности оспариваемой нормы»²⁷⁶.

В ряде других регионов, по мнению заявителя и суда, в законе не была сформулирована объективная сторона правонарушения - не содержалось конкретного указания на действие (бездействие), при совершении которых наступает административная ответственность. Норма была бланкетной, отсылающей к *неназванным нормативным правовым актам, что влекло правовую неопределенность в вопросе о том, за какие конкретно действия и за неисполнение каких нормативно-правовых актов могла наступить административная ответственность*²⁷⁷. Схожие проблемы с определением объективной стороны правонарушения были выявлены и при использовании в акте понятий *«участок без твёрдого покрытия»* и *«зоны застройки многоквартирных жилых домов»* без соответствующих определений²⁷⁸.

Кроме дел, связанных с административной ответственностью, были обнаружены случаи неопределённости при описании порядка получения различных разрешений. Например, суд пришёл к выводу о нарушении принципа определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования, поскольку норма, отсылая к *«согласованию в установленном порядке»*, не называла составные части этого порядка²⁷⁹.

Однако судебная практика не единообразна в вопросе допустимости использования отсылочных норм. Принимаются и решения противоположного содержания. Так, ссылка на *«порядок, установленный действующим законодательством Российской Федерации»* в одном из дел, по мнению суда, не содержит правовой неопределенности, поскольку законодательство не запрещает использование бланкетных норм, а подобные

²⁷⁶ Решение Смоленского областного суда от 15 марта 2017 г. по делу № 3А-4/2017.

²⁷⁷ Решение Самарского областного суда от 29 октября 2019 г. по делу № 3А-1704/2019; решение Нижегородского областного суда от 8 ноября 2019 г. по делу № 3А-784/2019; решение Ставропольского краевого суда от 12 августа 2019 г. по делу № 3А-226/2019.

²⁷⁸ Решение Волгоградского областного суда от 2 июля 2018 г. по делу № 3А-193/2018.

²⁷⁹ Решение Ростовского областного суда от 18 октября 2018 г. по делу № 3А-441/2018.

формулировки несут достаточную и необходимую информацию о подлежащих применению актах²⁸⁰.

в) Наличие оценочных понятий

В ответ на многочисленные требования истцов признать нормативный акт недействующим по причине наличия в его тексте оценочных понятий суды отмечают, что требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданам и организациям соотносить с ними свое поведение - как запрещенное, так и дозволенное, не исключает использование оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами соответствующих правоотношений либо непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или из системы находящихся в очевидной взаимосвязи положений, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений по вопросам их применения. Суды обосновывают данную точку зрения со ссылками на постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 14 апреля 2008 г. № 7-П, от 5 марта 2013 г. № 5-П, от 23 мая 2013 г. № 11-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. № 1173-О и другие²⁸¹.

Соответственно, в каждом подобном споре суд решал, позволяет ли использованное оценочное понятие единообразно выявлять его содержание. Это получалось сделать не всегда. Большинство таких дел связано с противодействием коррупции, а именно с проведением антикоррупционной экспертизы нормативных актов и их проектов.

Так, например, в акте было предусмотрено, что одним из условий получения подъемных пособий является *«опыт работы по специальности»*.

²⁸⁰ Решение Ленинградского областного суда от 13 января 2020 г. по делу № 3А-26/2020; решение Тульского областного суда от 29 мая 2017 г. по делу № М-89/2017.

²⁸¹ Решение Хабаровского краевого суда от 17 мая 2019 г. по делу № 3А-85/2019.

Однако, учитывая, что понятие «*опыт работы*» в различных ситуациях может трактоваться по разному, а также то обстоятельство, что данное понятие в правовом акте не было конкретизировано, в том числе в части соотношения со стажем работы граждан, прокурор пришел к выводу о наличии в нормативном правовом акте коррупционной составляющей в виде широты дискреционных полномочий, обусловленной отсутствием или неопределённостью условий, или оснований принятия решения при определении опыта работы кандидата на получение подъёмных пособий²⁸².

Неоднозначными представляются ситуации, когда отсутствие определения понятия восполняется указанием на то, какие действия это понятие подразумевает. Например, в споре о том, как понимать термин «*чистота*», суд указал, что отсутствие определения этого слова значения не имеет, так как в акте установлен перечень мер, направленных на поддержание чистоты и порядка, которые предписано соблюдать на территории города. Это, по мнению суда, делает термин «чистота» понятным и определённым²⁸³. Согласиться с таким выводом сложно, так как средства достижения результата не могут отразить всех сущностных черт самого результата. Следовательно, содержание термина «чистота» так и осталось нераскрытым, что может сказаться на единообразии применения данной нормы.

г) Использование слов с неопределённым содержанием

В Республике Чувашия было выявлено порядка 70 дел, в которых суд признал неясными термины «*иное неустановленное для парковки место*», «*неотведенное для этого место*», содержащиеся в положениях Правил благоустройства территории г. Чебоксары²⁸⁴. Суды указывали, что наличие таких формулировок приводит к неясности в определении таких мест, позволяет свободно трактовать указанное определение места и, как следствие,

²⁸² Постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 24 октября 2018 г. по делу № 5-35/2018.

²⁸³ Решение Белгородского областного суда от 7 сентября 2018 г. по делу № 3А-139/2018.

²⁸⁴ См. например, Решение Ленинского районного суда г. Чебоксары от 31 марта 2016 г. по делу № 12-362/2016; решение Ленинского районного суда г. Чебоксары от 5 апреля 2016 г. по делу № 12-398/2016; решение Калининского районного суда от 21 октября 2016 г. по делу № 12-793/2016.

делает возможным необоснованное привлечение к административной ответственности.

Примерами таких ситуаций могут быть и случаи использования отдельных слов и словосочетаний, например: «*вправе*» - предоставляет диспозитивную возможность совершения органами власти действий в отношении граждан и организаций²⁸⁵; «*проводимых министерством*» - дает возможность противоречивого толкования, так как в структуре органов власти существует несколько министерств²⁸⁶; «*согласование контролирующих органов*» - не позволяет определить форму согласования, каким контролирующим органом оно должно быть выдано, на какой вид деятельности и прочие важные процедурные аспекты²⁸⁷.

Традиционно вызывает споры указание в актах на «*прилегающую территорию*». На разрешение дела влияет вопрос определенности размеров прилегающей территории. Хотя отмечается и ещё одно важное обстоятельство – наличие обоснования установления именно такого размера прилегающей территории. В одном из дел суд указал, что определение размера прилегающей территории является правом административного ответчика, которое не ограничено установленными федеральным законодателем максимальными или минимальными величинами, тем не менее оно не должно реализовываться произвольно²⁸⁸.

Выявлены и дела, решения по которым выглядят необоснованными и неверными. Например, в соответствии с нормативным актом было разрешено строительство зданий на основе историко-архивных материалов в деревянном либо кирпичном (с обшивкой деревом, *в отдельных случаях* - без обшивки) исполнении в два этажа с вальмовой кровлей *в исключительных случаях*. Заявитель посчитал данное условие неопределённым и дающим необоснованную широту усмотрения для правоприменителя. Суд же возразил

²⁸⁵ Решение Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 10 марта 2015 г. по делу 2-450/2015.

²⁸⁶ Решение Хабаровского краевого суда от 17 мая 2019 г. по делу № 3а-85/2019.

²⁸⁷ Решение Советско-Гаванского городского суда от 20 сентября 2017 г. по делу №2а-871/2017.

²⁸⁸ Решении Кировского областного суда от 2 июля 2018 г. по делу № 3а-37/2019.

следующее: «Указанным пунктом допускается строительство зданий в два этажа в исключительных случаях, поскольку на основном чертеже проекта зон охраны памятников истории и культуры города Вологды историческую среду объекта культурного наследия составляют одноэтажные жилые дома с приусадебными участками. Любое строительство в рассматриваемой зоне в два этажа является исключением. В ходе судебного разбирательства по делу судом установлено, что всем застройщикам, имеющим намерение строительства зданий в два этажа, ведение указанного строительства разрешено». Иными словами, определённость понятия была судом установлена на основании того, что оно применялось единообразно на практике²⁸⁹. Сама словесная формулировка и возможное её смысловое наполнение судом не анализировались.

д) Использование предложений, грамматическая конструкция которых стала причиной неопределённости

В исследовании 2015 года было отмечено, что причина неопределенности может состоять не в характере использованных слов и словосочетаний, а в грамматической конструкции предложений.

Например, статья 1 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» определяет садовый земельный участок как земельный участок, предоставленный гражданину или приобретенный им для выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля <...>. Это положение, согласно правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П «порождает правовую неопределенность, нарушает конституционный принцип равенства. Проблема именно в том, что союз «а также» можно трактовать как «либо» или же «и». Из-за этого невозможно определить точное понятие садового участка. Это обстоятельство

²⁸⁹ Решение Вологодского областного суда от 25 октября 2018 г. по делу № 3А-235/2018.

неоднократно упоминалось в делах, связанных с признанием садового дома жилым²⁹⁰.

Вызывало споры также отсутствие союза «или» в одной из норм Правил землепользования и застройки г. Элисты, что привело к установлению одновременно двух ограничений при строительстве зданий: по предельному количеству этажей и по предельной высоте зданий, что прямо противоречило Градостроительному Кодексу РФ. Установленные ограничения в виде предельного количества этажей, предельной высоты зданий должны быть указаны через союз «или»²⁹¹.

Выводы по анализу практики в разделе 3.2.1:

1. Неопределённость положений нормативных актов остаётся распространённой причиной признания их недействующими. Впрочем, выявление данного дефекта является одним из самых сложных, в сравнении, например, с обнаружением актов, принятых за пределами компетенции или с нарушением установленного порядка. Установление неопределённости содержания нормы требует от суда глубокого анализа спорного положения.

2. Отмена Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» в 2018 году не исключила применения его положений судами при разрешении споров, но значительно сократило число ссылок на данный акт.

3. Были выявлены два направления в практике, которые существенно расходятся с доминирующими подходами, сложившимися в правоприменении. Во-первых, без достаточного обоснования суды признавали допустимым использование бланкетных норм в случаях, когда однозначно определить подлежащие применению акты было невозможно. В

²⁹⁰ Решение Metallургического районного суда г. Челябинска от 22 июля 2019 г. по делу № 2-1760/2019; решение Metallургического районного суда г. Челябинска от 12 октября 2018 г. по делу № 2-2189/2018; решение Копейского городского суда от 12 июля 2017 г. по делу № 2-1709/2017; решение Metallургического районного суда г. Челябинска от 15 июня 2017 г. по делу № 2-1440/2017; решение Сосновского районного суда г. Челябинска от 16 февраля 2017 г. по делу № 2-550/2017.

²⁹¹ Решение Верховного Суда Республики Калмыкия от 12 марта 2018 г. по делу № 3А-10/2018.

подобных случаях большинство судов аналогичные споры разрешали совершенно иным образом, признавая использование таких бланкетных норм недопустимым. Во-вторых, суды делали вывод об определенности оценочного понятия исходя не из анализа его возможного смыслового наполнения, а из практики его применения. В свою очередь, представляется, что использование словосочетания «*в исключительных случаях*» и подобных ему недопустимо без конкретизации в тексте нормативного акта. Наполнение таких понятий содержанием правоприменителями не может устранить неопределённость правовой нормы.

3.2.2. Судебный взгляд на проблему выявления содержания юридических текстов

Жизнь в современном обществе неразрывно связана с юридическими документами. Сложно даже представить себя в отрыве от самых разных правовых норм. Человек, проживая самый обычный день, как говорится – «дом-работа-дом», оказывается связан с огромным многообразием юридических документов. Это самые различные документы – законы, подзаконные акты, локальные акты, договоры, расписки и так далее. По информации из СПС КонсультантПлюс на начало июля 2023 года в России насчитывалось около 230 тысяч действующих нормативных актов федерального уровня, из которых около 9,5 тысяч составляли законы. Если добавить к этому числу региональное законодательство, договоры, акты органов государственной власти, то итоговое количество актуальных юридических документов становится сложно себе представить.

При помощи всех этих документов происходит правовая коммуникация. Важная информация при помощи языковых средств кодируется адресантом и направляется адресату, который должен этот код расшифровать и получить именно ту информацию, которую ему отправляли. Иными словами, законодатель, издав закон, рассчитывает, что любой представитель неопределённого круга его адресатов сможет на основе текста закона понять ту идею, которую он в него вложил. Стороны договора обычно не

сомневаются, что контрагент понимает текст договора в соответствии с тем самым смыслом, который в него заложен. Когда всё работает именно так, то можно говорить об эффективной коммуникации. Однако при таком числе юридических документов по самым разным причинам могут случаться «сбои». Результатом таких «сбоев» становятся споры между сторонами, которые разошлись во мнениях о правильном понимании текста. Нормативные акты являются одним из наиболее значимых и распространённых видов юридических документов, но не единственным. Это приводит к необходимости при анализе правоприменительной практики обращаться и к спорам, в которых затрагивались нюансы, связанные с иными документами, но которые представляют значимость и для анализа нормативных актов.

Универсальным средством решения споров, связанных с различным пониманием юридического текста, выступает обращение в суд. При этом суду предстоит самому ознакомиться со спорным юридическим текстом, дешифровать его смысл и определить, какая из сторон спора была права, предлагая тот или иной вариант толкования. В процессе исследования данного вопроса большой интерес вызывало изучение того, кто и в каких случаях ссылается на непонимание юридических документов, как оценивают подобные доводы суды, при помощи чего сами суды толкуют спорные документы. Одной из целей данного анализа было выявление механизма универсального характера, применение которого позволит правильно понять любой юридический документ.

Для достижения поставленной цели был проведён масштабный анализ российской правоприменительной практики, проанализированы в сравнительном ключе аналогичные проблемы за рубежом, в частности в США, рассмотрены существующие в научной литературе взгляды отечественных правоведов.

Санкт-Петербургский государственный университет имеет значительный опыт проведения исследований по связанной тематике,

затрагивающей применение государственного языка, в том числе в юридических документах²⁹². С данными работами можно ознакомиться для более подробного изучения такого аспекта, как нормативные (не только конституционные) требования к языку юридических документов. В данной части работы этот вопрос будет затронут лишь косвенно, основной акцент будет сделан на практических проблемах, связанных с непонятностью юридического документа для адресата.

Анализ практики судебной оценки способности адресатов юридических документов понимать их содержание

На первом этапе проведения исследования были проанализированы случаи, в которых суды давали оценку доводам сторон спора о невозможности выявления смысла положения юридического документа. В условиях отсутствия чётких требований к языку юридических документов возникает ситуация, когда такие документы существенно различаются по уровню насыщения юридическими терминами, специальными отраслевыми терминами, по сложности используемых конструкций.

Большинство таких документов в практике судов – это нормативные акты. Каждый из этих актов, написанный профессионалами в данной сфере, должен быть ясен не только правоприменителям, но и всем тем, на кого распространяется действие этих актов. То есть обычный человек, не имеющий юридического образования, должен иметь возможность понять смысл, заложенный в нормативном положении и действовать в соответствии с ним, чтобы реализовать свои права в законном порядке или не совершить правонарушение и так далее. Те случаи, когда понимание нормативного акта существенно различается у отдельных людей во взаимоотношениях между собой, у большинства населения и правоприменителей, у отдельных

²⁹² Белов С. А., Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон, 2016. № 10. С. 100-112; Государственный язык России: нормы права и нормы языка // Белов С. А., Кропачев Н. М., Вербицкая Л. А. СПб, 2018. 128 с.; Белов С. А., Кропачев Н. М., Ревазов М. А. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 240 с.; Белов С. А. Правовые требования к использованию русского языка в России // Меди@льманах, 2020. № 6 (101). С. 152-163; Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета, Право. 2019. Т. 10. № 4. С. 610-625.

правоприменителей, должны тщательно анализироваться с целью выявления и устранения их причин. Нормативные акты оказались не единственным видом юридических документов, уяснение положений которых вызывало споры. Были выявлены случаи возникновения сложностей в понимании также договоров и правоприменительных актов.

Сразу отметим, что суды нечасто рассматривают и анализируют в чистом виде случаи, когда лицо не может верно выявить смысл юридического документа, однако этот вопрос нередко затрагивается как сопутствующий при разрешении самых различных споров. В данном разделе будет сделана попытка выделить все основные случаи, встречающиеся в судебной практике, в которых затрагивается вопрос о способности лица понять смысл юридического документа. Некоторые из представленных случаев не будут прямо связаны с языковыми особенностями текстов, но они важны для более широкого восприятия тех тенденций, которые на сегодня существуют в судебной практике.

Сбор правоприменительной практики осуществлялся среди решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Всего было собрано и проанализировано более 1500 судебных решений, самые показательные из которых представлены в данном разделе. Изучалась судебная практика всех регионов России за период с 2006 года.

Исследование показало, что стороны спора могут ссылаться на непонимание правовых актов или иных документов, содержащих юридическую терминологию, в совершенно различных обстоятельствах и по разным причинам. Среди них можно выделить следующие: незнание закона, отсутствие образования должного уровня, незнание русского языка, состояние здоровья, возраст, состояние опьянения. При этом для гражданских дел характерными являются споры об оспаривании завещания или договора, для административных и уголовных дел – о соблюдении процессуальных прав, в том числе и права на использование родного языка.

Обратившись к конкретным примерам, можно заметить некоторые интересные подробности таких дел. Основной тенденцией, выявленной в судебной практике, является судебное непризнание значимыми ссылок на непонимание юридического документа, однако в зависимости от отдельных деталей каждого конкретного дела позиция суда иногда могла меняться.

Среди норм КоАП РФ в проанализированных делах неоднократно у сторон спора вызывала вопросы статья 19.3²⁹³. Данная норма предусматривает ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации. В ряде случаев привлекаемые к ответственности лица ссылались на то, что они *не понимали, что их действия нарушают данное положение, так как оно не содержит конкретного перечня возможных требований*. Среди таких случаев, например, отказ предоставить сотруднику Дорожно-патрульной службы водительское удостоверение²⁹⁴ или проехать на медицинское освидетельствование²⁹⁵. Подобные доводы признаются судами несостоятельными.

Стоит отметить ещё один случай – *невозможность понять требования сотрудника полиции по причине алкогольного опьянения лица*. Суд может вообще не учесть этот фактор и то, как он повлиял на поведение лица²⁹⁶. При привлечении к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ важным обстоятельством является то, могло ли лицо, к которому обращены требования, понять их. Если степень опьянения такова, что лицо не в состоянии понять эти требования, то

²⁹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁴ Решение Кинельского районного суда Самарской области от 5 февраля 2013 г. по делу № 5-42; решение Московского городского суда от 8 августа 2018 г. по делу № 7-9726/2018.

²⁹⁵ Решение мирового судьи судебного участка № 20 Котельничского района Кировской области от 17 декабря 2012 г. по делу № 12-16; решение Алтайского краевого суда от 25 декабря 2018 г. по делу № 7-489/2018.

²⁹⁶ Решение Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 21 января 2013 г. по делу №5-90/2013.

привлечение к ответственности по данной статье выглядит спорным. Можно обратить внимание и на то, что в большинстве случаев при задержании в общественных местах лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ они не привлекаются. Напротив, если лицо в состоянии опьянения находилось за рулём автомобиля, то случаи привлечения к ответственности по данной статье достаточно распространены²⁹⁷.

Непонятными могут быть и *индивидуальные правовые акты*. Значительное число таких актов представляют собой отказы, например, в предоставлении земельного участка, выдаче различных разрешений и так далее. Основания для принятия таких решений перечислены в соответствующих нормативных актах. Однако если индивидуальный правовой акт не содержит отсылки к конкретному положению, на основании которого было принято соответствующее решение, такой акт может стать непонятен лицу, в отношении которого он был принят²⁹⁸. В данном случае речь идёт уже не о том, что лицу непонятен смысл текста акта, а о том, что в нём отсутствуют важные элементы, без которых невозможно понять его содержание в полном объёме.

Сторона спора может потребовать от суда и разъяснения самого *судебного акта*. Суды исходят из того, что разъяснению подлежат акты, которые изложены таким языком, который вызывает двоякое понимание выводов, содержит неопределённости, допускающие неоднозначное толкование и так далее. Если же акт изложен *грамотным юридическим языком* или с использованием *понятных формулировок*, то в разъяснениях такой акт не нуждается²⁹⁹. При этом не имеет значения, может ли сторона спора

²⁹⁷ См. например, Решение Липецкого областного суда от 21 февраля 2019 г. по делу № 7-15/2019.

²⁹⁸ Решение Мценского районного суда Орловской области от 17 декабря 2012 г. по делу № 2-641/2012 ~ М-801/2012; апелляционное определение Пензенского областного суда от 15 февраля 2018 г. по делу № 33а-551/2018.

²⁹⁹ Определение Арбитражного суда Центрального округа от 8 октября 2014 г. по делу № А64-2673/2013; постановление первого арбитражного суда апелляционной инстанции от 18 марта 2015 г.; апелляционное определение Московского областного суда от 23 октября 2019 г. по делу № 33-34547/2019.

адекватно выявить смысл используемых при изложении акта терминов и понятий.

Если суд приходит к выводу, что изложенные заявителем вопросы связаны не с содержанием акта, а с механизмом его исполнения, то также отказывает в даче разъяснений. При этом суд отмечает, что в его компетенцию не входит разъяснение порядка применения действующего законодательства³⁰⁰.

Процессуальные нормы могут быть не менее сложны для понимания чем материальные. В одном из дел заявитель указал, что в ч. 3 ст. 381 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³⁰¹ (далее – ГПК РФ) чётко не прописано право лица, подавшего кассационную жалобу в Судебную коллегия Верховного Суда РФ и получившего отказ в передаче в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, на обращение с кассационной жалобой к Председателю Верховного Суда или его заместителю³⁰².

Понять закон возможно, только если знать о нём – такой позиции придерживаются некоторые заявители. В одном из дел заявитель оспаривал привлечение к ответственности на том основании, что ему не было известно о существовании закона, который он нарушила³⁰³. Данный довод не был принят судом, так как незнание закона не даёт права его не соблюдать. В ст. 15 Конституции РФ говорится именно об обязанности соблюдать закон, а не знать его. Возможно, конечно, возразить, что нельзя соблюдать то, чего не знаешь, по крайней мере соблюдать осознанно. Суд в указанном деле отметил: то обстоятельство, что о положениях закона заявитель не знал не освобождает его от административной ответственности, поскольку в силу осуществления им предпринимательской деятельности, ему *необходимо знать и*

³⁰⁰ Определение Арбитражного суда Забайкальского края от 2 сентября 2013 г. по делу №А78-9614/2012.

³⁰¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁰² Решение Нижегородского областного суда от 2 октября 2012 г. по делу № 33-7328/2012; определение Московского городского суда от 10 июля 2019 г. по делу № 7-6776/2019.

³⁰³ Решение Мирного судьи судебного участка № 53 Вяземского района Хабаровского края от 19 августа 2013 г. по делу № б/н.

руководствоваться положениями законов, регулирующих его деятельность. Вышеуказанное является реализацией презумпции знания закона, которая в практике наших судов вбирает в себя и презумпцию понимания законов.

Значительное число проанализированных споров было связано с тем, что *знание русского языка* заявителя не находилось *на достаточном* для понимания юридического языка *уровне*.

Причинами непонимания текста подписываемого гражданского договора иногда признаётся незнание русского языка и отсутствие юридического образования. В одном из дел суд согласился с доводом стороны спора о том, что на русском языке заявитель писать практически не может, имеет среднее образование, полученное в Азербайджане, в России не обучался, юридического образования также не имеет. На основании этого подписанная им расписка была признана недействительной³⁰⁴.

Незнание русского языка является тем доводом, который часто звучит при рассмотрении уголовных и административных дел. Лица ссылаются на то, что не могут понять смысл обвинения, смысл правовых норм и так далее. В этих случаях суд решает вопрос о необходимости предоставления переводчика³⁰⁵.

Стоит отметить, что лица, которым назначается переводчик, порой ссылаются на то, что переводчик не разъяснял им используемые юридические термины. Суды указывают, что это не входит в компетенцию переводчика³⁰⁶. При непонимании юридических аспектов дела лицо должно обратиться к суду³⁰⁷ или к защитнику³⁰⁸ за разъяснениями.

Как интересную особенность дел с участием лиц, не знающих русский язык, стоит отметить то, что суд может учесть непонимание именно

³⁰⁴ Решение Краснобаковского районного суда Нижегородской области от 22 марта 2016 г. по делу № 1-21/2016.

³⁰⁵ Решение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 13 января 2015 г. по делу № 22-2169 /2014; решение Костромского областного суда от 7 июля 2014 г. по делу № 33-1061/2014.

³⁰⁶ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 14 марта 2016 г. по делу № 22-1208/2016.

³⁰⁷ Административное решение Красноярского краевого суда от 24 декабря 2015 г. по делу № 7п – 497/15.

³⁰⁸ Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 29 января 2016 г. по делу №1-15/2016 (1-273/2015).

юридических терминов на определённом языке. К примеру, лицо владело таджикским языком на бытовом уровне, а для понимания юридических терминов ему был необходим перевод на узбекский язык³⁰⁹. Суд в этом конкретном случае учёл данный аргумент и возвратил дело прокурору. Однако указанный случай представляет собой явное расхождение со сложившейся судебной практикой, основной тенденцией которой является признание достаточности владения языком на бытовом уровне.

Допустимый уровень владения языком – это отдельный вопрос. Само это понятие оценочно и его содержание определяется различным образом по усмотрению суда³¹⁰. Поводом к выяснению уровня владения русским языком может стать не только требование самого лица, но, по мнению некоторых судов, и его фамилия, имя и отчество, если они не являлись традиционно русскими, если его внешность не являлась славянской и так далее³¹¹. Подобные аргументы суда звучат весьма сомнительно. Прежде всего, основанием для проверки уровня знания русского языка и привлечения переводчика является заявление самого лица, его гражданство, явное непонимание сотрудников уполномоченных органов, обращающихся к лицу на русском языке и так далее. Россия – многонациональная страна, и вывод о знании русского языка не может ставиться в зависимость от принадлежности к «славянской национальности» и определяться по таким критериям, как внешность, традиционность имени и тому подобное.

Сомнительны и выводы судов, связывающие владение русским языком иностранными гражданами со статусом русского языка в стране, гражданином которой лицо является. В одном из дел суд указал, что сам факт того, что подсудимый не является гражданином РФ, не может свидетельствовать о

³⁰⁹ Постановление по уголовному делу Рузского районного суда г. Руза от 14 июля 2016 г. по делу № 1-118/2016.

³¹⁰ Постановление Находкинского городского суда Находкинский городской округ от 1 августа 2016 г. по делу №5-1563/2016; решение Кочубеевского районного суда с. Кочубеевское от 6 апреля 2017 г. по делу № 12-32/2017; апелляционное постановление Свердловского областного суда г. Екатеринбург от 19 октября 2015 г. по делу № 22-7597/2015; апелляционное постановление Забайкальского краевого суда г. Чита от 11 июля 2016 г. по делу № 22К-2423/2016.

³¹¹ Решение Советского районного суда г. Омска от 9 октября 2014 г. по делу №12-248.

незнании им русского языка. Подсудимый является гражданином Киргизии, русский язык в Киргизии имеет статус официального языка в соответствии со статьей 10 Конституции Республики³¹². Однако даже придание русскому языку в другой стране статуса официального не может безусловно свидетельствовать о том, что им свободно владеют все граждане данной страны, и тем более, что они понимают юридическую терминологию на русском языке.

Отдельная ссылка сторон на юридическую безграмотность граждан России в гражданских спорах судом не воспринимается, так как это не свидетельствует о пороке воли при совершении сделки, о заблуждении относительно природы сделки. Судом при этом учитываются все доказательства по делу с целью определения воли лица при совершении сделки³¹³.

Подобные аргументы сторон в административных или уголовных делах судами не воспринимаются, так как специальные юридические термины используются в соответствии с их употреблением в нормативных актах, а участникам дел они разъясняются, как и их права³¹⁴. Если лицо изначально не указывает на непонятность ему юридических терминов и не просит их ему объяснить, то позже суд уже не придаёт значения подобным заявлениям³¹⁵. В случае, когда лицо сообщает о непонимании юридических терминов, то ему обычно назначается адвокат, так как причиной такой ситуации является лишь отсутствие специального образования³¹⁶.

Для выяснения вопроса, владеет ли лицо русским языком, суды используют информацию об учебных заведениях, в которых лицо проходило обучение, о месте жительства, месте работы, о проживании совместно с русскоговорящими лицами, о прохождении службы в Вооружённых Силах РФ. В качестве доказательства владения русским языком могут также

³¹² Решение мирового судьи Судебного участка № 7 Железнодорожного района г. Хабаровска от 17 мая 2012 г. по делу № б/н.

³¹³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 марта 2016 г. по делу № 33-6013.

³¹⁴ Решение Копейского городского суда Челябинской области от 15 августа 2014 г. по делу № 1-285/2014.

³¹⁵ Решение Ивановского областного суда от 10 ноября 2014 г. по делу № 12-200/2014.

³¹⁶ Апелляционное определение Смоленского областного суда 7 сентября 2016 г. по делу № 22-1601/2016.

выступать свидетельские показания. В административных делах наиболее распространённым доказательством является протокол об административном правонарушении, в котором есть подпись лица в соответствующей графе, которая ставится в подтверждение того, что лицо владеет русским языком. Такие протоколы могут содержать и пояснения лица, написанные на русском языке. Однако часто возникает вопрос, доказывает ли такой протокол, что лицо действительно владеет русским языком. В большинстве дел суды под сомнение этот довод не ставят.

Редко встречаются выводы суда о том, что содержащиеся в протоколе об административном правонарушении и письменных объяснениях собственноручные пояснения заявителя не свидетельствуют о владении русским языком, как не говорят и о том, что лицо понимает значение юридических терминов и вменяемой квалификации административного правонарушения. Здесь речь идёт уже даже не о простой подписи, а о пояснениях в протоколе. Лицо, сделавшее такие пояснения, может, к примеру, заявить, что имеющиеся в процессуальных документах собственноручные объяснения списаны с образца, представленного должностным лицом, а ему самому непонятны³¹⁷.

В качестве примера, который демонстрирует то, что собственноручные записи не доказывают знание русского языка на должном уровне, можно привести случай, в котором суд установил, что такие записи привлекаемого к ответственности лица являются незначительными по объёму, выполнены с многочисленными ошибками и свидетельствуют о низком уровне владения русским языком. При этом суд указал, что должностное лицо не учло, что язык административного производства насыщен специальными юридическими терминами и понятиями и в значительной степени отличается от разговорного языка³¹⁸. Логика такого подхода понятна, - если лицо не понимает русский

³¹⁷ Решение Ломоносовского районного суда города Архангельска от 27 мая 2015 г. по делу № 12-55/2015.

³¹⁸ Решение Северодвинского городского суда Архангельской области от 7 апреля 2016 г. по делу № 12-115/2016.

язык, то оно не поймёт и тот документ, который оно подписывает, так как протокол составляется на русском языке.

В гражданских спорах распространена ссылка на *непонимание в силу состояния здоровья*:

Со ссылкой на состояние здоровья часто наследники по закону пытаются оспорить завещание умершего родственника. Для решения вопроса о том, могли завещатель понимать свои действия и осознавать смысл составленного завещания, суды нередко назначают экспертизу.

Проведение экспертизы не гарантирует получение ответа на данный вопрос. Так, например, в одном из дел члены экспертной комиссии пришли к выводу о том, что по представленным для экспертного исследования материалам не представляется возможным решить вопрос о том, находился ли гражданин в таком состоянии, которое лишало бы его возможности в юридически значимый период понимать значение своих действий и руководить ими, понимать смысл и значение сделки. Если экспертиза не смогла дать ответ на поставленный вопрос, тогда суд решает дело исходя из оценки иных доказательств, имеющихся в деле, в том числе и показаний свидетелей³¹⁹.

Если же психиатрическая экспертиза установит, что у стороны сделки имело место ошибочное восприятие и осмысление ситуации, ею не до конца учитывалась складывающаяся юридическая ситуация, искаженно воспринимались юридические факты и недостаточно прогнозировались последствия сделки, в силу чего имело место ошибочное представление относительно природы совершаемой сделки, а также относительно правовых последствий сделки, то это будет иметь решающее значение при разрешении дела в пользу лица, пытающегося признать недействительной совершённую

³¹⁹ Решение Кинешемского городского суда Ивановской области от 22 марта 2016 г. по делу № 2-45/2016; апелляционное определение Московского городского суда от 20 декабря 2019 г. по делу № 33-57344/2019.

сделку³²⁰. Соответственно, обратные выводы экспертизы приведут к противоположному решению суда³²¹.

Заявленные требования могут быть удовлетворены и при совокупности таких обстоятельств как преклонный возраст, состояние здоровья, общая малограмотность, отсутствие юридического образования³²².

Частным, но распространённым случаем непонимания условий договора, является ссылка стороны спора на то, что она не понимала условия кредитного договора в целом, либо ей не были понятны условия страхования, включённые в кредитный договор³²³.

Выводы по результатам первого этапа анализа практики в разделе 3.2.2:

Суды преимущественно приходят к выводам о том, что грамотный юридический язык понятен любому лицу, владеющему русским языком. Специальное образование не требуется для понимания юридического языка. Однако судебная практика содержит множество примеров того, как суды рекомендуют обращаться за разъяснением юридических терминов к специалистам. В административных и уголовных делах данная функция возлагается на защитников, которые назначаются в том числе и по причине того, что лицо не может понять юридический язык. Это свидетельствует о том, что сегодня законы должны соблюдать все, но понять их часто могут только специалисты. В такой ситуации необходимо ставить вопрос о том, а на кого изначально рассчитаны акты, написанные юридическим языком. И, исходя из ответа на этот вопрос, можно будет попытаться сформировать требования к такому языку, которые будут охватывать вопросы допустимости использования юридических терминов и конструкций, которые могут быть лицам без специального образования не понятны.

³²⁰ Решение Фрунзенского районного суда города Ярославля от 22 марта 2016 г. по делу № 2-84/2016.

³²¹ Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 23 марта 2016 г. по делу № АПЛ-35/2016; решение Центрального районного суда г. Тулы от 16 сентября 2016 г. по делу № 2-2245/2016.

³²² Решение Мамадышского районного суда Республики Татарстан от 22 сентября 2016 г. по делу № 2-733/2016.

³²³ Решение Красноярского краевого суда от 4 июля 2016 г. по делу № 33-8554/2016.

Если лицо не владеет на должном уровне русским языком, то ему назначается переводчик. В компетенцию переводчика не входит разъяснение юридических терминов, эта функция возлагается на адвоката. В судебной практике отсутствует единый подход к определению достаточного уровня владения русским языком, так же как и отсутствуют единообразные способы его определения. Если для иностранных граждан анализ их уровня владения русским языком и их способность понимать юридические термины проводится в большинстве дел, то в отношении граждан России часто констатируется, что владения русским языком на бытовом уровне достаточно. Нормативное урегулирование данного вопроса позволило бы единообразно подходить к его решению, способствовало бы недопущению нарушений прав участников судебного спора, снизило бы число злоупотреблений правами, направленными на затягивание дела.

Оценка сложности «юридического языка» для понимания лицами без специального образования

Проведённый на первом этапе анализ судебной практики показал, что все случаи, в которых стороны спора ссылались на непонимание тех или иных положений нормативных актов, договоров и прочих документов можно разделить на четыре условные группы по такому критерию, как причина возникновения непонимания. Среди них:

1. непонимание ввиду неопределенности содержания нормы;
2. непонимание вследствие физического состояния;
3. непонимание вследствие того, что русский язык не является родным языком;
4. непонимание вследствие сложности юридических конструкций, юридической терминологии, и отличий значения слов в обыденной и юридической речи.

Первые три группы были подробно рассмотрены в предыдущем разделе. Четвёртая группа представляет отдельный интерес, и её изучению будет посвящён данный раздел.

Суды позволяют себе очень эмоциональные высказывания о сложившейся на сегодня ситуации и указывают на существующие проблемы. Прочитав одно из них: *«Рядовой гражданин не знает своих прав и подчас знает их не хочет. Единственное, что его волнует - скорейшее решение вопроса без траты дополнительных временных ресурсов и соприкосновения со сложными для понимания законами, требованиями и движениями. С учетом размытых полномочий органов власти, отсутствия правовой грамотности населения, рядовой гражданин подчас считает, что его «загнали в угол», и он всячески будет стремиться к решению своих вопросов любым доступным способом, в том числе и незаконным. В свою очередь, недобросовестный чиновник может предложить такому гражданину быстрый, но не совсем законный выход из сложившейся ситуации. Многие граждане пользуются такими «услугами»³²⁴.*

Рассмотрим отдельные случаи, в которых сложность юридического языка оценивалась судами.

Сложность понимания процессуальных норм

Процессуальные нормы, несмотря на то что должны чётко регламентировать порядок совершения определённых действий, могут быть не менее сложны для понимания, чем материальные.

Случаи непонимания или ошибочного понимания процессуальных норм встречаются в судебной практике постоянно. Приведём пример такого случая.

В одном из дел заявитель ссылаясь на то, что ввиду изменения процессуального законодательства в части порядка обжалования, он не смог сориентироваться в сроках подачи жалобы. Полагал, что уважительной причиной также является тот факт, что по национальности он является армянином и плохо понял закон, в котором указан порядок обжалования состоявшихся по делу судебных решений³²⁵. Но такие доводы не были

³²⁴ Решение Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 24 февраля 2011 г. по делу № 2-326/2011.

³²⁵ Решение судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 26 февраля 2013 г. по делу № 33-1142; определение Московского городского суда от 10 июля 2019 г. по делу № 7-6776/2019.

признаны уважительными.

Ссылки лиц на юридическую неграмотность не принимаются судами во внимание, так как это не является препятствием для понимания норм права³²⁶. В то же время часто указывается на возможность лица обратиться за юридической помощью³²⁷. Ссылка на невозможность получения юридической помощи из-за тяжелого материального положения не признается в качестве уважительной причиной, поскольку не является объективной причиной, препятствующей реальности свое право на обжалование судебного акта³²⁸.

Кроме аргумента о возможности обращения за юридической помощью суды приводят и некоторые иные доводы, которые, по их мнению, свидетельствуют о том, что лицо должно было понимать нормативный акт или договор. Наиболее распространена среди судов ссылка на профессиональную деятельность лица: *«заявитель занимала должность начальника отдела кадров, что в силу должностных обязанностей предполагает знание трудового законодательства»*³²⁹; заявитель занимается предпринимательской деятельностью³³⁰.

В одном из проанализированных дел был обнаружен любопытный аргумент: *«в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Законом РФ № 14-ФЗ от 08.04.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью» не требуется наличия специальных познаний (профильного образования, «понимания» и проч.) как обязательного условия ведения коммерческой деятельности, осуществления полномочий генерального директора, создания юридических лиц. Достаточно того, что лицо является дееспособным, следовательно, подписание документов свидетельствует о том, что оно*

³²⁶ Апелляционное определение Омского областного суда от 25 сентября 2019 г. по делу № 33-6143/2019.

³²⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 4 марта 2015 г. по делу № 33-6227; апелляционное определение Воронежского областного суда от 24 января 2019 г. № 33-693/2019.

³²⁸ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 26 июля 2018 г. по делу № 33-5112/2018.

³²⁹ Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 16 мая 2016 г. по делу № 33-1151-2016; апелляционное определение Омского областного суда от 5 сентября 2018 г. по делу № 33-5701/2018.

³³⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2015 г. № 13АП-19087-2015 по делу № А42-803/2015.

понимало или должно было понимать смысл подписываемых документов»³³¹.

Судебная практика по всем подобным спорам различается. Хотя и в меньшем числе, но встречаются случаи, когда суды учитывали сложность понимания нормативных актов, договоров или отдельных терминов лицами без специального образования.

Такие примеры встречаются в практике по восстановлению пропущенных сроков: в случае пропуска гражданином - участником строительства срока закрытия реестра по уважительной причине суд не лишен права рассмотреть вопрос о его восстановлении до начала расчетов с кредиторами³³². В качестве такой причины гражданин указал юридическую безграмотность и отсутствие квалифицированной юридической помощи. Учитывая, что *заявителем являлось физическое лицо, не обладающее специальными юридическими познаниями*, добросовестность действий которого сторонами не оспорена, суд посчитал возможным восстановить пропущенный срок подачи требования о передаче жилого помещения, включить требования в реестр требований кредиторов должника³³³.

Интересные примеры по указанному вопросу находятся и в практике, связанной с соблюдением административных процедур: юридическим лицом были изготовлены паспорта на отходы, сделано это было с нарушением установленной нормативными актами административной процедуры. По мнению представителя юридического лица данная процедура *является сложной для понимания*, что и вызвало её несоблюдение. Этот аргумент суд положил в обоснование признания совершенного правонарушения малозначительным, так как оно обусловлено не противоправным умыслом, а

³³¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2011 г. № 09АП-20798-2011-АК по делу № А40-6680-11-129-29; апелляционное определение Московского городского суда от 2 июля 2018 г. по делу № 33-29015/2018.

³³² Постановление Президиума ВАС РФ от 23 апреля 2013 г. № 14452/12 по делу № А82-730/2010-30-Б/11-33г.

³³³ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2014 г. по делу № А14-16687/2009.

сложностью нарушенной процедуры³³⁴.

Соблюдение и понимание административных процедур признаётся сложным и представителями органов власти. В одном из проанализированных решений судов начальник отдела архитектуры и градостроительства администрации одного из муниципальных образований прямо указал, что *для обычного гражданина* вопросы и процедуры, связанные с надлежащим оформлением объектов недвижимости, являются *сложными для понимания*³³⁵.

В заключение приведём пример спора, который был разрешён с применением законодательства о социальном страховании. Суд констатировал, что предмет дела является *сложным для понимания рядовым гражданином*, исходя из этого, ему была необходима помощь адвоката³³⁶.

Значение терминов в обыденной речи и в правовой сфере

Проведённый анализ судебной практики показал, что многие споры, рассматриваемые судами, связаны с тем, что одно и то же слово имеет несколько смысловых значений. Смысловое значение может существенно отличаться при использовании слова как юридического термина или как слова в обыденной речи. На это смысловое различие чаще всего указывает сам суд. Такие случаи встречаются в самых разных спорах, приведём несколько примеров тех слов, которые становились предметом рассмотрения судов:

1. «Мошенник». Апелляционный суд при вынесении решения исходил из того, что слово «мошенник» в русском языке, помимо специального юридического значения термина, имеет и иные смысловые значения. Так, согласно Большому толковому словарю русского языка (под ред. С. А. Кузнецова, 1-е изд-е: СПб.: Норинт) слово «мошенник» имеет иное значение: «Бранно. О ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев»³³⁷.

³³⁴ Постановление мирового судьи судебного участка Шурышкарского судебного района ЯНАО от 10 апреля 2015 г. по делу № 5-113/2015; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 сентября 2012 г. № 15АП-10767-2012 по делу № А53-26584/2011.

³³⁵ Решение Жуковского районного суда Брянской области от 6 апреля 2016 г. по делу № 12-7/2016.

³³⁶ Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 21 марта 2015 г. по делу № 2-7/2015.

³³⁷ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 октября 2012 г. по делу № А53-11522/2012.

2. *«Преступление»*. При вынесении решения суд исходил из того, что слово «преступление» в русском языке, помимо специального юридического значения термина, имеет и иные смысловые значения. Так, согласно Толковому словарю русского языка (В 4 т./ под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940) слово «преступление» имеет переносное значение: «Неправильное, вредное поведение. (С таким голосом не учиться петь — это п.)»³³⁸.

3. *«Чрезвычайное происшествие»*. Суд принял во внимание то обстоятельство, что словосочетание «чрезвычайное происшествие» в русском языке, помимо специального юридического значения термина, имеет и иные смысловые значения. Так, согласно Толковому словарю русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 - 1940) слово «происшествие» имеет значение: «ср. Событие, приключение, случай, что-нибудь, нарушающее нормальный порядок, обычный ход вещей. (Уличное происшествие. Чрезвычайное происшествие! Н. В. Гоголь - Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое. А. С. Пушкин - Отчего со мной не случалось никаких необыкновенных происшествий? И. С. Тургенев - Отдел происшествий в газете)³³⁹.

4. *«Судимость»*. Понимание термина «судимость» вызывает споры при регистрации кандидата в депутаты. Предметом рассмотрения этот термин становится в случаях, когда сведения о судимости не указываются кандидатом, и возникает вопрос о факте их сокрытия. Кроме прочего, анализируя само значение термина «судимость», суды указывают, что ст. 86 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) регламентировано, что лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора в законную силу до момента погашения или снятия судимости, а лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. Вместе с тем понятие «сведения о судимости

³³⁸ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного от 24 января 2011 г. по делу № А32-23653/2010.

³³⁹ Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15 августа 2011 г. по делу № А53-10128/2011.

кандидата», используемое в избирательном законодательстве, не совпадает с понятием «судимость» в уголовном законодательстве, где наличие судимости имеет правовое значение при решении вопросов об уголовной ответственности, влияет на квалификацию содеянного по отдельным видам преступлений, учитывается при решении вопроса о наличии рецидива преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, установленных федеральными законами. По смыслу ч. 6 ст. 86 УК РФ погашение или снятие судимости аннулирует только уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью, но сам факт осуждения как отрицательная оценка действий гражданина государством на момент вынесения обвинительного приговора остается объективным критерием, влияющим на оценку избирателями репутации кандидата на выборную должность³⁴⁰. В данном случае было выявлено различие смысла термина даже при его использовании правовом поле.

5. «Ссуда». В настоящее время понятие «ссуда» принято считать относящимся исключительно к передаваемому в безвозмездное пользование имуществу, однако в ряде случаев, в том числе - в подзаконных нормативных актах и юридической литературе, термин «ссуда» употребляется как синоним «займа, кредита» (см. Большой юридический словарь, изд. Москва, ИНФРА-М, 2001, стр. 585). Аналогичное толкование термина «ссуда» как синонима термина «кредит» встречается и в словарях иностранных слов³⁴¹.

Не проводя подробного анализа, суды ссылались на неверное понимание также следующих терминов: «ведение совместного хозяйства»³⁴²; «главный распорядитель бюджетных средств», «распорядитель бюджетных средств» и «получатель бюджетных средств»³⁴³; «ухудшение жилищных условий»³⁴⁴,

³⁴⁰ Решение Краснинского районного суда Смоленской области от 7 сентября 2015 г. по делу № б/н.

³⁴¹ Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 12 февраля 2019 г. по делу № 33-1013/2019.

³⁴² Приговор Рамонского районного суда по делу № 1-22/2014.

³⁴³ Определение ВАС РФ от 4 апреля 2007 г. № 3142-07 по делу № А72-1287-06-25-44.

³⁴⁴ Определение Московского городского суда от 30 июня 2016 г. № 4г-7413/2016.

«оборот алкогольной продукции»³⁴⁵ и так далее.

В научной литературе нередко обращают внимание на данную проблему. К примеру, анализируя ситуацию с применением уголовного законодательства, в литературе отмечается, что употребляемые в нормативных актах слова (напр. «причина», «следствие» и так далее) в силу нечеткости естественного языка отличаются емкостью содержания и универсальностью их приложения. При использовании их в быту они всегда рассматриваются в узком, специфическом смысле с учетом конкретного контекста их применения - так, что собеседники, отличающиеся здравомыслием, практически всегда понимают друг друга. В свою очередь в уголовном праве применяется понятийный аппарат, *хотя и основанный на бытовом значении слов, но отличающийся собственной юридической терминологией*³⁴⁶.

Необходимость профильного образования для правильного понимания юридической терминологии

Достаточно часто поднимается вопрос о влиянии наличия *юридического образования* на способность понимать законы, договоры, отдельные юридические термины. Как будет отмечено далее, суды указывают на отсутствие необходимости иметь специальное образование для понимания *грамотного юридического языка*. Интересным является то обстоятельство, что в судебной практике нельзя однозначно определить тот уровень образования, который был бы достаточен. Так, порой суды указывают, какое образование является достаточным для понимания юридического языка³⁴⁷. В одном из дел суд указал, что доводы представителя потерпевшего о непонимании юридического языка и процессуальных особенностей рассмотрения дела в особом порядке являются безосновательными, так как потерпевший «имеет высшее образование, позволяющее понять сущность процессуальных

³⁴⁵ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 мая 2019 г. № 15АП-5648/2019 по делу № А32-5917/2019.

³⁴⁶ Соктоев З. Б. Причинная связь в дорожно-транспортных преступлениях // Lex russica, 2013. № 7. С. 706-717.

³⁴⁷ Апелляционное постановление Юргинского городского суда от 13 октября 2016 г. по делу № 10-35/2016.

особенностей рассмотрения уголовного дела в особом порядке, для чего не требуется специальных познаний в области юриспруденции». Возникает вопрос, а если бы у лица не было высшего образования, изменилась бы при этом позиция суда? В другом деле в подтверждение того, что лицо понимало юридические термины, суд указал на наличие у него среднего специального образования³⁴⁸. Иногда признается достаточным окончание лицом 5 классов средней школы³⁴⁹.

Впрочем, стоит отметить, что суд может признать, что текст законодательного акта непонятен обычному человеку, но это не даёт этому человеку право ссылаться на такое обстоятельство³⁵⁰. Суды прямо указывают, что *если человек не понимает юридический язык, то ему следует обратиться за юридической помощью к профессионалам*.

Ранее в настоящей работе уже анализировался вопрос о разъяснении непонятных для сторон спора решений суда. Основная тенденция по этому вопросу выглядит так: если судебный акт изложен *грамотным юридическим языком*, то в разъяснениях такой акт не нуждается. Является ли это единственным условием, обеспечивающим понятность судебного акта? Сами суды отвечают, что существуют и другие условия. Так, анализируя решение суда первой инстанции, вышестоящий суд установил, что выводы суда записаны одним сложносочиненным предложением, и, в силу его построения, они сложны для понимания. Между тем приговор суда должен быть законным, обоснованным, а также *написан в доступных выражениях, понятных всем участникам процесса*³⁵¹.

Присяжные заседатели в уголовном процессе и запрет на использование юридических терминов

Очень широко в судебной практике представлены дела, в которых перед судом ставилась задача разрешить спор о том, насколько корректно были

³⁴⁸ Решение Лаганского районного суда г. Лагань от 14 октября 2013 г. по делу 1-1/2014.

³⁴⁹ Решение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 февраля 2012 г. по делу № 22-180/2012.

³⁵⁰ Решение Ленинского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области от 15 марта 2011 г. по делу 2-489/2011.

³⁵¹ Приговор Выксунского городского суда Нижегородской области от 12 июля 2012 г. по делу № 10-13/2012.

составлены вопросы для присяжных заседателей. Статья 339 УПК РФ содержит перечень требований, которым должны соответствовать вопросы, ставящиеся перед присяжными заседателями. Особо стоит отметить два из них. Так, в соответствии с ч. 5 данной статьи не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого (о его судимости), а также другие вопросы, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта. Часть 8 предусматривает, что вопросы должны ставиться в понятных присяжным заседателям формулировках.

Как показывает анализ судебной практики, правоприменители нередко соединяют два этих требования. При этом, на наш взгляд, совершенно необоснованно. Требование ч. 3 ст. 339 УПК РФ часто понимается как запрет на использование в вопросах любых юридических терминов, хотя смысл этого положения совершенно в другом. Такой запрет трактуется правоприменителями как необходимость перевода юридических категорий и терминов на быденный язык.

Проанализированные дела в изобилии содержат подобные формулировки:

1. «Вопросный лист составлен в соответствии с требованиями ч. 8 ст. 339 УПК РФ в *понятных* присяжным заседателям формулировках, *исключающих применение сугубо юридической терминологии*, и противоречий не содержит»³⁵²;

2. «Вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, ставятся в *понятных присяжным заседателям формулировках*, поэтому в вопросном листе *без употребления юридических терминов* изложены вопросы в понятных присяжным заседателям выражениях»³⁵³;

3. «Вопрос был сформулирован с использованием *юридической*

³⁵² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2015 г. № 55-АПУ15-1сп.

³⁵³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2016 г. № 53-АПУ16-23сп.

терминологии, понятной не для всех присяжных заседателей»³⁵⁴.

Нарушением признаётся, например, использование в вопросе выражений «криминальный бизнес», «криминальная деятельность», «противоправные действия», так как эти термины носят криминологический и правовой характер³⁵⁵. Анализируя формулировки вопросов «Есть ли у Вас судимые близкие родственники?», «Может быть, кто-либо из Вас был вовлечен в уголовное судопроизводство в ином качестве?», суд отметил, что они содержат *юридические термины и являются непонятными для лица, не имеющего соответствующего образования*³⁵⁶. Подобные выводы судов встречаются очень часто и их можно свести примерно к такой формуле: «вопрос насыщен юридическими формулировками (содержит юридические термины), понимание которых, требует юридических познаний»³⁵⁷.

Не останавливаясь на особенностях уголовно-процессуального законодательства, отметим то, что важно для нашего исследования. В данной категории дел судьи, государственные обвинители, профессиональные защитники сходятся в одном – юридические термины непонятны для лица, не имеющего юридического образования. В качестве критерия понятности вопроса заявляют наличие требований присяжных по разъяснению вопроса, но в подавляющем большинстве проанализированных случаев спор о понятности решался по факту наличия в вопросе юридических терминов.

Непонимание условий гражданского договора

Оспаривание стороной условий кредитного договора или договора страхования на основании ссылки стороны на навязывание банком необходимости заключения договора страхования при получении кредита и отсутствие у неё понимания необязательности данного действия – широко представленный в судебной практике случай. Несмотря на большое количество таких дел, подавляющее большинство из них решаются не в пользу

³⁵⁴ Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2006 г. № 49-о05-94сп.

³⁵⁵ Определение Верховного Суда РФ от 13 мая 2010 г. № 58-О10-25сп.

³⁵⁶ Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 55-о05-21сп.

³⁵⁷ Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2003 г. № 89-О03-65.

заявителей. Однако среди проанализированных решений были обнаружены и те случаи, в которых суд не поддержал позицию банка или страховой организации. Кредитные договоры и договоры страхования бывают достаточно объёмными, написанными сложным для обычного человека языком, однако, как правило, они содержат все необходимые условия, что даёт судам основания отказывать в удовлетворении подобных требований, так как при внимательном прочтении этих договоров у сторон спора не должно было возникать сомнений в толковании условий, на которых эти договоры заключаются³⁵⁸. Также суды указывали что при заключении гражданского договора сторона не лишена возможности обратиться за юридической помощью³⁵⁹. Цель такого обращения суды могут прямо указать в решении: «истец не была лишена возможности обращения за юридической помощью для уяснения смысла и последствий заключенного ей договора»³⁶⁰.

Представляется, что распространённая в практике ссылка судов на возможность стороны спора обратиться за юридической помощью связана со следующими обстоятельствами. С одной стороны, действующее гражданское законодательство направлено на поддержание стабильности оборота. Поэтому основания для признания договоров недействительными связаны как минимум с полной безграмотностью (неумение читать и писать), а не с юридической³⁶¹. Подразумевается, что сторона договора либо способна сама понять смысл заключаемого договора, либо сделать это при помощи специалистов, заранее осознав свою неспособность самостоятельно оценить юридические последствия заключаемого договора. Если договор заключается сторонами, то считается, что они полностью понимают последствия. С другой стороны, суды учитывают, что обычный человек может недостаточно хорошо разбираться в юридических аспектах. Они указывают на две верные, с их

³⁵⁸ Решение Заволжского районного суда города Ульяновска от 14 сентября 2016 г. по делу № 11-135/2016; решение Ленинского районного суда г. Иркутска от 7 сентября 2016 г. по делу № 2-3692/2016.

³⁵⁹ Решение Красноярского краевого суда от 4 июля 2016 г. по делу № 33-8554/2016.

³⁶⁰ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 7 мая 2015 г. по делу № 33-3833/2015.

³⁶¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2014 г. по делу № А41-14422/2014.

точки зрения, модели поведения в ситуации, когда возникает юридическое непонимание: отказаться от совершения юридически значимых действий или обратиться за юридической помощью. При этом явно подразумевается, что такую помощь могут оказать только профессионалы. Иными словами, суды даже не пытаются настаивать на том, что любой человек, владеющим русским языком, может разобраться в юридических особенностях, правильно понять нормативные акты, корректно составить гражданский договор и так далее. Правовая безграмотность рассматривается не как явление принципиально негативное, с которым стоит бороться, а как констатация факта: «всего знать нельзя, не знаешь сам – спроси у профессионала».

Анализ тех случаев, которые выделяются из общей тенденции показал, что суд может принять во внимание комплекс обстоятельств, например, возраст истца, юридическую неграмотность, инициативу банка в заключении договора, а также то что сам заключенный договор по своей природе являлся сложным для понимания. При таких условиях суд признавал, что истец при оформлении договора заблуждался относительно правовых последствий его заключения³⁶².

В редких случаях, связанных в том числе с нарушением кредитной организацией законодательства о защите прав потребителей, суд может признать текст кредитного договора, анкет на получение кредита и иных документов. сложными для понимания простыми потребителями продукта³⁶³.

На способность правильно понять содержание заключаемого договора оказывает существенное влияние и то, в какой форме представлен текст договора. В ряде случаев суды указывали на то, что условия договора были изложены в очевидно *сложной для понимания потребителя форме*. Это выражалось в том, что текст договора был напечатан мелким шрифтом без указания пунктов и разбивки на абзацы, что затрудняло возможность правильного понимания содержания договора. В другом схожем случае текст

³⁶² Апелляционное определение Псковского областного суда от 3 ноября 2015 г. по делу № 33-1802.

³⁶³ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 6 ноября 2014 г. по делу № А60-39898/2014.

правил оказания услуг был изложен мелким шрифтом и напечатан в три колонки на каждом листе, что также было оценено судом как явное препятствие к их пониманию³⁶⁴.

Выводы по результатам второго этапа анализа практики в разделе 3.2.2:

К тексту любого правового акта предъявляется в числе прочего требование понятности. Это требование, вытекающие из норм Конституции РФ и сформулированное в ряде правовых позиций Конституционного Суда РФ, отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 и в положениях законодательства об антикоррупционной экспертизе нормативных актов.

Подразумевается, что понятными нормативные акты должны быть для всех граждан страны. «Требование официального опубликования нормативных актов установлено как гарантия возможности знать о предоставленных гражданам правах и о возложенных на граждан обязанностях. Официальное опубликование оказалось бы бессмысленным, если бы язык, на котором публикуются нормативные акты, был для граждан непонятен»³⁶⁵.

Полученные результаты исследования не самые утешительные для рядовых граждан.

Во-первых, в правоприменительной практике закрепилось понятие «грамотный юридический язык». Если текст нормативного акта, правоприменительного решения и иного документа написан грамотным юридическим языком, то он признаётся выполненным с соблюдением тех требований, которые к такому тексту предъявляются. При этом нельзя ставить знак равенства между «юридическим языком» и «понятным языком». Скорее подразумевается то, что текст, написанный грамотным юридическим языком,

³⁶⁴ Апелляционное определение Омского областного суда от 13 июля 2016 г. по делу № 33-6020/2016.

³⁶⁵ Белов С. А., Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон, 2016. № 10. С. 100 - 112.

может быть понят при приложении к этому определённых усилий или в результате помощи профессионалов.

Во-вторых, правоприменительная практика полностью противоречива в оценке способности простых граждан понимать «юридический язык».

Для административных и уголовных дел характерно признание того, что правонарушителю достаточно владения русским языком и, далеко не всегда, минимального уровня образования (единого подхода к определению этого минимального уровня образования также нет) для понимания юридического языка. Если лицо будет продолжать настаивать на непонятности для него юридических терминов, законов и прочих документов, то помощь ему должен оказать адвокат – профессионал с соответствующим образованием.

Для гражданских дел характерно то, что суды придерживаются позиции, согласно которой граждане *должны* понимать юридический язык. При этом понять они его могут сами, благодаря помощи профессионалов или в силу занимаемой должности или характера выполняемых работ. Если самостоятельное понимание текста документа невозможно, в том числе из-за отсутствия у лица профильного образования, то такое лицо *всегда имеет возможность обратиться за юридической помощью*. В том случае, если гражданин этого не делает, то признается, что он сам несет риски и последствия такого непонимания.

В делах, связанных с корректным формулированием вопросов для присяжных заседателей, прямо указывается, что *юридическая терминология непонятна для лиц без соответствующего профильного образования*. Присяжных нельзя направить за юридической помощью, но в ряде дел участники процесса настаивали на том, что присяжные могут обращаться за разъяснениями непонятных юридических терминов к председательствующему.

Общим для всех этих случаев является то, что понимание юридического языка лицами без специального образования не является презумпцией, а в случае с присяжными заседателями проявляется скорее презумпция

непонимания юридического языка. В случае если лицо само не может понять юридический язык, то для него всегда доступна помощь профессионалов – этот подход красной нитью проходит сквозь проанализированные судебные решения. Тем самым суды признают, что юридический язык понимают лица с юридическим образованием, а остальные могут его и не понимать, но это не является проблемой с точки зрения судов.

В-третьих, юридический язык, многие юридические термины в своей основе имеют естественный язык. Обыденное значение многих слов может существенно отличаться от их значения в правовой сфере. Это обстоятельство создаёт для простых граждан «ловушку». Сложно становится понять не только сам юридический термин, но и то, что он непонятен для человека. Прочитав текст, в котором используются юридические термины, лицо может придать этим терминам те значения, которые им сообщаются при использовании в повседневном бытовом общении. О совершённой интерпретационной ошибке лицо обычно узнаёт уже в суде. Такой ошибки не происходило бы, если бы авторы юридических документов и правоприменители использовали слова в их общепринятом, а не узкоспециализированном значении.

В-четвёртых, случаи, в которых суды встают на защиту лиц, заявляющих о непонимании юридического языка, достаточно редки. В таких делах обычно используется целая группа аргументов, так как одной ссылки на непонимание в большинстве случаев недостаточно.

В-пятых, сложность юридического языка оказывает существенное влияние и на общий уровень правовой культуры в обществе. Опубликование нормативного правового акта сегодня не может автоматически означать, что его содержание понятно всем. Борьба с этой ситуацией необходимо путём повышения правовой грамотности – внедрять соответствующие курсы в образовательный процесс, проводить специальные курсы и семинары для работающего населения и так далее. Отдельное внимание необходимо уделить тому языку, который сегодня понимается как «грамотный юридический язык». Необходимо превратить его в «понятный грамотный юридический язык».

Вместе с тем понятным он должен стать не только для профессионалов в сфере права, но и для обычных граждан.

В-шестых, единственным механизмом, при помощи которого суды сами выявляли смысл спорных слов и выражений, было использование толковых словарей. Этот выход из ситуации представляется логичным, так как в большинстве случаев судами констатируется достаточность владения быденным языком для понимания юридических документов. Толковые словари как раз содержат значения слов при их повседневном употреблении. Однако применение словарей для толкования неоднозначных слов и выражений является сложным процессом при всей внешней простоте. В следующих разделах будет сосредоточено внимание именно на особенностях использования этого механизма в отечественной и зарубежной практике.

3.2.3. Общий анализ проблем судебного толкования юридических документов с использованием словарей

Общепризнанное требование определенности, ясности и недвусмысленности текста нормативных правовых актов должно способствовать их единообразному пониманию со стороны суда, других правоприменителей и граждан. Однако практика демонстрирует нам наличие огромного числа споров, для решения которых судам приходилось изначально выявлять содержание того текста, который оказался перед ними. Появление таких споров можно считать неизбежным из-за особенностей самого языка, который подразумевает наличие в своём составе большого числа многозначных слов и выражений. Также стоит отметить, что в языке присутствуют специализированные термины, имеющие узкоспециализированное значение, известное не всем. Некоторые слова, имея обычное «общеупотребительное» значение, в отдельных сферах могут получать дополнительное специальное значение. Эти и многие другие языковые особенности делают процесс единообразного определения содержания текста юридического документа сложной процедурой, требующей от судей большого мастерства.

Толкование юридических документов для судов сегодня является одним из основных видов деятельности. Решение любого спора всегда будет связано с тем, как суд истолкует тот или иной юридический текст. Это может касаться текста конституции, закона или договора.

При возникновении спора о том, как правильно понять слово или словосочетание в юридическом документе, судья имеет несколько «опций». Он может дать толкование, опираясь лишь на своё мнение, может сослаться на внешние источники, может привлечь на помощь специалиста (например, когда речь идёт о толковании технического термина). Проблема собственного толкования судьи заключается в необходимости его достаточного обоснования. На практике оно может выглядеть как попытка подменить собой законодателя. В двух других случаях судья сталкивается с проблемой подбора источников, на которые можно сослаться. В числе таких источников чаще всего фигурируют словари. Примеры использования словарей судьями для толкования текстов юридических документов и в первую очередь нормативных актов можно обнаружить по всему миру. В России суды общей юрисдикции толкуют судебные решения³⁶⁶, экспертные заключения³⁶⁷, договоры³⁶⁸, законы³⁶⁹ и иные тексты. Суды США активно используют словари в своей практике. Например, только Верховный суд США за последнее десятилетие решил более 250 дел с использованием словарей³⁷⁰. Даже судьи ЕСПЧ сталкиваются с необходимостью использования словарей для решения споров³⁷¹.

Почему словарь оказался таким универсальным помощником судей в процессе толкования юридических документов, какие словари и в каких

³⁶⁶ Апелляционное определение Белгородского областного суда от 23 июля 2015 г. по делу № 33-2935/2015.

³⁶⁷ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 29 апреля 2015 г. по делу № 33-1503.

³⁶⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 6 апреля 2016 г. по делу № 33-7012/16.

³⁶⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 78-АПА19-65.

³⁷⁰ См. например, *Stokeling v. United States* №. 17-5554 (2019); *Mont v. United States* №. 17-8995 (2019); *Wisconsin Central Ltd, et al. v. United States* № 17-530 (2018).

³⁷¹ См. например: Постановление ЕСПЧ от 29 января 2009 г. «Дело «Андреевский (Andreyevskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 1750/03); Постановление ЕСПЧ от 27 августа 2015 г. «Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11); Постановление ЕСПЧ от 20 марта 2018 г. «Дело «Радомилья и другие (Radomilja and Others) против Хорватии» (жалобы № № 37685/10 и 22768/12).

случаях необходимо использовать, каких «подводных камней» необходимо избегать судьям – попытка ответить на эти вопросы будет сделана далее.

Словарь и «язык закона»

Отечественная практика уже давно столкнулась с проблемой «особого» языка юридических документов, и как следствие - с проблемами понимания положений этих документов обществом. М. О. Акишин в своей работе, содержащей анализ развития юридического языка в России, со ссылкой на М. Л. Давыдову³⁷² отмечает, что в XVIII в. происходило осознание того, что лексический состав нормативного правового акта – это не слова из разговорной речи, а правовые понятия, которые выражают устойчивые черты правовой действительности; являются семантическим ядром нормы права; имеют такую же юридическую силу, как и закрепляющий их нормативный акт; могут толковаться в правоприменительной практике³⁷³. Система правовых понятий образует понятийный аппарат права.

О доступности смысла правовых актов и о правилах их толкования задумывалась Екатерина Великая. Правила казуального толкования, как отмечает О. А. Омельченко, Императрица разрабатывала в проекте кодификации государственного права 1780-х гг., при этом основным способом она считала выяснение воли законодателя³⁷⁴. Сама Екатерина II в своём Наказе выдвинула требования и к тексту правовых актов, и к порядку их толкования³⁷⁵. Так, в ст. 151 Наказа она отметила невозможность судейского толкования уголовных законов, так как судьи не законодатель. В свою очередь, в ст. 157 - 158 Наказа было отмечено, что толкование законов есть зло, но злом является и наличие таких неясных законов, которые требуется истолковать. Эта

³⁷² Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. М.: Юридический центр пресс, 2009. С. 120-122

³⁷³ Акишин М. О. Государственные преобразования и юридический язык Российской империи XVIII века // Genesis: исторические исследования, 2016. № 4. С. 60.

³⁷⁴ Омельченко О. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Проблемы политической и правовой идеологии. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 90

³⁷⁵ Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Екатерина II. О величии России. М.: Эксмо, 2006. С. 72-155.

ситуация усугубляется тогда, «когда они (законы) написаны языком, народу неизвестным, или выражениями незнаемыми».

Соответственно, в Наказе уже в то время была высказана идея о том, что законы должны быть написаны простым языком: «и уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цену достать можно было наподобие букваря; в противном случае, когда гражданин не может сам собою узнать следствие сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности, то будет он зависеть от некоторого числа людей, взявших к себе в хранение законы и толкующих оные. Преступления не столь часты будут, чем большее число людей уложение читать и разуметь станут. И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат».

С этого времени требование точности, простоты и ясности языка законодательства стало господствующим³⁷⁶. Князь М. М. Щербатов, рассуждая о требуемой простоте языка законов, подчёркивал связь сложности законов и правоприменительных ошибок. Он отмечал, что там, где закон ясен и непротиворечив, благоразумный судья не сможет учинить злоупотребление в результате ошибки. В то же время он отмечал наличие проблемы квалификации самих судей: «Входя в состояние Российской империи, где штатская служба по большей части служит убежищем, отошедшим от военной службы, много ли есть таких судей, которые б знали законы, или, по крайней мере, знали бы и понимали разум их из грамматического сложения русского слова? А, однако, таковые не только в нижние судьи, но и в вышние, не учась, определяются; закон, хотя еще не ясный, им еще не яснее кажется; суд идет развратный и противоречивый; законы затмеваются, а народ страждет»³⁷⁷. Для борьбы с этой проблемой М. М. Щербатов предлагал

³⁷⁶ Акишин М. О. Там же. С. 62.

³⁷⁷ Сочинения князя М. М. Щербатова. Спб.: Кн. Б. С. Щербатов, 1896-1898. В 2-х томах: Т. 1: Политические сочинения / Под ред. И. П. Хрущова. 1896., 1060 стб., Т. 2: Статьи историко-политические и философские / Под ред. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. 1898., 630 стб.

всячески повышать уровень правовой грамотности.

Важным направлением совершенствования юридического языка или «языка законов» является составление словарей³⁷⁸. Первым таким словарём называют «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищева³⁷⁹. Первым толковым словарём стал Словарь Академии Российской в шести частях, содержащий толкование 43357 слов. Все 6 томов были изданы с 1789 по 1794 годы. Этот словарь содержал определения основных юридических терминов XVIII в.³⁸⁰ Можно говорить, что с этого времени словари оказались на службе у государственных органов, так как они имели возможность знакомиться с их содержанием в рамках своей деятельности.

Сегодня актуальность проблем ясности и понятности языка правовых документов только возросла, а практика применения словарей, как механизма установления смысла спорных слов и выражений, достигла широкого распространения.

Исходя из того, что путём официального опубликования содержание нормативного акта должно быть представлено для свободного доступа неопределённому кругу лиц, его доступность должна означать то, что любое лицо сможет понять смысл этого акта. Если рядовой член общества не может понять смысл опубликованного акта по причине отсутствия специального образования, то следует признать, что опубликование своей цели не достигло. В рамках опубликования акта нельзя его конкретизировать, изложить «простым языком», упростить и так далее. Это означает, что обязанность опубликования нормативных правовых актов, которая теряет смысл при непонятности текста акта адресату, обращает к законодателю требование формулировать акты таким образом, чтобы они были доступны для восприятия неопределённому кругу лиц, на которых этот акт распространит своё действие. Исходя из этого требования, основанного на Конституции РФ,

³⁷⁸ Акишин М. О. Там же. С. 62.

³⁷⁹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 464 с.

³⁸⁰ Акишин М. О. Там же. С. 66.

можно сделать вывод, что в основе языка нормативных актов лежит естественный язык, под которым понимается употребление слов в их «обычном значении», понятном для носителей языка, не имеющих специального юридического образования. Люди, владеющие языком на достаточном уровне, смогут легко понять друг друга. Расхождение в понимании того, что хотел сказать один, и что понял другой, будет незначительным, не влияющим на качество коммуникации³⁸¹. В связи с этим необходимо дать негативную оценку попыткам искусственно, без объективной необходимости усложнить юридический язык, что делает юридическую сферу закрытой и недоступной для граждан.

Толковые словари должны содержать эти «обычные значения» слов. Словарь может использоваться судом для толкования слов, использованных в нормативных правовых актах, которые по мнению стороны спора или суда допускают различные варианты их толкования³⁸². Словарные определения выступают средством помощи судьям, которые на основе здравого смысла, представления о намерениях авторов документа или других контекстных факторов, смогут сформировать представление о смысловом содержании слова³⁸³. Обращаться к словарям при отсутствии спора о правильном понимании слов не следует.

Возникает вопрос, какой из словарей использовать, отдавать ли предпочтение специальным юридическим словарям, какую роль должен выполнять словарь при толковании текста юридического документа?

Выбор словаря и его роль

Язык юридических документов должен быть чётким и ясным, а для достижения понятности окружающими слова должны использоваться в соответствии с их обычным значением. Отходить от этого правила следует тогда, когда в результате толкования мы получаем абсурдный или

³⁸¹ Baude W., Sachs, S.E. The Law of Interpretation // Harvard Law Review. Vol. 130, No. 4. 2017. P. 1093.

³⁸² Rutledge v. Pharmaceutical Care Management Assn. 592 U.S. № 18-540 (2020).

³⁸³ Hutton C. Objectification and Transgender Jurisprudence: The Dictionary as Quasi-Statute // Hong Kong Law Journal. Vol. 41, No. 1. 2011. P. 41.

бессмысленный результат. В этих случаях мы должны отказаться от буквального толкования слов и искать иные способы установить смысл спорного слова³⁸⁴. А. В. Смирнов и А. Г. Манукян утверждают, что именно грамматический способ в первую очередь подлежит применению при истолковании нормы права. Неустрашимость грамматического толкования в первую очередь объясняется тем, что правовой язык является частью русского языка, а значит, и правотолкователь не может проигнорировать сведения, сообщаемые ему языкознанием³⁸⁵.

Суды высказывают позицию, согласно которой законодатель всегда использует обычное значение слов. Если он хочет придать слову какой-то иной смысл, то об этом должна сделана специальная оговорка³⁸⁶. Действительно, не существует какого-то специально языка для юридических документов. Желаемой является ситуация, когда слово в юридическом документе употребляется именно в его обычном значении. Это позволило бы любому лицу выявить это значение, обратившись к толковому словарю. Впрочем, справедливо и замечание о том, что многие слова в силу времени и особенностей юридических конструкций «оторвались» от своего обычного значения и получили новое³⁸⁷.

В литературе можно столкнуться с очень лаконичными правилами толкования текста нормативного акта: «в толковании закона есть четыре стадии: определение законодательной цели, на основе текста закона, в котором использованы слова в их обычном значении. Если выявляется специальный термин, то должен привлекаться специальный словарь. Полностью полагаться на словарь нельзя, если у нас нет доказательств того, что сам законодатель использовал этот словарь. Если таких доказательств нет, то никакой словарь

³⁸⁴ *United States v. Am. Trucking Ass'ns*, 310 U.S. 534, 543 (1940) (quoting *Takao Ozawa v. United States*, 260 U.S. 178, 194 (1922)); Green S. D. *Understanding CERCLA through Webster's New World Dictionary and State Common Law: Forestalling the Federalization of Property Law* // *New England Law Review*. Vol. 44, No. 4. 2010. P. 839-840.

³⁸⁵ Васев И. Н. Грамматический и системный способы толкования норм права: характер взаимодействия // *Юрислингвистика*, 2018. № 7-8. С. 19.

³⁸⁶ Coon N. 162 Years of Dictionary Use in the Oregon Appellate Courts. *Willamette Law Review*. Vol. 55, No. 2. 2019. P. 215.

³⁸⁷ *The Dictionary and the Law* // *Journal of Legal History*. Vol. 10, No. 3. 1989. P. 391.

не может считаться авторитетным. Сам словарь не говорит о том, что значит слово, он лишь указывает на то, что слово может обозначать в зависимости от контекста. Так что полезным будет использование нескольких словарей, для выявления возможных значений слова»³⁸⁸.

Правило выявления «обычного значения» порой называют краеугольным камнем толкования³⁸⁹. Если в законе нет специального определения, или термин не является техническим, то толковать его следует в соответствии с его обычным значением. Однако нет единой методологии выявления такого значения. Предлагается даже устанавливать это значение на основе использования корпуса текстов. В зарубежной литературе опора на несколько словарей вместо одного часто рассматривается как обязанность судов³⁹⁰. Отмечается, что корпусный метод позволяет сделать более научным выявление «обычного значения» слова³⁹¹. Обращение к корпусу словарей будет эффективнее, чем обращение к отдельным словарям. Каждый словарь и сам может выступать результатом корпусного исследования любых или специальных текстов³⁹². Таким образом, предпочтительно использовать сразу несколько словарей, что позволит точнее определить наиболее распространённое обычное значение слова.

Дискуссионным является выбор между общим словарём и специальным юридическим. Юридический словарь должен содержать значения слов, которые им придаются в юридическом контексте. Эти определения должны сопровождаться обоснованием, примерами употребления. Это будет способствовать предсказуемости и определённости закона³⁹³. Разумнее всего

³⁸⁸ Coon N. 162 Years of Dictionary Use in the Oregon Appellate Courts. *Willamette Law Review*. Vol. 55, No. 2. 2019. P. 215.

³⁸⁹ Tankersley D. C. Beyond the Dictionary: Why Sua Sponte Judicial Use of Corpus Linguistics Is Not Appropriate for Statutory Interpretation // *Mississippi Law Journal*. Vol. 87, No. 4. 2018. P. 641-642.

³⁹⁰ Coon N. 162 Years of Dictionary Use in the Oregon Appellate Courts. *Willamette Law Review*. Vol. 55, No. 2. 2019. P. 259.

³⁹¹ Mouritsen S. C. The Dictionary is Not a Fortress: Definitional Fallacies and a Corpus-Based Approach to Plain Meaning // *Brigham Young University Law Review*. Vol. 2010, No 5. 2010. P. 1970.

³⁹² Mascott J. L. The Dictionary as a Specialized Corpus // *Brigham Young University Law Review*. Vol. 2017, No. 6. 2017. P. 1558-1559.

³⁹³ Mersky R. M. The Dictionary and the Man: Eighth Edition of Black's Law Dictionary // *Washington and Lee Law Review*. Vol. 63, No. 2. 2006. P. 722.

будет занять позицию, согласно которой суд должен проанализировать, насколько значение слова в юридическом контексте отлично от его обычного употребления. При этом юридический словарь не может заменить общий толковый словарь в силу особенностей порядка его наполнения. В современный юридический словарь должны включаться слова, которые вследствие их интерпретации судами или в тексте законов, приобрели квазитехническое значение, или которые часто используются в законах или иных юридических документах³⁹⁴. При использовании юридических словарей, основанных на легальных дефинициях, нужно учитывать и то, что определение понятия (термина) формулируется в тексте закона, прежде всего для того, чтобы устранить неверную или неоднозначную интерпретацию данного понятия (термина) не вообще, а применительно к целям и предмету закона, области действительности, регулируемой данным законом³⁹⁵.

Юридический словарь будет выступать важным источником, но не единственным и не всегда обязательным по сравнению с общим толковым словарём. Например, в Англии юридический словарь появился в 1527 году, раньше общего толкового словаря (1604 год). До этого появлялись словари с переводом на английский язык латинских слов. Это было связано с тем, что в юридической сфере применялось много латинских терминов, толкование которых вызывало сложности. Предполагалось, что носители языка не встретят проблем при толковании «обычных» английских слов. Однако на сегодня большинство споров, как это будет показано далее, связано с толкованием слов естественного языка, использованных в тексте юридических документов.

Сторонники использования словарей, подразумевая дескриптивные словари, настаивают на существенном положительном эффекте от использования словарей для толкования слов в юридических документах. Их

³⁹⁴ Yates S. Black's Law Dictionary: The Making of an American Standard // Law Library Journal. Vol. 103, No. 2. 2011. P. 181.

³⁹⁵ Батюшкина М. В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 210.

тезис достаточно прост – словари фиксируют обычное значение слова, и, если в нормативном акте нет специальной оговорки, означает, что законодатель использовал слово в обычном его значении (*ordinary meaning*). Соответственно, использование словаря позволит суду реализовать истинное намерение законодателя. При этом отмечается, что «характер» значений, зафиксированных в современных толковых словарях и в более ранних источниках, существенно различается³⁹⁶. Таким образом, проблема выбора словаря не ограничивается лишь поиском подходящих общих или специальных современных словарей.

Пытаясь истолковать текст юридического документа, мы сталкиваемся с необходимостью дать такое толкование, которое одновременно и следует из анализируемого текста, так и соответствует тем целям и идеям, которые пытался заложить в текст автор. В аспекте обсуждаемого нами вопроса это проявляется в том, что значения слов могут меняться со временем. Следовательно, меняется и содержание словарей. В таких условиях допустимо использовать при толковании документа лишь те значения слов, которые были известны авторам документа, с учётом которых они и могли использовать толкуемые слова. Данная проблема, возможно, ещё не проявила себя в отечественной практике в силу того, что действующее законодательство относительно «свежее», зато она широко известна в странах, где продолжают действовать акты, принятые, например, более 100 лет назад. Решение этой проблемы требует от суда высокой квалификации - необходимо выявить смысл нормы, который был заложен в неё при создании, проанализировать то, как этот смысл мог исказиться в понимании граждан с учётом прошедшего времени, правильно истолковать содержание нормы в современных условиях. Судья должен не допустить включения в содержание нормы того значения, которое не могли подразумевать авторы документа, и, наоборот, не должен ограничиться лишь устаревшим определением слова, которое не может

³⁹⁶ Катречко Н. А. Закон как ключ к справедливости (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 139.

учитывать развитие общества. Например, сегодня, толкуя вторую поправку к Конституции США, непременно обращаются к источникам периода её принятия для установления того, что понимается под словом «оружие». Это делается для уяснения смысла всей нормы, её целей. Результаты такого толкования позволяют распространить её действие на регулирование оборота электрошокеров для самозащиты, которые не существовали в момент создания нормы.

Является ли выбор подходящего словаря достаточным для того, чтобы судья мог истолковать спорное слово, сославшись на него? Нет, словарь не может выступать конечной точкой в выявлении значения слова, он лишь может указать на начальную точку. Словари, как общие, так и специализированные, в том числе юридические, лишь содержат некоторый набор возможных общепринятых значений слова. Они не могут однозначно ответить, какое из них вкладывается в слово, использованное в документе³⁹⁷. Составитель словаря не является законодателем. Нельзя вместо спорного слова в закон подставить подходящее определение из словаря. Этим определений может быть много, они могут в различной степени отличаться друг от друга, поэтому судья должен ориентироваться на словарь, но итоговый вывод он сможет сделать, лишь правильно оценив все сопутствующие обстоятельства.

На сегодня нет чётких стандартов выбора типа словаря, конкретного словаря и его издания. У разных судей есть свои взгляды на этот счёт, которые они в явном структурированном виде не высказывают. Фактически, для использования доступны любые из существующих словарей. Например, называются цифры в 15 тысяч изданий, когда говорят о существующих англоязычных словарях. Высказываются разные причины использования судьями тех или иных словарей. Если исходить принципа добросовестности судей, то можно предположить, что они используют несколько словарей и

³⁹⁷ April E.P. The Law of the Word: Dictionary Shopping in the Supreme Court // Ariz. St. L.J. Vol. 30. 1998. P. 312-313.

выясняют некое единое понимание содержания анализируемого термина. Если быть более практичными, то скорее стоит признать, что судьи просто используют те словари, доступ к которым у них существует. При наличии определенной заинтересованности, судья может перебирать словари до тех пор, пока не найдёт устраивающее его определение³⁹⁸. В США этот процесс выбора определения получил своё название - «dictionary shopping»³⁹⁹. В литературе тем не менее преобладает мнение, что выбор словаря часто является случайным.

Вместе с тем, проведённый анализ показал, что американскими судами при толковании неоднозначных слов предпочтение отдаётся уже сложившейся практике по анализируемому вопросу. При возникновении необходимости всё же обратиться к словарю они используют словарь периода издания анализируемого документа (либо этимологический словарь). При решении споров судьей выдвигается гипотеза, что разработчики документа использовали в нём слова в том смысле, как они понимались людьми того времени. Данная гипотеза основана на следующей логике. Словари, составленные в одно время с составлением документа или немного ранее, скорее всего придают словам то же самое значение, что и авторы анализируемого документа. Со временем слова могут менять своё значение, особенно учитывая описательный характер большинства словарей. В связи с этим, особенно в отношении документов достаточно старых, современные словари применять не рекомендуется. Данный подход не закреплён как обязательный к применению, но часто используется судьями.

После выбора типа словаря, самого словаря, судье необходимо выбрать и одно из представленных в словаре определений. Суд не должен автоматически обращаться к первому из определений, игнорируя остальные. Здесь суд должен учитывать контекст употребления слова и здравый смысл.

³⁹⁸ Brudney J., Baum L. Oasis or Mirage: The Supreme Court's Thirst for Dictionaries in the Rehnquist and Roberts Eras // *Wm. & Mary L. Rev.* Vol. 55. 2013. P. 566.

³⁹⁹ Eskridge W. N. *Cases And Materials On Legislation: Statutes And The Creation Of Public Policy*, 2d ed. 1995. P. 625-626; Aprill, E.P. *The Law of the Word: Dictionary Shopping in the Supreme Court* // *Ariz. St. L.J.* Vol. 30. 1998. P. 281.

Это непростой процесс, который может усложнить использование словарей. Судья С. Брайер писал об этой проблеме: «Куда ведет этот поединок определений? Некоторые кажутся слишком узкими, некоторые кажутся слишком широкими, а некоторые кажутся неопределенными. Результат – двусмысленность»⁴⁰⁰.

В конце стоит указать на один технический момент использования словаря судом – такое использование должно сопровождаться корректной ссылкой в тексте судебного решения на использованный источник. Недопустимо ссылаться просто на словарь какого-то автора, без указания других данных, позволяющих безошибочно найти использованный судом источник.

На практике отсутствие единых стандартов применения словарей выливается в самые разные вариации их использования. Могут одновременно использоваться общие и специальные юридические словари⁴⁰¹ или несколько общих⁴⁰². Если суд уделяет внимание вопросу, изменилось ли значение слова с момента принятия толкуемого акта, то он может ссылаться на словари времени принятия акта и современные, зачастую, он это делает вместе со ссылками на практику разрешения похожих споров⁴⁰³. Для российских судов свойственно использовать ссылки на словарь, не мотивируя выбор словаря и ограничиваясь одним источником, даже не указывая редакцию и год издания словаря⁴⁰⁴. Гораздо реже встречаются случаи указания на конкретное издание словаря⁴⁰⁵ или тем более случаи использования нескольких словарей⁴⁰⁶.

Недостатки использования словарей

Для судов словарь — это один из ориентиров для толкования слов и фраз. Наряду с ним существуют и другие источники – контекст, выраженная

⁴⁰⁰ Wisconsin Central Ltd, et al. v. United States № 17-530 (2018).

⁴⁰¹ United States v. Briggs 592 U.S. № 19-108 (2020).

⁴⁰² Taznin v. Tanvir 592 U.S. № 19-71 (2020).

⁴⁰³ Trump v. New York 592 U.S. № 20-366 (2020).

⁴⁰⁴ См. например, Решение Владимирского областного суда от 2 июля 2020 г. по делу № 7-61/2020; решение Московского областного суда от 16 июня 2020 г. по делу № 3А-1194/2019; апелляционное постановление Приморского краевого суда от 10 июня 2020 г. по делу № 3/1-37/2020.

⁴⁰⁵ Решение Ростовского областного суда от 19 июня 2020 г. по делу № 3А-215/2020.

⁴⁰⁶ Решение Хабаровского краевого суда от 9 июня 2020 г. по делу № 21-317/2020.

или подразумеваемая цель законодателя, материалы разработки нормативного акта, практика и так далее. На фоне этих источников сам словарь не всегда выглядит очень надёжным, так как он может дать лишь определение конкретного слова.

В литературе не всеми учёными разделяется наличие положительного эффекта от применения словарей из-за недостатков самих словарей. Высказывается критика в отношении многообразия потенциально подлежащих использованию словарей. Делаются попытки ограничить круг используемых словарей. Например, в США, в юридической сфере, «признаком профессионализма» выступает использование именно Юридического словаря Блэка или словарей, содержащих замечания судей.

В качестве проблемы можно указать и качество самих словарей. Развитие информационных технологий создало проблему существования электронных словарей. С одной стороны, суды получили доступ ко всем существующим электронным словарям, что существенно расширило число подобных источников в их поле зрения. С другой стороны, электронные словари не ограничиваются электронными версиями «классических» словарей – появились так называемые открытые словари и свободные энциклопедии. Ярким примером свободной энциклопедии является Википедия. Западные коллеги отмечают главную проблему таких источников – их формат позволяет пользователям создавать статьи и определения без учета требований достоверности, точности и наличия ссылок на источники данных. Например, в практике Верховного суда США отсутствуют случаи ссылок на подобные «свободные» словари, но в практике нижестоящих судов они достаточно распространены (к концу 2010 года выявлено более 370 случаев использования Википедии федеральными судами)⁴⁰⁷.

Критики использования словарей, ссылаясь на труды по лексикографии, замечают, что словарь не даёт точного ответа на вопрос о том, как слова

⁴⁰⁷ Kirchmeier J. L. Scaling the Lexicon Fortress: The United States Supreme Court's Use of Dictionaries in the Twenty-First Century // *Marquette Law Review*. Vol. 94, No. 1. 2010. P. 82.

реально используются, и как они должны использоваться⁴⁰⁸. Словари не содержат полных значений слов, они лишь отражают возможный вариант их употребления людьми⁴⁰⁹. В словари попадают и такие определения слов, которые приписываются им ошибочно в бытовом общении. Эти значения могут быть отмечены как возможные варианты употребления слова в разговорной речи. Поэтому нужно внимательно оценивать те определения, которые нам предлагает словарь⁴¹⁰. Отсутствие чётких правил выявления смысловых значений слов может привести к тому, что правоприменитель сможет придать слову тот смысл, который ему выгоден исходя из конкретной ситуации⁴¹¹, и которое не подразумевалось законодателем⁴¹².

Существует и проблема устаревания словарей. Язык постоянно развивается, что требует от словарей оперативного учёта этих изменений, особенно это касается общих толковых словарей. Однако сбор материала для словаря, его редактирование, печать и продажа занимают не мало времени, что делает словарь частично устаревшим уже к моменту его выхода⁴¹³.

В литературе содержатся опасения и о наличии простых ошибок при составлении словаря, связанных с человеческим фактором⁴¹⁴. Зачастую словари содержат определения только общего характера. Это создаёт ситуацию, когда в словаре будут отсутствовать, например, юридические значения общеупотребительного слова, не являющегося юридическим термином.

Тем не менее факт всё более активного использования словарей судами подтверждается данными, полученными в результате исследования правоприменительной практики. Указанное порождает необходимость

⁴⁰⁸ Atkins B., Rundell, M. The Oxford guide to practical lexicography // Oxford university press. 2008. P. 45-48

⁴⁰⁹ Jackson H. Lexicography: An Introduction. 2002. P. 87-92.

⁴¹⁰ Garner B. A. Speak of the Dictionary // Student Lawyer. Vol. 41, No. 6. 2013. P. 17.

⁴¹¹ Sudha S. The President's Private Dictionary: How Secret Definitions Undermine Domestic and Transnational Efforts at Executive Branch Accountability // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 24, No. 2. 2017. P. 532.

⁴¹² Kaye D. H. The Dictionary and the Database // Jurimetrics. Vol. 53, No. 4. 2013. P.392.

⁴¹³ April, E.P. The Law of the Word: Dictionary Shopping in the Supreme Court // Ariz. St. L.J. Vol. 30. 1998. P. 287.

⁴¹⁴ Landau Sidney I. Dictionaries: the art and craft of lexicography. Cambridge University Press Cambridge ; New York. 2001. 477 p.

научного анализа точности и полноты существующих словарей⁴¹⁵.

3.2.4. Практика использования словарей судами на примере опыта высших судебных инстанций Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации

Практика судов США по использованию словарей для толкования различных слов и выражений в юридических документах гораздо старше отечественной и представляет большой интерес. Само использование словарей связывается в англоязычной литературе с развитием различных идей о необходимости выявления смысла нормативных актов именно на основе их текста⁴¹⁶. Сторонники таких идей не отрицают значимость контекста употребления слова в реальной жизни для его интерпретации, но они предпочитают ограничивать его «внутренним контекстом», то есть тем, как используется определённый термин в тексте⁴¹⁷, и смотрят на то, как обычный читатель этот термин понимает⁴¹⁸. Иногда они могут в своей деятельности обращать к внешним по отношению к тексту источникам, например, к законодательной истории. Однако многие опираются только на текст закона⁴¹⁹. Приверженность к такой идеологии может быть как просто прагматическим подходом, так и результатом принципиального непризнания пригодности внешних источников для толкования юридического текста.

Общая характеристика практики использования словарей судами и частота использования словарей

Верховный Суд РФ намного моложе своего заокеанского коллеги, однако период его деятельности как раз совпадает со временем наиболее активного применения словарей в Верховном суде США.

⁴¹⁵ April E.P. The Law of the Word: Dictionary Shopping in the Supreme Court // Ariz. St. L.J. Vol. 30. 1998. P. 730.

⁴¹⁶ Pierce R. J., The Supreme Court's New Hypertextualism: An Invitation to Cacophony and Incoherence in the Administrative State // Colum. L. Rev. Vol. 95. 1995. P. 750; Zeppos N. S, Justice Scalia's Textualism: The «New» New Legal Process // Cardozo L. Rev. Vol. 12. 1991. P.1603; Eskridge W. N. Cases And Materials On Legislation: Statutes And The Creation Of Public Policy, 2d ed. 1995. P. 621-622.

⁴¹⁷ Karkkainen B. C. «Plain Meaning»: Justice Scalia's Jurisprudence of Strict Statutory Construction // Harv. J.L. & Pub. Pol'y. Vol. 17. 1994. P. 407.

⁴¹⁸ Karkkainen B. C. «Plain Meaning»: Justice Scalia's Jurisprudence of Strict Statutory Construction // Harv. J.L. & Pub. Pol'y. Vol. 17. 1994. P. 433.

⁴¹⁹ Rasmussen R. K., A Study of the Costs and Benefits of Textualism: The Supreme Court's Bankruptcy Cases // Wash. U. L. Q. Vol. 71 1993. P. 541.

Как будет показано далее, Верховный Суд США неоднократно применял словари при толковании законов и Конституции. В России Верховный Суд обладает несколькими отличными полномочиями, что вызвало необходимость проанализировать ещё и практику Конституционного Суда РФ. Было сделано предположение, что если у суда одна из основных функций связана с толкованием и выявлением смысла нормативных правовых актов, то он и будет проявлять активность в использовании словарей при вынесении решений. Однако проведённый анализ опроверг данную гипотезу. Было выявлено всего два случая, когда Конституционный Суд РФ для обоснования своего решения сослался на словарь.

В отечественной юридической литературе данной проблеме незаслуженно практически не уделяется внимания в отличие от США, где достаточно давно проводятся исследования особенностей использования словарей судами.

Одна из базовых работ в этой области была подготовлена профессором права Нью-Йоркского университета Джеффри Л. Кирхмайером совместно с судьёй Верховного суда Аризоны Самуэлем А. Туммой⁴²⁰ (некоторые статистические данные в этой работе основаны на указанной работе). В своей статье они рассматривали использование Верховным судом США словарей в первом десятилетии XXI века с учётом прошлых исследований по данной тематике. Проанализировав данные исследования, ряд других работ и практику Верховного Суда США, можно сформировать определённые выводы, изложенные далее.

Первое применение Верховным судом США словаря как информационного источника отмечено в 1830 году, и эта практика развивается до сегодняшнего дня. К словарям Суд обращался в самых разных делах – при толковании Конституции, положений законов, прецедентов и частноправовых договоров. В качестве курьёзных отмечаются случаи, когда Суд в своём

⁴²⁰ Kirchmeier J. L. Scaling the Lexicon Fortress: The United States Supreme Court's Use of Dictionaries in the Twenty-First Century // *Marquette Law Review*. Vol. 94, No. 1. 2010. P. 77-262.

решении обратился к словарю для толкования слова «суд»⁴²¹. Использование словарей Верховным судом США начиналось постепенно, но затем быстро набрало популярность. В первое десятилетие двадцатого века суд сослался на словари в двадцать одном решении, чтобы истолковать двадцать шесть слов и выражений. В 1960-х годах судьи использовали словари только в шестнадцати решениях. Затем использование Судом словарей значительно возросло: сорок раз в 1970-х годах, почти 100 в 1980-х годах. Суд использовал словари в 239 решениях для толкования более 250 слов и выражений в 1990-х годах. В 2000-х годах имеется 225 решений в которых с помощью словарей было истолковано 295 слов и выражений. Установлено, что с 2001 по 2010 годы Верховный суд США использовал словари для определения значения более чем 300 слов и выражений. За последнее десятилетие насчитывается около 250 дел, в которых Верховный суд США обращался к словарям. Считается, что Верховный суд США достиг своего пика в использовании словарей (в отношении количества дел). В качестве причины в литературе называют общее число рассматриваемых судом дел, категории дел, практику отдельных судей.

Несмотря на распространенность практики использования словарей и её большую историю Верховный суд США никогда чётко не формулировал порядок использования словаря для решения спора. Судьи Верховного суда США использовали за всю историю более 120 различных словарей в своих решениях. Среди них наиболее часто цитируемым толковым словарём является третье издание словаря Уэбстера⁴²², а наиболее цитируемым юридическим словарём является Юридический словарь Блэка^{423,424}.

Несмотря на такую обширную практику, на устоявшийся порядок использования словаря в процессе толкования указывают лишь общие

⁴²¹ Small v. United States, 544 U.S. 385 (2005); Feltner v. Columbia Pictures Television, Inc., 523 U.S. 340 (1998).

⁴²² Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Springfield, Mass.: Merriam-Webster. 2002. 2764 p.

⁴²³ Garner B.A editor in chief. Black's Law Dictionary. St. Paul, MN: Thomson Reuters. 2014. 2016 p.

⁴²⁴ Thumma S. A., Kirchmeier, J.L., The Lexicon Has Become a Fortress: The United States Supreme Court's Use of Dictionaries // Buff L. Rev. Vol. 47. 1999. P. 262-263.

замечания отдельных судей⁴²⁵. Единая доктрина использования словаря Верховным судом США сформулирована не была.

В практике российского Верховного Суда за всё время его существования удалось выявить лишь 38 дел, в которых упоминается «словарь». Из них менее чем в 30 можно говорить об использовании судом словаря для выявления смысла спорного слова или фразы. В практике Конституционного Суда РФ – всего два подобных случая. Основным источником, к которому обращался Верховный Суд РФ, оказался словарь под редакцией С.И. Ожегова.

Проанализировав практику Верховного Суда РФ, можно сказать, что суд применяет словарь в тех случаях, когда сами стороны прямо или косвенно пытаются истолковать спорное слово или выражение. В подобных случаях суд обращается к словарю, только если сам сочтёт это нужным. Из текстов решений можно установить лишь мотивы выбора того или иного слова для толкования. Остальным вопросам, таким как выбор конкретного словаря или выбор определения, Верховный Суд РФ не уделяет внимания в своих решениях. Выбор конкретного словаря можно назвать случайным, но с учётом того, что приоритет отдаётся словарям из пула наиболее авторитетных – например, словарям под редакцией С. И. Ожегова, С. А. Кузнецова, Н. Ю. Шведовой, Д.И. Ушакова, данный вывод можно сделать лишь на основе частоты использования словарей. Сам суд не оговаривал подобного правила в своих решениях. Достаточно часто суд обращается и к иным словарям. В качестве словарного источника для решения дела использовались разные словари: различные толковые словари, словари синонимов, словари русского и иностранных языков и прочие⁴²⁶.

Обращаясь к двум случаям из практики Конституционного Суда, можно отметить следующее. В первом случае он истолковал слово «казус»:

⁴²⁵ Thumma S. A., Kirchmeier J.L., The Lexicon Has Become a Fortress: The United States Supreme Court's Use of Dictionaries // *Buff L. Rev.* Vol. 47. 1999. P. 268-272.

⁴²⁶ Белов С.А., Ревазов М.А. Теория и практика толкования юридических документов судами с использованием словарей // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2023.Т. 16. № 1. С. 9-10.

«Изложенные обстоятельства представляют собой не типичную правоприменительную ситуацию, а казус, т.е. «случай, случайное действие, имеющее внешние признаки правонарушения, но лишенное элемента вины, а поэтому ненаказуемое» (Современный словарь иностранных слов. СПб.: «Дуэт», 1994. С. 252)»⁴²⁷. Во втором случае: «Из анализа значений слов «адвокат» и «защитник» в толковых словарях современного русского литературного языка следует, что слово «адвокат» уже по сфере употребления, так как относится только к деятельности профессиональных юристов. Слово «защитник» - шире, так как относится к деятельности любого лица, занимающегося защитой или представительством чьих-либо интересов в суде, судопроизводстве. Отсюда можно сделать вывод, что, используя это слово в части 2 статьи 48, Конституция предоставляет гражданам право пользоваться юридической помощью не только адвокатов, то есть членов коллегии адвокатов, но и других защитников»⁴²⁸. Каких-либо замечаний о порядке использования словарей в решениях сделано не было.

Процедура использования словарей судом

Изучение обширного опыта Верховного суда США, даже при отсутствии сформировавшейся доктрины использования словарей, позволяет говорить о том, что существует некая процедура использования этого механизма. Можно условно выделить несколько крайне важных этапов в применении словаря в конкретном деле.

Во-первых, необходимо выбрать то слово или фразу, которую следует истолковать. Во-вторых, необходимо выбрать тип словаря, начав с того, требуется ли общий или специальный словарь. В-третьих, необходимо выбрать конкретный словарь. В-четвёртых, нужно выбрать одно из нескольких определений, содержащихся в словаре в отношении исследуемого слова или фразы. Каждый этап имеет свои особенности.

Выбор слова. Отмечается особенность практики судов США,

⁴²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. № 1742-О.

⁴²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П.

закрывающаяся в том, что чаще всего суды используют словари для толкования достаточно простых слов, используемых в повседневном общении. Например, такие слова как: «assist»⁴²⁹, «care»⁴³⁰, «now»⁴³¹. Для правильного толкования значение имеет не просто выбор слова, но и формы его употребления, в каком времени оно было использовано и так далее.⁴³²

В более редких случаях Верховный суд США толковал юридические термины, латинские выражения или «необычные» слова. К числу таких случаев относят, например, толкование слова «гидрография»⁴³³.

Объяснение такой тенденции в литературе достаточно интересно. Регулярное определение смысла слов из естественного языка связано с их более частым использованием в сравнении со специальными терминами. Кроме этого, сложные, «необычные» слова в силу самой своей природы нередко имеют определения, закреплённые в законе, договоре или предшествующем судебном решении. При этом периодически судьи спорят о том, какие именно слова требуют толкования⁴³⁴.

Выбор типа словаря, конкретного словаря и издания. На сегодня нет чётких стандартов выбора типа словаря, конкретного словаря и его издания. Выше была изложена проблема, связанная с таким явлением как «dictionary shopping». Описание данного явления появилось на основе анализа практики именно Верховного суда США. При столкновении словаря и доктриной *Stare Decisis* Суд отдаёт предпочтение своим предшествующим позициям.

В описанном механизме отдельное внимание уделяется двум вопросам. Первый вопрос связан с выбором редакции словаря. За исключением Юридического словаря Блэка судьи не стремятся использовать самые последние редакции словарей. Причиной этого является порядок составления словарей. Отмечается, что сегодня издатели словарей стремятся

⁴²⁹ *Negusie v. Holder, Attorney general* 555 U.S. 511 (2009).

⁴³⁰ *Abbott v. Abbott*, № 08-645 (2010).

⁴³¹ *Carcieri, Government of Rhode Island, et al. v. Salazar, Secretary of the Interior, et al.* 555 U.S. 379 (2009).

⁴³² *Mont v. United States* №. 17-8995 (2019).

⁴³³ *Rapanos v. United States*, 547 U.S. 715 (2006).

⁴³⁴ *Ali v. Federal Bureau of Prisons et.al* 552 U.S. 214 (2008).

сфокусировать своё внимание на включении в текст как можно большего числа «новых» слов по сравнению с прошлым изданием. Учитывая ограничения по объёму словарей, это приводит к тому, что некоторые «обычные» слова могут быть исключены из словаря, или может быть уменьшено число их указанных значений. В связи с этим старая редакция словаря может оказаться более информативной, чем новая.

Кроме того, словари делят на два типа – дескриптивные и нормативные. Дескриптивные словари стремятся продемонстрировать смысловое значение слова в данный момент или в какой-то заранее указанный момент в прошлом, показать все возможные варианты употребления слова. Нормативные же указывают не на то, как слово реально используется носителями языка, а как оно должно использоваться. В отношении толковых словарей сложно говорить о возможности существования именно нормативных словарей, так как сами словари не содержат «норму» по употреблению слов, а предлагают возможные варианты их толкования, которые существуют на практике. Юристам всегда удобнее работать со строго определёнными правилами, но в отношении толковых словарей следует признать неизбежность взаимодействия с источниками, которые отражают постоянные изменения языка, из-за чего они не могут содержать строгих неизменных предписаний по правильному употреблению тех или иных слов.

В практике Верховного суда США выработался подход, согласно которому, предпочтительнее использовать дескриптивные словари одного периода с тем документом, слово из которого подлежит толкованию. Впрочем, это не жёсткое правило, а лишь практика отдельных судей, например, судьи А. Скалия.

Второй вопрос - использование иностранных слов и специализированных словарей. В первом десятилетии XXI века судьи цитировали словари иностранных языков только в двух случаях. В одном из них использовался словарь испанского языка. Верховный суд США обращался к испанскому словарю в 1929 году. Несмотря на большое число носителей

испанского языка, проживающих в США, в Верховном суде крайне редко возникает необходимость обращаться к испанским словарям, как и к любым другим иностранным словарям. Наиболее распространёнными словами не на английском языке, подлежащими толкованию, были латинские термины, например: «*ejusdem generis*»⁴³⁵ и «*prima facie evidence*»⁴³⁶. Однако, при толковании этих терминов использовался Юридический словарь Блэка. Аналогично было и с толкованием термина «*renvoi*», имеющего французские корни⁴³⁷.

Суд обращался и к специальным словарям. Например, для толкования слов «*n-th percentile*», «*quantile*», «*percentile*», и «*decile*» Суд использовал математический словарь⁴³⁸. Для толкования терминов «чистая прибыль», «стоимость» были использованы экономические словари⁴³⁹.

Нечастому использованию иностранных и специализированных словарей находят несколько объяснений. Основной причиной является то, что подобных терминов крайне мало в тексте Конституции или законов, а именно с ними Верховный суд США имеет дело в первую очередь. Другой причиной называется приверженность к использованию уже знакомых словарей, история создания которых известна судьям. Однако специальные словари продолжают использоваться и сегодня. Можно встретить случаи, когда Верховный суд США использовал классические источники, а отдельный судья в своём мнении указал на правильность использования специального словаря, исходя из характера правоотношений и их контекста⁴⁴⁰.

Случаи использования словарей

Суды применяют словари в разных делах, но наиболее часто от них требуется истолковать положения нормативных актов, например,

⁴³⁵ James v. United States, 550 U.S. 192 (2007).

⁴³⁶ Virginia v. Black, et al. 538 U.S. 343 (2003).

⁴³⁷ Sosa v. Alvarez-Machain, 542 U.S. 692 (2004).

⁴³⁸ The Concise Oxford Dictionary of Mathematics, 3 ed. // Oxford University Press. 2005. 512 p.

⁴³⁹ Morrison, et al. v. National Australia Bank, Ltd, et al., 08 1191 (2010); Verizon Communications, Inc. v. FCC, 535 U.S. 467 (2002); United States v. Santos, et al., 553 U.S. 507 (2008).

⁴⁴⁰ Republic of Sudan v. Harrison, et al. №. 16-1094 (2019). Судья Кларенс Томас предпочёл для определения слов, связанных с пересылкой через дипломатическое учреждение использовать специальный Дипломатический словарь.

Конституции или законов. Толкование судебных прецедентов и договоров — это наиболее редкие встречаются реже.

В немногочисленной практике Верховного Суда РФ выявлены случаи толкования законов, договоров и слов, использованных в устных и письменных высказываниях. Какой-либо отличительной специфики при этом выявлено не было.

В практике Верховного суда США гораздо больше примеров использования словарей, что стало причиной выделения отдельных групп споров в зависимости от того, какой документ им толкуется.

Толкование Конституции. Конституция США принята более 200 лет назад. Этот факт порождает споры, связанные с пониманием её положений. Достаточно много сторонников того, что толковаться Конституция должна с учётом тех значений слов, которые имели место при написании Конституции. Так, сторонники выявления оригинального смысла Конституции настаивают на применении словарей периода принятия Конституции и других источников того времени⁴⁴¹.

К примеру, большие споры вызывало толкование второй поправки к Конституции. На русский язык её можно перевести так: «Хорошо организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». В оригинале текст выглядит следующим образом: «A well regulated Militia, being necessary to the security of a free State, the right of the people to keep and bear Arms, shall not be infringed». Суд использовал пять словарей для толкования шести слов. Содержащиеся непосредственно в тексте поправки четыре слова – организованная, милиция (ополчение), хранить (держат, владеть) и оружие. А также два слова, используемых для объяснения текста поправки - «нести» и «против». При этом судьи ссылались на словари 1771 и 1773 годов издания. Некоторые несогласные судьи пытались использовать современные словари. Этот спор продемонстрировал, что ссылки на словари

⁴⁴¹ Nelson C. Originalism and Interpretive Conventions // U. Chi. L. Rev. Vol. 70. 2003. P. 519.

на самом деле должны выступать отправной точкой для уяснения смысла термина в момент его включения в документ, а затем следует анализировать контекст, аналогичные акты того времени, комментарии современников, судебные прецеденты и так далее. Вышеназванное соответствует указанному ранее выводу о том, что словарь — это отправная точка в проведении анализа, направленного на установление смысла слова, а не точка в этом анализе.

Противники использования «старых» словарей приводят ряд аргументов в пользу своей точки зрения. Во-первых, до середины XX века большинство словарей в США были не дескриптивными, а нормативными. Это ставит под сомнение то, что авторы анализируемого документа придавали словам смысл, отражённый в словаре той эпохи. Во-вторых, «старые» словари зачастую не имеют примеров, возможных контекстов и разнообразия возможных смыслов. В-третьих, качество процесса составления словарей, особенно наиболее старых, вызывает вопросы, в них часто отсутствуют ссылки на источники информации. Можно встретить точку зрения, согласно которой пытаться истолковать слово, содержащееся в Конституции, лучшим словарём для нас становится сама Конституция⁴⁴². Так судьи призывают не забывать рассматривать варианты употребления спорного слова в иных частях толкуемого документа, что позволит правильнее выбрать определение в словаре.

Толкование законов. В процессе толкования законов большое значение придаётся поиску истинных намерений законодателя при помощи словарей⁴⁴³. Многие судьи придают словарям большое значение, порой игнорируя другие источники, в первую очередь историю законодательного процесса. Сторонники другого подхода выражают обеспокоенность, считая недопустимым так всецело полагаться на словари. Они считают, что нельзя отказываться от таких источников как законодательная история, прецедент и

⁴⁴² Arizona State Legislature v. Arizona Independent Redistricting Commission, et al. № 13-1314 (2015).

⁴⁴³ Scalia A. Common-Law Courts in a Civil-Law System: The Role of United States Federal Courts in Interpreting the Constitution and Laws // The Tanner Lectures on Human values, delivered at Princeton University at March 8 and 9. 1995. P. 93-95.

особый юридический язык (язык законов).

Судьи, предпочитающие использование словарей, создают различную практику. Одни отдают предпочтение нормативным словарям, в то время как другие – дескриптивным. В практике Верховного суда США отсутствует какое-либо обсуждение различий этих подходов и рекомендаций по правильному поведению судьи.

Например, толкуя термин «денежное вознаграждение», Суд указал, что его задача состоит в том, чтобы истолковать спорный термин в соответствии с его «обычным значением», которое существовало в момент принятия закона, содержащего данный термин. В этом деле Суд обратился сразу к трём словарям: Словарю Уэбстера (2-е издание 1942 года), Оксфордскому словарю английского языка (1-е издание 1933 года) и Юридическому словарю Блэка (3-е издание 1933 года), подкрепив своё мнение ссылкой на имеющуюся практику⁴⁴⁴. При толковании современных правоотношений, например, при рассмотрении спора о создании сайта в сети Интернет, судьи обращаются к словарям последних редакций⁴⁴⁵.

Вывод по разделам 3.2.3 – 3.2.4:

Для установления буквального значения слова или его общепринятого употребления необходимо это значение сначала выявить. Судья — это специалист в сфере юриспруденции, член социума, он обладает собственным взглядом на то, как понимаются слова языка, носителем которого он является. Однако понимание судьёй определённого слова, может не совпадать с пониманием этого слова большинством. Указанное требует от судьи обратиться к каким-то внешним источникам, которые смогут продемонстрировать это общеупотребительное значение толкуемых слов. Это должны быть некие информационные источники, качество которых не должно вызывать у суда сомнений. Нам представляется, что таким источником может

⁴⁴⁴ Wisconsin Central Ltd, et al. v. United States № 17-530 (2018).

⁴⁴⁵ Packingham v. North Carolina № 15-1194 (2017).

быть либо заключение эксперта, которое будет составлено с опорой на словари, либо сами словари, использованные непосредственно судом.

Несмотря на большую временную практику использования словарей Верховным судом США и значительное увеличение числа таких случаев в последнее время, остаётся часто непонятным, чем именно руководствовался судья, приняв решение о необходимости использования словаря.

Изучение данного вопроса позволило выстроить следующую логику принятия решения: словарь используется для сбора всевозможных определений слова и это становится отправной точкой анализа. Далее следует изучение контекста, истории законодательного процесса, анализ прецедентов, научной литературы и других источников. Вышеобозначенная логика подтверждается в последних решениях Верховного суда США, в которых выводы на основе словарных определений были подтверждены после анализа судебной практики, иной правоприменительной практики и анализа законодательства, также использующего спорный термин⁴⁴⁶.

Российский Верховный Суд никогда не объяснял, почему использовал то или иное определение слова. Вероятно, суд учитывает контекст употребления слова и выбирает подходящее определение, но ссылок на такой подход в решениях нет. Кроме того, можно привести доводы и о том, что суд в некоторых случаях просто игнорирует контекст. Например, при толковании слова «побой», которое было использовано при формулировании вопросов к присяжным заседателям и явно упоминалось в рамках юридической процедуры, суд остановился на общеупотребительных значениях этого слова. Суд проигнорировал вероятность того, что если общеупотребительное слово попадает в специальную среду и становится специальным термином, то в рамках этой среды оно может иметь значения, отличные от его общеупотребительного вида. Соответственно, общие толковые словари могут не содержать этих специфических значений.

⁴⁴⁶ New Prime Inc. v. Oliveira № 17-340 (2019).

Можно предположить, что Верховный Суд РФ считает необходимым любые слова, независимо от контекста, использовать в их общеупотребительном смысле. Но такой вывод опровергает практика нижестоящих судов, которым очень хорошо известно понятие «грамотный юридический язык», наполненный специальной терминологией, обладающей специфическим значением при употреблении в юридическом поле деятельности.

Конституционный Суд РФ, кроме двух указанных выше случаев, использовал не словари, а иные источники информации для толкования слов, при этом в большинстве дел давал это толкование самостоятельно. Для Верховного суда США указанное отмечалось как существенная проблема. В литературе высказывается мнение, что в США суд начал активно использовать словари при толковании Конституции и законов в том числе для того, чтобы продемонстрировать объективность своих решений, уменьшить число обвинений в том, что Верховный суд США на своё усмотрение «переписывает» нормативные акты, посягая на полномочия законодательной ветви власти. Нельзя однозначно сказать, что в России отсутствует эта проблема, учитывая теоретические споры о том, имеются ли у решений Конституционного Суда РФ признаки не только правоприменительного, но и нормотворческого акта.

Остаются без ответа вопросы о порядке применения самих словарей, о правилах их выбора. Определенный интерес представляет выявленная тенденция использования словарей того же временного периода, что и анализируемый документ.

Вопрос о предпочтениях в выборе дескриптивных или нормативных словарей сегодня остаётся исключительно на усмотрение конкретных судей. Эта неопределённость вынуждает практикующих юристов лишь предполагать, как суд поступит в том или ином случае, при этом многое будет зависеть от того, к какому именно судье попадёт дело. Отсутствие руководящих принципов проведения такого анализа влечёт за собой риск

принятия решений, в которых суды начнут использовать словари ради получения самого определения слова в отрыве от целей законодателя, от потребностей жизни и от ценностей адресатов анализируемых актов.

В изученных решениях Верховного Суда РФ отсутствуют какие-либо рассуждения о том, какой тип словаря нужно использовать. Употребление специальных словарей как явления замечено не было. Допустимо отметить, что Суд считает достаточным в любой ситуации использовать общие толковые словари. В решениях никогда не поднимались вопросы об использовании словаря дескриптивного или нормативного типа; о проблеме соотношения времени издания словаря и создания толкуемого документа; о качестве используемого словаря. По поводу выбора конкретного словаря Суд никаких рекомендаций не давал. Как положительное явление можно отметить то, что Верховный Суд РФ периодически всё же использует сразу несколько словарей, демонстрируя, что он выявил смысл спорного слова, а не просто взял удобное для него определение.

Словари — это инструменты, которые предоставляют эффективные средства для начала процесса определения значения использованных слов. Благодаря словарям адвокаты и судьи обладают дополнительными инструментами для более точного определения смысла слов уже с учётом контекста. Отказ от учёта контекста приводил бы к тому, что лица, ответственные за отправление правосудия, слишком сильно полагались бы на автора словаря. Нижестоящие суды в США как выражали опасения в возникновении зависимости от словарей, ими прямо заявляется, что нельзя понимать закон в виде набора цитат из словаря⁴⁴⁷. Всё это поднимает проблему необходимости разработки чётких правил применения судами словарей в своей работе.

В результате проведённого исследования можно прийти к выводу о том, что обращение к словарю — это отправная точка процесса определения смысла

⁴⁴⁷ U.S. LEC of Tenn., Inc. v. Tenn. Regulatory Auth., №. M2004-01417-COA-R12CV, 2006 WL 1005134, at *5 (Tenn. Ct. App. Apr. 17, 2006).

использованных в юридическом документе слов и выражений. Словарь доступен сегодня всем, судьям, законодателю, гражданам. И всё было бы очень просто, если бы существовал один универсальный словарь, но их тысячи. Следовательно, необходимо выработать правила использования словарей. Эти правила должны учитываться в своей работе правоприменителями и законодателями. Выработка единого подхода позволит всему обществу с определённой долей уверенности правильно понимать положения законов, верно истолковать спорный договор или иметь представление о том, как его будет толковать суд.

Анализ российской судебной практики позволяет говорить о том, что суды не формулируют в своих решениях механизмы использования словарей. В некоторых решениях Верховного суда США прослеживается некоторая логика процедуры использования словарей, однако нельзя констатировать беспроblemность данного вопроса. Обобщая опыт российских и зарубежных судов, можно сформулировать ряд вопросов, ответы на которые, позволят выстроить эффективный механизм толкования неоднозначных слов и выражений при помощи словарей:

1. Когда необходимо обращаться к словарю?
2. К какому словарю следует обращаться?
3. Обнаружение нужного словаря — это конец исследования?
4. Как сослаться на словарь?

Стоит всегда помнить, что суд не законодатель, он не должен произвольным толкованием слов фактически создавать новые нормы права. В этом смысле опора на внешний источник делает решение суда более объективным и обоснованным. В свою очередь, всегда необходимо иметь в виду, что составитель словаря писал именно словарь, а не закон. Судья должен продемонстрировать свой профессионализм, правильно выявив спорные текстуальные элементы, определив контекст их употребления, указав на наиболее подходящие внешние источники толкования и использовав их в совокупности с иными обстоятельствами дела.

Разработка единой доктрины применения словарей судьями представляется неизбежной для Верховного суда США. Этому способствует ряд факторов – давняя практика использования словарей, обсуждение судьями данного вопроса, научные исследования в данной сфере. Для России проблема выработки единых подходов к применению судами словарей выглядит не менее востребованной, особенно учитывая многочисленную и неоднородную практику судов общей юрисдикции. В настоящее время предпосылки самостоятельной разработки методологии использования словарей судами отсутствуют.

3.2.5. Использование словарей в деятельности Европейского суда по правам человека

Деятельность ЕСПЧ достаточно специфична по сравнению с обычными судами, однако и в ней нашлось место применению словарей. Причина обращения к словарям – суду необходимо решить, какое смысловое наполнение у спорного слова или фразы. ЕСПЧ не является активным сторонником применения словарей, что следует из числа выявленных случаев. Однако в самих выявленных решениях суд никогда не высказывался о том, что применение словарей недопустимо. Вероятно, в деятельности суда просто не так часто возникает необходимость устанавливать правильное понимание того или иного слова.

Анализ собранных решений показал, что можно выделить три группы случаев, когда в актах ЕСПЧ были выявлены факты применения словарей для выявления смысла слов и выражений. Во-первых, цитирование решений национальных судов, которые и использовали словарь. Во-вторых, самостоятельное применение словарей для решения дела. В-третьих, использование словарей судьями в своих особых мнениях. Последняя группа оказалась наиболее интересной с точки зрения анализа механизма использования словарей и изучения аргументации судей по этому поводу.

Цитирование решений национальных судов

ЕСПЧ во время рассмотрения дела обращается к изучению актов национальных судов, которые принимали решения по делу заявителя. При принятии решений национальными судами могли использоваться словари, что и находило отражение в актах ЕСПЧ.

В делах против Российской Федерации такие случаи были выявлены восемь раз. В части дел ЕСПЧ цитировал решения российских судов, изъяс указания на конкретные словари, оставив лишь пометку, что определение взято из «словаря» или «авторитетного словаря». Какие-либо отличия словаря от авторитетного словаря указаны не были. Можно предположить, что эти понятия использовались как равнозначные в текстах решений ЕСПЧ. В указанных случаях национальные суды толковали слова: «выгораживание», «всеми силами», «честь мундира»⁴⁴⁸; «двуличный», «смеяться над кем-либо»⁴⁴⁹; «ненормальный»⁴⁵⁰. Другая часть дел была связана с толкованием слов «мартышка»⁴⁵¹, «неприличный»⁴⁵², «неофашизм»⁴⁵³, «армия»⁴⁵⁴, «тайна»⁴⁵⁵. От первой группы эти дела отличаются тем, что здесь суд оставил указания на словарь в том виде, как это было сделано в решении российского суда. Сложно сказать, какие мотивы были у Суда при исключении из текста указаний на конкретные словари. Вероятнее всего он придал значение лишь самому факту

⁴⁴⁸ Постановление ЕСПЧ от 5 марта 2019 г. «Дело «Скудаева (Skudayeva) против Российской Федерации» (жалоба № 24014/07).

⁴⁴⁹ Постановление ЕСПЧ от 22 января 2013 г. «Дело «ООО Ивпресс» и другие (ООО Ivpress and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 33501/04, 38608/04, 35258/05 и 35618/05).

⁴⁵⁰ Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2007 г. «Дело «Чемодуров (Chemodurov) против Российской Федерации» (жалоба № 72683/01).

⁴⁵¹ Постановление ЕСПЧ от 21 ноября 2017 г. «Дело «Редакция газеты «Земляки» (Redaktsiya Gazety Zemlyaki) против Российской Федерации» (жалоба № 16224/05). Российский суд сослался в решении на Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньева. Интересно, что переводчик решения посчитал такую ссылку некорректной и уточнил, что, по-видимому, имеется в виду Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / Под ред. А. П. Евгеньевой.

⁴⁵² Постановление ЕСПЧ от 31 мая 2016 г. «Дело «Надтока (Nadtoka) против Российской Федерации» (жалоба № 38010/05).

⁴⁵³ Постановление ЕСПЧ от 14 декабря 2006 г. «Дело «Карман (Karman) против Российской Федерации» (жалоба № 29372/02).

⁴⁵⁴ Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. «Дело «Московское отделение Армии Спасения (Moscow Branch of the Salvation Army) против Российской Федерации» (жалоба № 72881/01).

⁴⁵⁵ Решение ЕСПЧ от 5 февраля 2004 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 66801/01 «Ирина Александровна Ворсина (Irina Aleksandrovna Vorsina) и Наталья Александровна Вогралик (Natalya Aleksandrovna Vogralik) против Российской Федерации».

использования словаря национальным судом, безразлично относясь к тому, какой именно словарь использовался.

Ещё в четырёх делах подобные случаи были выявлены при цитировании решений судов Кипра и Франции. Дважды национальный суд Кипра толковал слово «*gavasakia*»⁴⁵⁶, во Франции толковали слова «роман» и «творческая фантазия»⁴⁵⁷ и «оскорбление»⁴⁵⁸.

Обратим внимание на последний случай, так как он интересен с методологической точки зрения. Французский суд толковал слово «оскорбление» следующим образом: в словаре «*Petit Larousse*» 1959, 2002 и 2006 годов издания значение слова почти не отличается - «Оскорбление - это слово или действие, которое задевает достоинство и честь другого лица; в юриспруденции под оскорблением понимаются проявление неуважения к главам государств (1959) или публично проявленное неуважение к Президенту Французской Республики... и данное деяние признается проступком» (2006). Здесь примечательно то, что французский суд не просто истолковал слово. Для вынесения решения суд установил, что слово употреблялось в юридическом контексте, это позволило выявить нужное определение среди вариантов, предложенных словарём. Кроме этого, суд взял не одну редакцию словаря, а сразу несколько изданий, выпущенных с большим временным промежутком, и продемонстрировал, что слово не изменило своё смысловое наполнение. Иных интересных для нашего исследования замечаний на основе анализа данных решений сделать нельзя.

Применение словаря самим Судом

Среди многочисленных случаев применения словаря самим судом стоит отметить несколько примечательных моментов.

Во-первых, Суд высказался о том, что такое толковый словарь в его

⁴⁵⁶ Постановление ЕСПЧ от 11 декабря 2008 г. «Дело «Пановиц (Panovits) против Кипра» (жалоба № 4268/04); Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. «Дело «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01).

⁴⁵⁷ Постановление ЕСПЧ от 22 октября 2007 г. «Дело «Лендон (Lindon), Очаковски-Лоран (Otchakovsky-Laurens) и Жюли (July) против Франции» (жалобы № 21279/02 и 36448/02).

⁴⁵⁸ Постановление ЕСПЧ от 14 марта 2013 г. «Дело «Эон (Eon) против Франции» (жалоба № 26118/10).

понимании. Так, словарь является источником информации, перечисляющим слова языка и описывающим их различные значения - основное описательное значение, а также фигуральные, аллегорические или метафорические значения. Его основная цель состоит в отражении языка, используемого обществом⁴⁵⁹. Данное определение Суд дал в деле, в котором заявитель указывал на оскорбление, причинённое путём включения в словарь статей о слове «цыган». ЕСПЧ пояснил, что спорные словари были значительными по объёму и предполагали охват всего турецкого языка. Они содержали объективное определение слова «цыган», а также метафорические значения этого слова и ряд иных выражений, используемых в разговорном турецком языке, такие как «цыганские деньги» и «цыганский розовый». Суд заметил, что было бы предпочтительно отмечать выражения, формирующие повседневный язык, как «пренебрежительные» или «грубые» - особенно в словаре, предназначенном для учеников.

Во-вторых, ссылка на словарь не может быть доказательством каких-либо фактических обстоятельств дела. Например, заявитель ссылался на медицинский словарь, пытаясь доказать срок получения телесных повреждений в зависимости от цвета синяков. Словарь содержал указание, что синяки меняют цвет по прошествии определённого времени с момента получения травмы. При этом в деле имелось экспертное заключение, которое не соответствовало расчётам заявителя. Суд в таких обстоятельствах признал безоговорочный приоритет экспертного заключения над ссылкой на словарь⁴⁶⁰.

В-третьих, к словарю Суду приходится прибегать и при толковании национальных законов или даже национальных доктринальных или правоприменительных позиций. Так произошло с понятием «тотипотентных» эмбриональных клеток⁴⁶¹. Суд констатировал, что в Австрии закон

⁴⁵⁹ Постановлении ЕСПЧ от 15 марта 2012 г. по делу «Аксу (Aksu) против Турции» (жалоба № 4149/04 и 41029/04)

⁴⁶⁰ Постановление ЕСПЧ от 29 января 2009 г. «Дело «Андреевский (Andreyevskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 1750/03).

⁴⁶¹ Постановление ЕСПЧ от 27 августа 2015 г. «Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11).

предусматривает, что «жизнеспособные клетки» нельзя использовать ни в каких целях, кроме экстракорпорального оплодотворения. Однако понятие «жизнеспособные клетки» в законодательстве не раскрывается. Согласно правоприменительной практике и мнению комментаторов введенный законом запрет касается только «тотипотентных» эмбриональных клеток. А это, согласно медицинскому словарю издательства «Ларусс» (Larousse) - эмбриональные клетки, которые еще не дифференцировались. Каждая такая клетка сама по себе потенциально способна дать начало целому организму.

В-четвёртых, словарь может использоваться для правильного понимания процессуальных норм. В одном из дел Суд отметил, что для целей определения юрисдикции *rationae materiae* среди всех фактов, утверждаемых заявителем (заявителями), следует проводить различие между основными фактами, составляющими нарушение, и сопутствующими факторами и обстоятельствами, которые связаны с основным фактом (основными фактами) и могут прояснить вопрос, но не представляют собой отдельного нарушения в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция)⁴⁶² в конкретном деле в Европейском Суде⁴⁶³. К словарю Суд обратился для установления смысла фразы «сопутствующие факторы». Определение было взято из онлайн версии Юридического словаря Блэка со ссылкой на адрес в сети Интернет и дату обращения к словарю.

Особые мнения судей

Порядок работы ЕСПЧ предполагает возможность судей, несогласных полностью или частично с итоговым решением по делу, высказывать свои частные мнения о том, как следовало дело рассмотреть. Аналогичная возможность есть, например, у судей российского Конституционного Суда. В практике отечественных судей не удалось вывить случаев обоснования своего мнения при помощи словарей, зато судьи ЕСПЧ именно в особых мнениях

⁴⁶² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴⁶³ Постановление ЕСПЧ от 20 марта 2018 г. «Дело «Радомилья и другие (Radomilja and Others) против Хорватии» (жалобы № № 37685/10 и 22768/12).

продемонстрировали свои взгляды на практику использования словарей для установления смысла спорных слов и выражений. Были выявлены случаи, когда судьи критиковали применение словаря национальным судом, критиковали сам Суд за неиспользование словаря и критиковали Суд за неправильное выявление смысла спорного слова. Несколько дел просто содержали судебское толкование слова, позволившее более убедительно обосновать судье свою точку зрения. В таких случаях интерес представляли сами словари, на которые ссылались судьи. В качестве примеров приведём три случая, иллюстрирующие указанные варианты использования словарей.

Во-первых, судья Георгий А. Сергидес критиковал подход национального суда, истолковавшего слово «дело» на основании своего собственного представления⁴⁶⁴. Судья пришёл к выводу, что при толковании термина «дело» Федеральный суд Швейцарии решил, что он охватывает совокупность фактов и юридические доводы. Свою позицию он обосновал следующим образом: «Однако, что понимается под юридическими доводами? Федеральный суд не стал комментировать данный вопрос. Тем не менее, на мой взгляд, юридические доводы предполагают и (или) включают в себя возможность представить свою позицию по делу, а такая возможность была у заявителя только в Швейцарии. Кроме того, юридические доводы касаются и материально-правовых, и процессуальных аспектов дела. Слово «дело» слишком широко и неопределенно, и оно может означать немало других вещей, помимо обстоятельств дела. Оно может означать доказательства, процедуру, средства правовой защиты, стороны и их статус и т.д.». Сам же судья обратился к Оксфордскому юридическому словарю для выявления возможных смыслов слова «дело»⁴⁶⁵.

Во-вторых, судьи Андраш Шайо и Ишил Каракаш в одном из дел, связанном с разглашением личных данных, критиковали Европейский суд за то, что он не учел, что увеличение объема разглашаемых данных

⁴⁶⁴ Постановление ЕСПЧ от 5 марта 2018 г. «Дело «Найт-Лиман (Nait-Liman) против Швейцарии» (жалоба № 51357/07).

⁴⁶⁵ Law J., Martin, E. A. A Dictionary of Law. 7 ed. Oxford University Press. 2014. 602 p.

действительно способствует удовлетворению интереса общества, поскольку оно усиливает налоговую прозрачность (речь шла про разглашение налоговой информации). Кроме того, возможность использования данных для того, чтобы проявлять болезненное любопытство к чужим делам, не преуменьшает (и тем более не исключает) интереса общества в публикации информации. Опубликование информации в большем объеме не может автоматически означать, что эта информация представляет меньшую ценность или меньший интерес для общества либо что она позволяет проявлять болезненное любопытство к чужим делам или склонять к получению сенсационных сведений. Публикация данных, являющаяся предметом спора в этом деле, не касалась интимных аспектов частной жизни лиц, которые обычно становятся предметом болезненного любопытства к чужим делам⁴⁶⁶. На этом аргументе судьи остановились подробнее, так как, по их мнению, большинство судей напрасно так и не дало определения тому, что следует понимать под «болезненным любопытством к чужим делам». Судьи восполнили этот пробел подробным разбором спорного понятия. Так, под «болезненным любопытством к чужим делам» понимается «практика получения сексуального удовольствия от подглядывания за другими людьми, когда они обнажены или занимаются сексом» или «получение человеком удовольствия, когда он видит боль или страдания других людей»⁴⁶⁷. В этом смысле данный термин использовался в Постановлении ЕСПЧ по делу «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии» (§ 65) и в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и компания «Ашетт Филипакки Ассосье» против Франции» (Couderc and Hachette Filipacchi v. France)), жалоба № 40454/07, §§ 99 и 101, ECHR 2015. В указанных делах Европейский Суд подразумевал под ним в основном любопытство к сексуальной жизни. В заключении судьи не без иронии заметили, что в рассматриваемом деле не было выявлено ни одного из указанных факторов,

⁴⁶⁶ Постановление ЕСПЧ от 27 июня 2017 г. «Дело «Компании «Сатакуннан Марккинаперсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinaporssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии» (жалоба № 931/13).

⁴⁶⁷Stevenson A. Oxford Dictionary of English. Oxford University Press. 2017. 2069 p.

если только не предположить, что данные о налогообложении являются источником сексуального удовольствия.

В-третьих, судья Эгидиус Курис не согласился с тем, какой смысл был придан положениям Конвенции судом (речь шла про толкование статьи 3)⁴⁶⁸. Он провёл собственный анализ с учётом словарных источников, высказав несколько важных теоретических замечаний. Он обратился к Оксфордскому онлайн-словарю (а также к другим неназванным словарям английского языка) для определения существительного «обращение» (насколько это имело отношение к делу). Судья определил спорный термин как «способ, которым некто себя ведет или имеет дело с кем-либо или чем-либо», а глагол «подвергать» как «вызывать или заставлять кого-либо или что-либо испытывать что-либо (определенный опыт или форму обращения, обычно нежелательные или неприятные)». Эгидиус Курис отметил, что в указанных определениях не делается различий между намерением и его отсутствием, что позволило бы говорить, как сделали большинство судей, о том, что «обращение», то есть поведение, может быть только преднамеренным, или что лицо может «подвергаться» чему-либо только тогда, когда соответствующий опыт вызван преднамеренным действием.

Судья заметил, что в теории возможно, что разработчики Конвенции намеренно решили придать словам, использованным в статье 3 Конвенции, новое значение, несмотря на то что они имели общепризнанное, неоспоримое значение, как определено в словарях. Однако отсутствуют какие-либо признаки того, что разработчики сделали это в отношении слов «обращение» и «подвергаться», используемых в указанной статье.

Судья заключил, что было бы целесообразно, если бы большинство судей представили какое-либо обоснование своему самому инновационному подходу к «настоящему» значению слов «обращение» и «подвергаться», как они используются в статье 3 Конвенции, поскольку такое «настоящее»

⁴⁶⁸ Постановление ЕСПЧ от 25 июня 2019 г. «Дело «Николае Вирджилиу Тэнасе (Nicolae Virgiliu Tanase) против Румынии» (жалоба № 41720/13).

значение, по-видимому, противоречит общепризнанному значению этих слов, которое до сих пор также принималось в формулировках Европейского Суда. Он указал: «если, как это часто подчеркивается Европейским Судом в его прецедентной практике, определенные понятия, используемые в Конвенции, являются автономными, где следует установить пределы данной автономии? Может ли Европейский Суд устанавливать эти пределы так, как он этого захочет? Имеются ли какие-либо каноны толкования, которые следует соблюдать, особенно когда предположительно автономное значение слова обнаруживается после десятилетий его обычного толкования, которое полностью соответствует его общепризнанному значению, определенному в словарях? Может ли быть какая-либо заслуга в переходе от общепризнанной ясности правовых терминов к их относительной неопределенности и, соответственно, в порождении разногласий между правовым и обычным языком там, где когда-то была гармония?»).

Эгидиус Курис сформулировал вопросы актуальные для любого суда в любой стране. ЕСПЧ ответы на эти вопросы пока не дал.

Среди других случаев использования словарей можно отметить регулярные обращения к Оксфордскому словарю английского языка (используются разные редакции этого словаря без каких-либо пояснений по этому поводу). Так с помощью данного источника толковались слова «доказуемый»⁴⁶⁹, «гуманитарный»⁴⁷⁰, «недвусмысленный»⁴⁷¹, «факт» и «предположение»⁴⁷², «авторитет»⁴⁷³. Один раз для толкования слова «Schikanе»

⁴⁶⁹ Постановление ЕСПЧ от 14 сентября 2017 г. «Дело «Карой Надь (Karoly Nagy) против Венгрии» (жалоба № 56665/09). См. совместное особое мнение судей Андраша Шайо, Луиса Лопеса Герра, Ноны Цоцория и Юлии Лаффранк.

⁴⁷⁰ Постановление ЕСПЧ от

2017 г. «Дело «Хатчинсон (Hutchinson) против Соединенного Королевства» (жалоба № 57592/08). См. особое мнение судьи Паулу Пинту де Альбукерке.

⁴⁷¹ Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2010 г. «Дело «Хаметшин (Khametshin) против Российской Федерации» (жалоба № 18487/03).

⁴⁷² Постановление ЕСПЧ от 18 мая 2004 г. Дело «Продан (Prodan) против Молдавии» (жалоба № 49806/99). См. особое мнение судьи С. Павловского.

⁴⁷³ Постановление ЕСПЧ от 20 апреля 2004 г. «Дело «Амихалакиоае (Amihalachioaie) против Республики Молдова» (жалоба № 60115/00). См. особое мнение судьи Л. Лукаидеса.

была сделана ссылка на неуказанные словари⁴⁷⁴, и в ещё одном деле толкование слова «прозелитизм» было дано на основании словаря Le Petit Robert⁴⁷⁵.

В итоге можно отметить, что обширная практика использования словарей ЕСПЧ ещё не сформировалась. Но выявленные случаи позволяют отметить некоторые общие моменты: применение самими судьями наиболее авторитетных словарей английского языка, преимущественное указание корректных подробных ссылок на использованный источник, стремление (по крайней мере у некоторых судей) сформировать доктрину выявления смысла спорных слов и выражений с использованием словарей.

3.2.6. Применение Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (за период с 2018 по 2023 годы)

Экспертами Санкт-Петербургского государственного университета несколько лет назад было проведено масштабное исследование практики применения российскими судами законодательства об использовании языка в качестве государственного⁴⁷⁶. На основе анализа более 1,5 тысяч судебных актов были сделаны выводы о практике использования правовых норм, регламентирующих эту сферу, которые позволили понять, какие законодательные нормы находят свое практическое воплощение, а какие - остаются лишь на бумаге. В работе была представлена судебная практика по общим вопросам обязательности использования языка как государственного, по контролю за соблюдением норм литературного языка в публичной сфере и в рекламе, где наиболее часто возникают споры о языковых формулировках. Исследование затрагивало период с 2009 по 2017 годы и продемонстрировало серьёзные проблемы применения норм законодательства о государственном языке.

⁴⁷⁴ Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1995 г. «Дело «Прагер (Prager) и Обершлик (Obershlik) против Австрии» (жалоба № 15974/90).

⁴⁷⁵ Постановление ЕСПЧ от 25 мая 1993 г. «Дело «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции» (жалоба № 14307/88). См. особое мнение судьи Николаса Валтикоса.

⁴⁷⁶ Законодательство о государственном языке в российской судебной практике // Белов С. А., Кропачев Н. М., Ревазов М. А. Санкт-Петербург, 2018. 240 с.

С 2017 года судебная практика по данным спорам продолжала формироваться. Особый интерес представляет отслеживание текущих особенностей применения положений Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Всего в открытых источниках было выявлено около 400 решений, принятых в период с 2018 по 2023 годы, в которых суды ссылались на положения Закона № 53-ФЗ.

Нецензурная лексика в понимании судов

Одним из ключевых моментов, с которым сталкиваются суды – это определение того, что такое нецензурная лексика. В практике выявлено несколько способов отнесения слова к нецензурной лексике.

Во-первых, нецензурными признаются слова, которые не содержатся в словниках нормативных словарей современного русского языка (в каких именно – часто не указывается), зато представлены в специальном словаре ненормативной лексики⁴⁷⁷.

Во-вторых, нецензурными признаются слова, подпадающие под критерии, установленные Роскомнадзором. Данное ведомство отметило, что в настоящий момент отсутствует единый перечень нецензурных бранных слов, однако, среди специалистов существует мнение, согласно которому к нецензурным словам и выражениям относятся четыре слова (х., п., е..., б...), а также образованные от них слова и выражения⁴⁷⁸.

В-третьих, дополнительно суды могут излагать собственное понимание того, что такое нецензурная лексика⁴⁷⁹. Так, *к нецензурным словам относятся слова неприличные и непристойные. Нецензурная брань — это не просто ряд неприличных и непристойных слов, а слов осуждающих, резко порицающих и обидных, с помощью которых человека пытаются унижить, обидеть, показать его половую принадлежность, социальный статус и т.д. Брань*

⁴⁷⁷ Решение Советского районного суда г. Омска от 15 августа 2019 г. по делу № 12-219/2019.

⁴⁷⁸ Решение Санкт-Петербургского городского суда от 14 августа 2019 г. по делу № 12-1214/2019; решение Магаданского городского суда от 7 мая 2018 г. по делу № 12-115/2018.

⁴⁷⁹ Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 9 июля 2019 г. по делу № 12-646/2019.

выражается в словах и выражениях, не соответствующих нормам современного русского литературного языка. Или: «Нецензурная брань» - непристойная лексика, неприличная лексика, обсценная (матерная) лексика. Наличие подобных пояснений делает решения судов только ещё более противоречивыми и сложными.

Как интересную особенность можно отметить то, что распространённый сегодня вариант написания нецензурных слов с пропуском букв признавался судом недопустимым, так как такие варианты написания не имеют иных лексических вариантов слов без нарушений смысловой нагрузки фраз, кроме как нецензурных⁴⁸⁰.

В качестве вывода можно отметить, что проблема неопределённости критериев отнесения слов к нецензурным остаётся актуальной. Это ключевой вопрос для судов и других правоприменителей. Практика показала, что единые критерии отнесения слов к нецензурным отсутствуют. Суды используют разные источники и критерии. Это обстоятельство создаёт для правоприменителей широкие пределы усмотрения. Необходимо закрепить порядок признания того или иного слова, употреблённого в конкретных обстоятельствах, нецензурным. Лингвистическая экспертиза в таких делах часто признаётся ненужной. В случае назначения экспертизы остаётся не ясным какими источниками будет руководствоваться эксперт, и позволят ли они однозначно сделать вывод о цензурности слова.

Закон о государственном языке в большинстве случаев применяется в делах об употреблении нецензурных слов и выражений. Незначительная часть дел затрагивает проблему употребления иностранных слов. Иные случаи применения Закона № 53-ФЗ не выявлены. То есть закон не используется для борьбы с нарушением норм современного русского литературного языка. Прошлые исследования экспертов СПбГУ позволили выявить случаи борьбы с орфографическими ошибками в сфере рекламы. Однако среди решений, принятых с 2018 года, такие дела представляли из себя лишь единичные

⁴⁸⁰ Решение Советского районного суда г. Омска от 15 августа 2019 г. по делу № 12-219/2019.

случаи⁴⁸¹. Это свидетельствует о необоснованном сужении перечня тех сфер, в которых Закон о государственном языке играет одну из ключевых ролей. Фактически его применение сегодня сводится к борьбе с употреблением иностранных и нецензурных слов.

3.2.7. Нарушение порядка издания и опубликования нормативных актов

В практике представлены споры, связанные с нарушением требования издания и опубликования нормативных актов на государственном языке Российской Федерации. Подобные споры обычно связаны с тем, что субъекты РФ, в которых установлены региональные государственные языки, пытаются ввести нормативное регулирование, при котором, использование русского языка будет являться необязательным при издании или опубликовании нормативных актов.

Например, 8 июля 1992 года Государственным Советом Республики Татарстан был принят закон Республики Татарстан № 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан».

На основании ч. 1 ст. 14 данного Закона на территории Республики Татарстан официальное делопроизводство в органах государственной власти Республики Татарстан, органах местного самоуправления, государственных органах, на предприятиях, в учреждениях и иных организациях ведется на государственных языках Республики Татарстан.

Частью 2 указанной нормы предусмотрено, что в местности компактного проживания населения, не владеющего государственными языками Республики Татарстан, официальное делопроизводство в органах государственной власти Республики Татарстан, органах местного самоуправления, государственных органах, на предприятиях, в учреждениях и иных организациях может вестись на языке большинства населения данной

⁴⁸¹ Например: Решение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2019 г. № АКПИ19-680 (соответствие слова «арборетум» нормам современного русского литературного языка).

местности.

При рассмотрении данной нормы суд первой инстанции пришел к выводу о том, что необходимость закрепления в оспариваемой норме указания на обязательное использование русского и татарского языков отсутствует, так как ведение официального делопроизводства на территории республики на государственных языках Республики Татарстан предусмотрено ч. 1 ст. 14 Закона Республики Татарстан. Однако такой вывод суда не следует из текста самой нормы или иного нормативного указания, на что указал суд вышестоящей инстанции⁴⁸². По смыслу положений Закона № 53-ФЗ государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык, который подлежит обязательному использованию в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий и иных организаций. П. 4 ст. 3 Закона № 1807-1 предусмотрена возможность использования в официальном делопроизводстве языков народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания, но наряду с русским языком и государственными языками республик. В соответствии со спорными положениями части 2 статьи 14 Закона Республики Татарстан разрешалось официальное делопроизводство в государственных и иных органах и организациях, расположенных в местности, население которой не владеет ни русским, ни татарским языками, исключительно на языке большинства населения данной местности. Подобное правовое регулирование противоречит и принципу обязательного использования государственного языка, и требованию правовой определенности.

Если обратить внимание на вопрос опубликования нормативных актов, то следует отметить, что в субъектах РФ, имеющих свои государственные языки, возникают споры относительно того, в каком порядке и на каком языке должно происходить официальное опубликование региональных нормативных актов. Достаточно ли опубликования на одном из языков для соблюдения процедуры официального опубликования нормативного акта?

⁴⁸² Определение Верховного Суда РФ от 6 августа 2008 г. № 11-Г08-12.

Так, Правительство Республики Тыва в одном из судебных дел настаивало на том, что оспариваемый в деле Закон Республики Тыва от 27 ноября 2003 г. № 341 ВХ-1 не был официально опубликован на тувинском языке, в связи с чем не подлежал проверке в порядке главы 24 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, как не вступивший в законную силу⁴⁸³. Рассматривая указанное положение суд пришёл к выводу о том, что согласно части 3 статьи 15 Конституции РФ любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

В соответствии с пунктом 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» официальным опубликованием нормативного правового акта считается публикация его полного текста на государственном языке Российской Федерации (то есть на русском языке), в том средстве массовой информации, которое определено в качестве официального периодического издания, осуществляющего публикацию нормативных правовых актов, принятых данным органом или должностным лицом.

Статьей 4 Закона Республики Тыва от 29 декабря 2001 г. № 1277 «О порядке опубликования и вступления в силу конституционных законов Республики Тыва, законов Республики Тыва, иных нормативных правовых актов Республики Тыва» предусмотрено, что Конституционные законы Республики Тыва, законы Республики Тыва обнародуются Председателем Правительства Республики Тыва путем их официального опубликования, которым считается первая публикация их полного текста в газетах «Шын», «Тувинская правда» или периодическом издании «Собрание законодательства Республики Тыва».

⁴⁸³ Определение Верховного Суда РФ от 25 августа 2010 г. № 92-Г10-9.

Таким образом, нормативный правовой акт вступает в силу с момента его первого официального опубликования. При этом суд указал, что законы и иные нормативные правовые акты республик наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации могут официально публиковаться на государственных языках республик.

Рассмотрим ещё один пример из судебной практики. Закон Республики Тыва от 27 ноября 2003 г. № 341 ВХ-1 был официально опубликован на русском языке в издании «Тувинская правда» 5 марта 2004 г., что соответствует требованиям как федерального законодательства, так и законодательства Республики Тыва. Суд отметил, что тот факт, что оспариваемый Закон не был официально опубликован на тувинском языке, не может служить основанием для признания его недействующим, поскольку ч. 1 ст. 13 Закона № 53-ФЗ предоставляет право, а не обязанность опубликования принятых субъектом Российской Федерации актов на государственных языках республик.

Этот пример подтверждает, что судебная практика придерживается позиции, согласно которой наличие кроме русского ещё и другого государственного языка в субъекте РФ не обязывает региональные власти осуществлять официальное опубликование нормативных актов на нескольких языках. Обязательным является опубликование регионального нормативного акта на русском языке, который является государственным на всей территории Российской Федерации. Опубликование акта на другом языке допустимо, но не обязательно, и имеет своей целью донесение информации, заложенной в акте, до адресата в дополнительной форме. Соответственно, если официальное опубликование предусмотрено региональным законодательством в качестве обязательного, то отказаться от публикации акта на региональном языке будет невозможно в силу обстоятельств, рассмотренных в данной работе.

Заключение

Правовая коммуникация основана на правовом тексте, а нормативный акт является одним из самых распространённых и важных текстов. Нормативный правовой акт содержит положения, которые несут смысловую нагрузку, заложенную законодателем, а понимание смысла акта лежит в основе возможности действовать в соответствии с ним. Непонятный для адресатов нормативный акт не может стать базой для правовой коммуникации. Если в основу определённого поведения положено неверное понимание нормативного акта, то в таком случае отсутствует правовая коммуникация.

Право не сводится к нормативному акту, но под ним нельзя понимать и не простое поведение членов общества. Нормативный акт должен вобрать в себя положения, которые будут восприняты обществом в соответствии именно с тем смыслом, который пытался донести до адресатов законодатель. Нормативный акт – это текст, который должен быть одинаково понятен для адресатов, а интерпретация положений акта должна соответствовать идее законодателя. В условиях современного общества, когда для регулирования общественных отношений в различных сферах преимущественно используются общие нормы, невозможно достичь одинакового понимания таких норм их адресатами. При закреплении нормы в тексте нормативного акта законодатель вкладывал в неё определённый ценностный смысл. Этот смысл должен быть доступен адресатам в соответствии с единым пониманием заложенной в норме ценности. Именно так появляются «границы», в которых существует единообразное понимание.

В вопросе понимания текста на главную роль играет язык, с помощью которого акт написан. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что сегодня в научной среде отсутствует единый подход к определению того, что представляет собой язык нормативных актов. Большинство авторов, соглашаясь с тем, что это особый язык, который используется при составлении письменных правовых текстов, в том числе нормативных актов, дают этому понятию разные определения. Отсутствие единого подхода порождает

существование множества схожих понятий, которые используются различными авторами при изучении того, что такое «язык нормативного акта» или «язык закона». Рассмотрев основные подходы, представленные сегодня в теории, можно сказать, что наиболее верным является взгляд на язык закона как на подстилку официально-делового языка, в основе которого лежит естественный язык.

Отличительными особенностями языка закона являются: повышенные требования к нейтральности речевых средств и исключение эмоционально-экспрессивных речевых средств; стремление к максимальной компактности и упрощению текста без использования средств разговорного и других стилей, что должно делать его более чётким и понятным для простых граждан; активное использование большого числа специальных терминов и понятий, употребление которых должно быть подчинено строгим правилам; повышенный уровень негативных последствий при нарушении грамматических правил. Эти особенности позволяют тексту, составленному на языке закона, выполнять свои основные функции – осуществлять правовую коммуникацию в обществе и оказывать регулирующие воздействие.

Конституционные требования к тексту нормативного акта, для составления которого используется язык нормативных актов, обсуждаются в литературе достаточно давно. В этой работе была предпринята попытка выявить базовые требования, раскрыть их содержание, рассмотреть особенности их проявления и сферу действия. В таком комплексном формате рассмотрение этого вопроса в литературе ранее не было представлено. Основополагающим нормативным актом, который обладает такими свойствами, как верховенство и высшая юридическая сила, учредительный характер, является Конституция РФ. Исходя из этого, было сделано предположение, что конституционные нормы должны включать в себя и требования, которые предъявляются к тексту нормативных актов. Эта мысль представлена в современной литературе, но не нашла должного развития.

Достаточно подробно в литературе и практике судебных органов затрагивается требование определённости текста нормативного акта. В работе были рассмотрены существующие подходы к его происхождению. Это позволило сделать вывод о том, что данное требование производно от конституционного принципа равенства, который является одним из базовых конституционных принципов. Само требование определённости должно предъявляться и к тексту нормативного акта, и к практике его применения, а его нарушение делает невозможным применение неопределённого нормативного положения без угрозы нарушения конституционного принципа равенства.

Существенно меньше внимания в литературе уделяется требованию понятности текста нормативного акта его адресату. Донесение смыслового наполнения текста нормативного акта до адресата является одной из целей конституционного требования официального опубликования акта. В этом вопросе основополагающей проблемой является определение адресата нормативного акта. Данным адресатом является неопределённый круг лиц – все те, кто попадает под действие нормативного акта. Эти лица не обязательно имеют специальное образование, позволяющее понимать специальную юридическую терминологию и сложные юридические конструкции. Указанное означает, что при создании нормативного акта законодатель должен уделить особое внимание тем языковым средствам, которые он использует, чтобы текст акта был понятен гражданам.

Отдельно была рассмотрена проблема понятности для населения нормативных актов, публикуемых на нескольких языках, были определены особенности существующего в России двуязычного законодательства и значение этого явления для повышения понятности нормативных актов. В результате проведённого анализа представляется возможным сделать вывод о том, что официальное опубликование акта на русском языке позволяет акту быть понятным его адресатам. Опубликование актов на других языках можно рассматривать в качестве дополнительного способа донесения его содержания

до адресатов, однако это нельзя оценивать как признание за русским языком неспособности донести до адресатов содержание нормативного акта. Действующее законодательство, регулирующее порядок опубликования нормативных актов и использование наряду с русским иными языками, имеет серьёзный отпечаток эпохи своего принятия и требует актуализации.

Рассуждая о языке, на котором издаётся нормативный акт, мы сталкиваемся с таким понятием как государственный язык. Государственный язык Российской Федерации в соответствии с Конституцией РФ – русский язык. Действующее законодательство о государственном языке предписывает использовать современный русский литературный язык при использовании русского языка в качестве государственного. Подобное регулирование заставляет сделать единственный возможный вывод о том, что нормы современного русского литературного языка должны быть нормативно закреплены. Такое закрепление на сегодняшний день сталкивается с трудностями, которые законодателем не преодолены. Основной проблемой в этой сфере выступает недостаточное число источников, содержащих нормы современного русского литературного языка и утверждённых в установленном порядке. Реформирование этого порядка пока только обсуждается и оценить его эффективность сейчас не представляется возможным. С формальной точки зрения, использование источников, не вошедших в Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, должно расцениваться как недопустимое. Правоприменительная практика демонстрирует высокую потребность в расширении списка таких источников, что вынуждает правоприменителей использовать неутверждённые в установленном порядке источники норм современного русского литературного языка. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволил сделать вывод о необходимости развития законодательства о государственном языке в направлении закрепления источников указанных норм и их постоянной

актуализации. Принимая во внимание то, что русский язык является не единственным языком, используемым при создании нормативных актов, аналогичная проблема должна рассматриваться и в отношении нормативного закрепления порядка использования иных языков.

Основными механизмами, которые позволяют на этапе законотворчества выявить нарушение требований к языку нормативного акта, являются экспертные оценки проектов нормативных актов. Особое внимание обращают на себя лингвистическая и антикоррупционная экспертизы проектов нормативных актов, которые позволяют выявить лингвистические дефекты, наличие в тексте неопределённых положений, нарушение требований к порядку использования специальной терминологии и так далее. Проведение этих экспертиз имеет ряд нерешённых проблем, главной из которых является недостаточное методическое обеспечение их проведения, закреплённое на законодательном уровне. Антикоррупционная экспертиза, которая теоретически могла бы существенно повысить качество текстов нормативных актов, в большинстве случаев проводится для анализа уже действующих нормативных актов несмотря на то, что она предназначена и для анализа проектов нормативных актов. Проведённый мониторинг правоприменительной практики наглядно продемонстрировал данную проблему. Кроме этого, анализ судебных споров позволил ясно установить последствия нарушения требований к языку нормативных актов и оценить подходы правоприменителей к решению ряда проблем.

Проведенный анализ правоприменительной практики позволил прийти к выводам, что нарушение требований к языку нормативного акта, проявившееся в неопределённости положений нормативных актов, является основанием для отмены таких актов.

Использование в нормативных актах специальных юридических терминов делает эти акты нечсными для простых граждан. Непонятность акта не рассматривается судами в качестве дефекта акта, если он написан «грамотным юридическим языком». Данное понятие нашло широкое

распространение в правоприменительных актах. Выявить истинный смысл акта граждане должны самостоятельно, в том числе с привлечением специалистов в области юриспруденции. Со своей стороны, суды при толковании юридических документов обращаются к словарям, но делают это в произвольном порядке.

Несоблюдение требований к порядку использования терминов в нормативных актах, к включению в акты норм-дефиниций, создаёт правовую неопределённость, ведёт к нарушению равенства граждан и непонятности нормативных актов. При попытке установить соблюдение норм современного русского литературного языка суды сталкиваются с недостаточностью утверждённых источников таких норм, что вынуждает их использовать неутверждённые источники. Данную ситуацию нельзя оценить положительно, так как она создаёт угрозу нарушения принципа равенства, порождая неопределённость в правовом регулировании. Для устранения этой угрозы требуется реформирование и развитие законодательства о государственном языке.

Проведённое исследование позволило сформулировать основные конституционные требования к языку нормативных актов. Было определено их содержание. Данная работа позволила комплексно проанализировать существующие конституционные требования к языку нормативных актов, включая природу таких требований, с учётом особенностей правовых текстов и языка правовых текстов, а также рассмотреть практическое воплощение этих требований и последствия их несоблюдения.

Комплексность и разносторонность настоящего исследования тем не менее не позволяет поставить точку в вопросе предъявления конституционных требований к языку нормативных актов. Изучение данного вопроса должно быть продолжено в направлении разработки нормативного регулирования, конкретизирующего эти требования и позволяющего создавать качественные нормативные акты, написанные четким, понятным, недвусмысленным языком.

Библиографический список

1. Источники на русском языке

1.1. Нормативные акты

1) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

2) Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

3) Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

4) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

5) О государственном языке Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 23. — Ст. 2199.

6) О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания : Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 8. — Ст. 801.

7) О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52. — Ст. 6228.

8) О языках народов Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1991. — № 50. — Ст. 1740.

9) Об альтернативной гражданской службе : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3030.

10) Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 29. — Ст. 3609.

11) О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 21. — Ст. 2930.

12) О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов : Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2001 г. № 528 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 20. — Ст. 2000.

13) О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации : Постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 48. — Ст. 5042.

14) Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 10. — Ст. 1084.

15) Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : : Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 33. — Ст. 3895.

16) О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 7. — Ст. 635.

17) Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства культуры Российской Федерации : Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 15 декабря 2010 г. № 774 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2011. — № 10.

18) Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации : Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 // Российская газета. — 2009. — № 156.

19) Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии : Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 15 апреля 2010 г. № П/138 // Российская газета. — 2010. — № 130.

20) Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Следственного комитета Российской Федерации : Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 38 // Российская газета. — 2012. — № 192.

21) Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, издаваемых Федеральным агентством научных организаций : приказ

Федерального агентства научных организаций от 25 декабря 2013 г. № 11н // Российская газета. — 2014. — № 6.

22) О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 801.

23) О правовых актах города Москвы : Закон г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 // Ведомости Московской городской Думы. — 2009. — № 8. — ст. 214.

24) О порядке официального опубликования и вступления в силу законов Республики Татарстан, постановлений Государственного Совета Республики Татарстан и его Президиума, нормативных правовых актов Президента Республики Татарстан, Кабинета Министров Республики Татарстан, иных органов исполнительной власти Республики Татарстан : Закон Республики Татарстан от 29 апреля 2022 г. № 24-ЗРТ. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

25) О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике : Закон Кабардино-Балкарской Республики от 3 августа 2002 г. № 52-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. — 2002. — № 155-156.

26) О государственных языках Республики Ингушетия : Закон Республики Ингушетия от 16 августа 1996 г. № 12-РЗ // Сердало. — 1996. — № 36.

27) О нормативных правовых актах Республики Марий Эл : Закон Республики Марий Эл от 6 марта 2008 г. № 5-З // Собрание законодательства Республики Марий Эл. — 2008. — № 4, ч.1. — Ст. 193.

28) О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия : Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11. — Режим доступа : СПС «Гарант».

29) О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа : Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 5 апреля 2010 г. № 48-ЗАО // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. — 2010. — № 2.

30) Об утверждении Положения об использовании языков при публикации общественно значимой информации на территории Республики Марий Эл : Постановление Правительства Республики Марий Эл от 8 декабря 2010 г. № 329 // Марийская правда. Официальный еженедельник. — 2010. — № 49.

31) Положение о порядке проведения общественной экспертизы: Решение совета Общественной палаты Российской Федерации от 15 мая 2008 г., протокол № 4-С. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

32) Правила русской орфографии и пунктуации : утв. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, 1956 г. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

1.2. Решения Конституционного Суда Российской Федерации

33) Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 18. — ст. 1707.

34) Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 7. — ст. 871.

35) Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15

Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 52. — ст. 5930.

36) Постановление Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 10. — ст. 1254.

37) Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 30. — ст. 3988.

38) Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И.В. Савченко» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 14. — ст. 1533.

39) Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2001 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 7 Федерального закона «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Востокнефтересурс» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 10. — ст. 996.

40) Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199

Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 24. — ст. 2431.

41) Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2003. — № 6.

42) Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 14. — ст. 1271.

43) Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 24. — ст. 2892.

44) Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное

предприятие «Респиратор» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 2.

45) Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 29. — ст. 3983.

46) Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «Ютэйр» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 1.

47) Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.В. Андропова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» //

Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 18. — ст. 2292.

48) Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 12. — ст. 1801.

49) Постановление Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2015 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-технический центр «Кольчуга» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 4.

50) Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 24. — ст. 3547.

51) Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами

граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2017. — № 6.

52) Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 2018 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения части четвертой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки В.Н. Фоминой» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 12. — ст. 1869.

53) Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2019 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданки Г.В. Журавель» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 9. — ст. 882.

54) Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — ст. 1639.

55) Определение Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. № 1742-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений части 5 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

56) Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 447-О «По жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе». — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

1.3. Практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов

57) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

58) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части». — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

59) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

60) Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 78-АПА19-65. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

61) Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2016 г. № 53-АПУ16-23сп. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

62) Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 апреля 2015 г. № 55-АПУ15-1сп. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

63) Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2003 г. № 89-О03-65. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

64) Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 55-о05-21сп. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

65) Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2006 г. № 49-о05-94сп. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

66) Определение Верховного Суда РФ от 6 августа 2008 г. № 11-Г08-12. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

67) Определение Верховного Суда РФ от 13 мая 2010 г. № 58-О10-25сп. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

68) Определение Верховного Суда РФ от 25 августа 2010 г. № 92-Г10-9. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

69) Определение Высшего арбитражного суда РФ от 4 апреля 2007 г. № 3142-07 по делу № А72-1287-06-25-44. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

70) Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 14452/12 по делу № А82-730/2010-30-Б/11-33т. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

71) Решение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2019 г. № АКПИ19-680. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

72) Апелляционное определение Белгородского областного суда от 23 июля 2015 г. по делу № 33-2935/2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

73) Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 29 апреля 2015 г. по делу № 33-1503. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

74) Апелляционное определение Воронежского областного суда от 24 января 2019 г. № 33-693/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

75) Апелляционное определение Воронежского областного суда от 26 июля 2018 г. по делу № 33-5112/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

76) Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 4 июля 2016 г. по делу № 33-8554/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

77) Апелляционное определение Липецкого областного суда от 29 июля 2015 г. по делу № 33-2037/2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

78) Апелляционное определение Московского городского суда от 2 июля 2018 г. по делу № 33-29015/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

79) Апелляционное определение Московского городского суда от 20 декабря 2019 г. по делу № 33-57344/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

80) Апелляционное определение Московского городского суда от 4 марта 2015 г. по делу № 33-6227. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

81) Апелляционное определение Московского городского суда от 4 сентября 2017 г. по делу № 33а-3933/2017. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

82) Апелляционное определение Московского городского суда от 6 апреля 2016 г. по делу № 33-7012/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

83) Апелляционное определение Московского областного суда от 23 октября 2019 г. по делу № 33-34547/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

84) Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 14 марта 2016 г. по делу № 22-1208/2016. — Режим доступа : СПС «Гарант».

85) Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 7 мая 2015 г. по делу № 33-3833/2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

86) Апелляционное определение Омского областного суда от 13 июля 2016 г. по делу № 33-6020/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

87) Апелляционное определение Омского областного суда от 25 сентября 2019 г. по делу № 33-6143/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

88) Апелляционное определение Омского областного суда от 5 сентября 2018 г. по делу № 33-5701/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

89) Апелляционное определение Пензенского областного суда от 15 февраля 2018 г. по делу № 33а-551/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

90) Апелляционное определение Псковского областного суда от 3 ноября 2015 г. по делу № 33-1802. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

91) Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 27 января 2015 г. по делу № 33а-34/2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

92) Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 12 февраля 2019 г. по делу № 33-1013/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

93) Апелляционное определение суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 16 мая 2016 г. по делу № 33-1151/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

94) Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Волгоградского областного суда от 10 октября 2013 г. по делу № 33-11038. — Режим доступа : СПС «Гарант».

95) Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 23 марта 2016 г. по делу № АПЛ-35/2016. — Режим доступа : СПС «Гарант».

96) Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 24 марта 2016 г. по делу № 33-6013/2016. — Режим доступа : СПС «Гарант».

97) Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Смоленского областного суда 7 сентября 2016 г. по делу № 22-1601/2016. — Режим доступа : СПС «Гарант».

98) Апелляционное постановление Барабинского районного суда Новосибирской области от 21 ноября 2019 г. по делу № 10-11/2019 //sudact.ru/regular/doc/2ZWK0vObOugB (дата обращения 11.07.2022).

99) Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда г. Чита от 11 июля 2016 г. по делу № 22К-2423/2016 //sudact.ru/regular/doc/DRzostN5zb6P (дата обращения 11.07.2022).

100) Апелляционное постановление Калужского областного суда от 7 ноября 2019 г. по делу № 22-1399/2019 //sudact.ru/regular/doc/tsh1VdsC6el4 (дата обращения 11.07.2022).

101) Апелляционное постановление Козельского районного суда Калужской области от 20 июня 2019 г. по делу № 10-5/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

102) Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 10 июня 2020 г. по делу № 3/1-37/2020. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

103) Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 2 октября 2019 г. по делу № 22-4023/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

104) Апелляционное постановление Свердловского областного суда г. Екатеринбург от 19 октября 2015 г. по делу № 22-7597/2015 //sudact.ru/regular/doc/skVnCGvINDUV (дата обращения: 11.07.2022).

105) Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 15 октября 2019 г. по делу № 1-198/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

106) Апелляционное постановление Юргинского городского суда от 13 октября 2016 г. по делу № 10-35/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

107) Определение Арбитражного суда Забайкальского края от 2 сентября 2013 г. по делу № А78-9614/2012. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

108) Определение Арбитражного суда Центрального округа от 8 октября 2014 г. по делу № А64-2673/2013. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

109) Определение Московского городского суда от 10 июля 2019 г. по делу № 7-6776/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

110) Определение Московского городского суда от 30 июня 2016 г. № 4Г-7413/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

111) Определение Мценского районного суда Орловской области от 17 декабря 2012 г. по делу № 2-641/2012. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

112) Определение Приморского краевого суда от 9 июля 2015 г. по делу № 33-5726. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

113) Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2014 г. по делу № А14-16687/2009. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

114) Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2011 г. № 09АП-20798-2011-АК по делу № А40-6680-11-129-29. — Режим доступа : СПС «Гарант»

115) Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2014 г. по делу № А41-14422/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

116) Постановление мирового судьи судебного участка Шурышкарского судебного района ЯНАО от 9 апреля 2015 г. по делу № 5-113/2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

117) Постановление Находкинского городского суда Находкинский городской округ от 1 августа 2016 г. по делу № 5-1563/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

118) Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2015 г. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

119) Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 октября 2012 г. по делу № А53-11522/2012. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

120) Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 мая 2019 г. № 15АП-5648/2019 по делу № А32-5917/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

121) Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2011 г. по делу № А32-23653/2010. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

122) Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 сентября 2012 г. № 15АП-10767-2012 по делу № А53-26584/2011. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

123) Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2014 г. № 05АП-8069/2014 по делу № А51-6164/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

124) Постановление Рузского районного суда г. Руза от 14 июля 2016 г. по делу № 1-118/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

125) Постановление Свердловского районного суда г. Иркутска от 10 июля 2019 г. по делу № 1-567/2019 //sudact.ru/regular/doc/6hmPVsbAOBQT (дата обращения: 11.07.2022).

126) Постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 24 октября 2018 г. по делу № 5-35/2018 //sudact.ru/regular/doc/sZLecеMYkt1q (дата обращения: 11.07.2022).

127) Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2015 г. № 13АП-19087-2015 по делу № А42-803/2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

128) Приговор Выксунского городского суда Нижегородской области от 12 июля 2012 г. по делу № 10-13/2012. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

129) Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 27 января 2016 по делу №1-15/2016 (1-273/2015). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

130) Приговор Рамонского районного суда по делу № 1-22/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

131) Решение Алтайского краевого суда от 25 декабря 2018 г. по делу № 7-489/2018 // sudact.ru/regular/doc/fqpr0yxShLF (дата обращения: 11.07.2022).

132) Решение Аннинского районного суда Воронежской области от 12 декабря 2011 г. по делу № 2-636/2011. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

133) Решение Аннинского районного суда Воронежской области от 9 декабря 2011 г. по делу № 2-641/2011. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

134) Решение Арбитражного суда г. Вологды от 30 марта 2012 г. по делу № А13-928/2012. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

135) Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15 августа 2011 г. по делу № А53-10128/2011. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

136) Решение Арбитражного суда Самарской области от 8 февраля 2011 г. по делу № А55-25414/2010. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

137) Решение Арбитражного суда Свердловской области от 6 ноября 2014 г. по делу № А60-39898/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

138) Решение Белгородского областного суда от 7 сентября 2018 г. по делу № 3А-139/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

139) Решение Верховного Суда Республики Калмыкия от 12 марта 2018 г. по делу № 3А-10/2018 //sudact.ru/regular/doc/vwu4de4qdrO (дата обращения: 11.07.2022).

140) Решение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 13 января 2015 г. по делу № 22-2169 /2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

141) Решение Владимирского областного суда от 2 июля 2020 г. по делу № 7-61/2020 //sudact.ru/regular/doc/c6aAH8S39dWK (дата обращения: 11.07.2022).

142) Решение Волгоградского областного суда от 2 июля 2018 г. по делу № 3А-193/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

143) Решение Вологодского областного суда от 25 октября 2018 г. по делу № 3А-235/2018 //sudact.ru/regular/doc/znUegduj4NgA (дата обращения: 11.07.2022).

144) Решение Волховского городского суда от 11 июня 2019 г. по делу № 2А-446/2019 //sudact.ru/regular/doc/UW348Vc2K9UD (дата обращения: 11.07.2022).

145) Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 9 июля 2019 г. по делу № 12-646/2019 //sudact.ru/regular/doc/kRGbIobaRf5W (дата обращения: 11.07.2022).

146) Решение Жуковского районного суда Брянской области от 6 апреля 2016 г. по делу № 12-7/2016 //sudact.ru/regular/doc/u3lNQyQсруН5 (дата обращения: 11.07.2022).

147) Решение Заволжский районный суд города Ульяновска от 14 сентября 2016 г. по делу № 11-135/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

148) Решение Ивановского областного суда от 10 ноября 2014 г. по делу № 12-200/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

149) Решение Калининского районного суда от 21 октября 2016 г. по делу № 12-793/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

150) Решение Кемеровского областного суда от 28 марта 2019 г. по делу № 3А-119/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

151) Решение Кинельского районного суда Самарской области от 5 февраля 2013 г. по делу № 5-42/2013 //sudact.ru/regular/doc/WqiFcp8oVjWl (дата обращения: 11.07.2022).

152) Решение Кинешемского городского суда Ивановской области от 22 марта 2016 г. по делу № 2-45/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

153) Решение Кировского областного суда от 2 июля 2019 г. по делу № 3а-37/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

154) Решение Копейского городского суда от 12 июля 2017 г. по делу № 2-1709/2017 //sudact.ru/regular/doc/imajKeetMilq (дата обращения: 11.07.2022).

155) Решение Копейского городского суда от 15 августа 2014 г. по делу № 1-285/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

156) Решение Костромского областного суда от 7 июля 2014 г. по делу № 33-1061/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

157) Решение Кочубеевского районного суда с. Кочубеевское от 6 апреля 2017 г. по делу № 12-32/2017 //sudact.ru/regular/doc/Ro5SWp8gvCVl (дата обращения: 11.07.2022).

158) Решение Краснинского районного суда Смоленской области от 7 сентября 2015 г. по делу № б/н. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

159) Решение Краснобаковского районного суда Нижегородской области от 22 марта 2016 г. по делу № 1-21/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

160) Решение Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 21 января 2013 г. по делу № 5-90/2013. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

161) Решение Красноярского краевого суда от 24 декабря 2015 г. по делу № 7П– 497/2015 //sudact.ru/regular/doc/YiUoElS77cdY (дата обращения: 11.07.2022).

162) Решение Лаганского районного суда г. Лагань от 14 октября 2013 г. по делу 1-1/2014. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

163) Решение Ленинградского областного суда от 13 августа 2019 г. по делу № 3А-161/2019 //sudact.ru/regular/doc/lQOByXnUimbN (дата обращения: 11.07.2022).

164) Решение Ленинградского областного суда от 13 января 2020 г. по делу № 3А-26/2020 //sudact.ru/regular/doc/leA8yXSCWyWa (дата обращения: 11.07.2022).

165) Решение Ленинградского областного суда от 2 августа 2019 г. по делу № 3А-156/2019 //sudact.ru/regular/doc/OogouG4kXcL9 (дата обращения: 11.07.2022).

166) Решение Ленинский районный суд г. Иркутска от 7 сентября 2016 г. по делу № 2-3692/2016 //sudact.ru/regular/doc/yCfGSF2OYUT (дата обращения: 11.07.2022).

167) Решение Ленинского районного суда г. Чебоксары от 31 марта 2016 г. по делу № 12-362/2016 //sudact.ru/regular/doc/J7hxjmPdO3N0 (дата обращения: 11.07.2022).

168) Решение Ленинского районного суда г. Чебоксары от 5 апреля 2016 г. по делу № 12-398/2016 //sudact.ru/regular/doc/Ll0HIQoW6IHC (дата обращения: 11.07.2022).

169) Решение Ленинского районного суда города Нижний Тагил Свердловской области от 15 марта 2011 г. по делу № 2-489/2011. — Режим доступа: СПС «Гарант».

170) Решение Липецкого областного суда от 21 февраля 2019 г. по делу № 7-15/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

171) Решение Ломоносовского районного суда города Архангельска от 27 марта 2015 г. по делу № 12-55/2015 //sudact.ru/regular/doc/J7D20HzlbAgQ (дата обращения: 11.07.2022).

172) Решение Магаданского городского суда от 17 декабря 2019 г. по делу № 2А-1857/2019 //sudact.ru/regular/doc/zLYSDcMtdNbQ (дата обращения: 11.07.2022).

173) Решение Магаданского городского суда от 7 мая 2018 г. по делу № 12-115/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

174) Решение Мамадышского районного суда Республики Татарстан от 22 сентября 2016 г. по делу № 2-733/2016. – Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

175) Решение Metallургического районного суда г. Челябинска от 12 октября 2018 г. по делу № 2-2189/2018 //sudact.ru/regular/doc/Yoj45tkvikJj (дата обращения: 11.07.2022).

176) Решение Metallургического районного суда г. Челябинска от 15 июня 2017 г. по делу № 2-1440/2017 //sudact.ru/regular/doc/pPi0iCXF2pVp (дата обращения: 11.07.2022).

177) Решение Metallургического районного суда г. Челябинска от 22 июля 2019 г. по делу № 2-1760/2019 //sudact.ru/regular/doc/fVD2YUxJlygr (дата обращения: 11.07.2022).

178) Решение мирового судьи судебного участка № 53 Вяземского района Хабаровского края от 19 августа 2013 г. по делу № б/н. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

179) Решение мирового судьи Судебного участка № 7 Железнодорожного района г. Хабаровска от 17 марта 2012 г. по делу № б/н. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

180) Решение мирового судьи Судебного участка № 20 Котельничского района Кировской области от 17 декабря 2012 г. по делу № 12-16. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

181) Решение Московского городского суда от 8 августа 2018 г. по делу № 7-9726/2018. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

182) Решение Московского областного суда от 16 июня 2020 г. по делу № 3А-1194/2019 //sudact.ru/regular/doc/z2fazXWrHnWn (дата обращения: 11.07.2022).

183) Решение Нижегородского областного суда от 2 октября 2012 г. по делу № 33-7328/2012. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

184) Решение Нижегородского областного суда от 23 января 2020 г. по делу № 3А-5/2020 //sudact.ru/regular/doc/qhJKBZUZ11rN (дата обращения: 11.07.2022).

185) Решение Нижегородского областного суда от 29 ноября 2019 г. по делу № 3А-866/2019 //sudact.ru/regular/doc/gu27OD0eyKrp (дата обращения: 11.07.2022).

186) Решение Нижегородского областного суда от 8 ноября 2019 г. по делу № 3А-784/2019 //sudact.ru/regular/doc/pZXUzbIKo91q (дата обращения: 11.07.2022).

187) Решение Новоселицкого районного суда Ставропольского края от 19 апреля 2017 г. по делу № А-180-17. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

188) Решение Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 13 сентября 2019 г. по делу № 12-182/2019 //sudact.ru/regular/doc/RM74cJoY8zV6 (дата обращения: 11.07.2022).

189) Решение Омского областного суда от 27 февраля 2020 г. по делу № 3А-78/2020 //sudact.ru/regular/doc/nmX8maSNTZZr (дата обращения: 11.07.2022).

190) Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 21 марта 2015 г. по делу № 2-7-2015. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

191) Решение Первомайского районного суда Краснодара от 25 июля 2018 г. по делу № 2А-7742/2018 //sudact.ru/regular/doc/ICDIXjzVhfdR (дата обращения: 11.07.2022).

192) Решение Ростовского областного суда от 18 октября 2018 г. по делу № 3А-441/2018 //sudact.ru/regular/doc/US388WlzQyr4 (дата обращения: 11.07.2022).

193) Решение Ростовского областного суда от 19 июня 2020 г. по делу № 3А-215/2020 //sudact.ru/regular/doc/cTVopoDNOZgm (дата обращения: 11.07.2022).

194) Решение Самарского областного суда от 29 октября 2019 г. по делу № 3А-1704/2019 //sudact.ru/regular/doc/9Jx0WjWbL6xp (дата обращения: 11.07.2022).

195) Решение Санкт-Петербургского городского суда от 14 августа 2019 г. по делу № 12-1214/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

196) Решение Северодвинского городского суда Архангельской области от 7 апреля 2016 г. по делу № 12-115/2016 //sudact.ru/regular/doc/1q5UCFpYHoV (дата обращения: 11.07.2022).

197) Решение Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 24 февраля 2011 г. по делу № 2-326/2011. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

198) Решение Смоленского областного суда от 15 марта 2017 г. по делу № 3А-4/2017. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

199) Решение Советско-Гаванского городского суда от 20 сентября 2017 г. по делу № 2а-871/2017. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

200) Решение Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 10 марта 2015 г. по делу 2-450/2015 //mbpolyakov.ru/index.php?docid=464292 (дата обращения: 11.07.2022).

201) Решение Советского районного суда г. Омска от 15 августа 2019 г. по делу № 12-219/2019 //sudact.ru/regular/doc/DwPcizqo4pgZ (дата обращения: 11.07.2022).

202) Решение Советского районного суда г. Омска от 9 октября 2014 г. по делу № 12-248. от 9 октября 2014 г. по делу № 12-248 — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

203) Решение Сосновского районного суда г. Челябинска от 16 февраля 2017 г. по делу № 2-550/2017. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

204) Решение Ставропольского краевого суда от 12 августа 2019 г. по делу № 3А-226/2019. — Режим доступа : СПС «Гарант».

205) Решение Суда по интеллектуальным правам от 16 октября 2014 г. по делу № СИП-330-2013. — Режим доступа : СПС «Гарант».

206) Решение Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2015 г. по делу № СИП-253-2014. — Режим доступа : СПС «Гарант».

207) Решение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 февраля 2012 г. по делу № 22-180/2012. — Режим доступа : СПС «Гарант».

208) Решение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21 мая 2018 г. по делу № 3А-87/2018 //sudact.ru/regular/doc/HUpGo9T0KXZb (дата обращения: 11.07.2022).

209) Решение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 26 февраля 2013 г. по делу № 33-1142. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

210) Решение Томского областного суда от 6 сентября 2019 г. по делу № 3А-47/2019 //sudact.ru/regular/doc/RsEnjltпAOWl (дата обращения: 11.07.2022).

211) Решение Тульского областного суда от 29 мая 2017 г. по делу № М-89/2017 //sudact.ru/regular/doc/mPCBSEHLLkxQ (дата обращения: 11.07.2022).

212) Решение Улуг-Хемского районного суда Республики Тыва от 27 июня 2019 г. по делу № 12-16/2019. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

213) Решение Фрунзенского районного суда города Ярославля от 22 марта 2016 г. по делу № 2-84/2016. — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

214) Решение Хабаровского краевого суда от 17 мая 2019 г. по делу № 3а-85/2019 //sudact.ru/regular/doc/zwFLQ2DxmwJT (дата обращения: 11.07.2022).

215) Решение Хабаровского краевого суда от 9 июня 2020 г. по делу № 21-317/2020 //sudact.ru/regular/doc/ATtDsXn5g1lK (дата обращения: 11.07.2022).

216) Решение Центрального районного суда г. Твери от 15 декабря 2017 г. по делу № 2А-2440/2017 //sudact.ru/regular/doc/PJe40W5Psm1C (дата обращения: 11.07.2022).

217) Решение Центрального районного суда г. Тулы от 16 сентября 2016 г. по делу № 2-2245/2016 //sudact.ru/regular/doc/КаOZ8XO7q0Ht (дата обращения: 11.07.2022).

1.4. Практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ)

218) Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства (№ 1)» (жалоба № 6538/74). — Режим доступа : СПС «Гарант».

219) Постановление ЕСПЧ от 24 апреля 1990 г. «Крюслен (Kruslin) против Франции» (жалоба № 11801/85). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

220) Постановление ЕСПЧ от 25 мая 1993 г. «Дело «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции» (жалоба № 14307/88). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

221) Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1995 г. «Дело «Прагер (Prager) и Обершлик (Obershlik) против Австрии» (жалоба № 15974/90). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

222) Постановление ЕСПЧ от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский (Baranowski) против Польши» (жалоба № 28358/95). — Режим доступа : СПС «Гарант».

223) Постановление ЕСПЧ от 28 октября 2003 г. по делу «Ракевич против России» (жалоба № 58973/00). — Режим доступа : СПС «Гарант».

224) Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2004 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 66801/01 «Ирина Александровна Ворсина (Irina Aleksandrovna Vorsina) и Наталья Александровна Вогралик (Natalya Aleksandrovna Vogralik) против Российской Федерации». — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

225) Постановление ЕСПЧ от 20 апреля 2004 г. «Дело «Амихалакиоае (Amihalachioaie) против Республики Молдова» (жалоба № 60115/00). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

226) Постановление ЕСПЧ от 18 мая 2004 г. Дело «Продан (Prodan) против Молдавии» (жалоба № 49806/99). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

227) Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. «Дело «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01). — Режим доступа : СПС «Гарант».

228) Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. «Дело «Московское отделение Армии Спасения (Moscow Branch of the Salvation Army) против Российской Федерации» (жалоба № 72881/01). — Режим доступа : СПС «Гарант».

229) Постановление ЕСПЧ от 14 декабря 2006 г. «Дело «Карман (Karman) против Российской Федерации» (жалоба № 29372/02). — Режим доступа : СПС «Гарант».

230) Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. по делу «Тулешов и другие против России» (жалоба № 32718/02). — Режим доступа : СПС «Гарант».

231) Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2007 г. «Дело «Чемодуров (Chemodurov) против Российской Федерации» (жалоба № 72683/01). — Режим доступа : СПС «Гарант».

232) Постановление ЕСПЧ от 22 октября 2007 г. «Дело «Лендон (Lindon), Очаковски-Лоран (Otchakovsky-Laurens) и Жюли (July) против Франции» (жалобы № 21279/02 и № 36448/02). — Режим доступа : СПС «Гарант».

233) Постановление ЕСПЧ от 11 декабря 2008 г. «Дело «Пановиц (Panovits) против Кипра» (жалоба № 4268/04). — Режим доступа : СПС «Гарант».

234) Постановление ЕСПЧ от 29 января 2009 г. «Дело «Андреевский (Andreyevskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 1750/03). — Режим доступа : СПС «Гарант».

235) Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2010 г. «Дело «Хаметшин (Khametshin) против Российской Федерации» (жалоба № 18487/03). — Режим доступа : СПС «Гарант».

236) Постановление ЕСПЧ от 14 октября 2010 г. по делу «А.Б. против Российской Федерации» (жалоба № 1439/06). — Режим доступа : СПС «Гарант».

237) Постановление ЕСПЧ от 15 марта 2012 г. по делу «Аксу (Aksu) против Турции» (жалоба № 4149/04 и 41029/04). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

238) Постановление ЕСПЧ от 22 января 2013 г. «Дело «ООО Ивпресс» и другие (ООО Ivpress and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 33501/04, 38608/04, 35258/05 и 35618/05). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

239) Постановление ЕСПЧ от 14 марта 2013 г. «Дело «Эон (Eon) против Франции» (жалоба № 26118/10). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

240) Постановление ЕСПЧ от 27 августа 2015 г. «Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

241) Постановление ЕСПЧ от 31 мая 2016 г. «Дело «Надтока (Nadtoka) против Российской Федерации» (жалоба № 38010/05). — Режим доступа : СПС «Гарант».

242) Постановление ЕСПЧ от 17 января 2017 г. «Дело «Хатчинсон (Hutchinson) против Соединенного Королевства» (жалоба № 57592/08). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

243) Постановление ЕСПЧ от 27 июня 2017 г. «Дело «Компании «Сатакуннан Марккинаперсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinaporssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии» (жалоба № 931/13). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

244) Постановление ЕСПЧ от 14 сентября 2017 г. «Дело «Карой Надь (Karoly Nagy) против Венгрии» (жалоба № 56665/09). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

245) Постановление ЕСПЧ от 21 ноября 2017 г. «Дело «Редакция газеты «Земляки» (Redaktsiya Gazety Zemlyaki) против Российской Федерации» (жалоба № 16224/05). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

246) Постановление ЕСПЧ от 5 марта 2018 г. «Дело «Найт-Лиман (Nait-Liman) против Швейцарии» (жалоба № 51357/07). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

247) Постановление ЕСПЧ от 20 марта 2018 г. «Дело «Радомилья и другие (Radomilja and Others) против Хорватии» (жалобы № № 37685/10 и 22768/12). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

248) Постановление ЕСПЧ от 5 марта 2019 г. «Дело «Скудаева (Skudayeva) против Российской Федерации» (жалоба № 24014/07). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

249) Постановление ЕСПЧ от 25 июня 2019 г. «Дело «Николае Вирджилиу Тэнасе (Nicolae Virgiliu Tanase) против Румынии» (жалоба № 41720/13). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

250) Постановление ЕСПЧ от 25 июня 2019 г. «Дело «Йечюс (Jeciūs) против Литвы (Lithuania)» (жалоба № 34578/97). — Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

1.5. Диссертационные исследования

251) Дербышева, Е. А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Дербышева. — Екатеринбург, 2020. — 238 с.

252) Кирсанов, В. А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Кирсанов. — М., 2001. — 23 с.

253) Магомедов, С. К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С. К. Магомедов. — М., 2004. — 154 с.

254) Парфенов, А. А. Правовая коммуникативная компетенция как содержание правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Парфенов. — Калининград, 2020. — 368 с.

255) Пирмаев, Е. В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Пирмаев. — Пенза, 2019. — 193 с.

256) Хайруллина, Р. М. Принятие и опубликование законов республик в составе Российской Федерации на государственных языках республик и опубликование федеральных законов на государственных языках республик: конституционное правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Хайруллина. — Казань, 2021. — 201 с.

257) Шепелёв, А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Шепелёв. — Н. Новгород, 2002. — 23 с.

1.6. Книги

- 258) Алексеев, С. С. Государство и право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп./ С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1996. — 176 с.
- 259) Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. — М., 1982. — Т. 2. — 361 с.
- 260) Андреева, М. В. Действие налогового законодательства во времени: Учебное пособие / под ред. С.Г. Пепеляева. — М.: Статут, 2006. — 172 с.
- 261) Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / М.С. Азаров, В.В. Астанин, И.С. Барзилова и др.; сост. Е.Р. Россинская. — М.: Проспект, 2010. — 96 с.
- 262) Бабайцев, А. Ю. Коммуникация / А. Ю. Бабайцев // Постмодернизм. Энциклопедический словарь. — Минск, 2001. — 372 с.
- 263) Белов, С. А., Кропачев, Н. М., Вербицкая, Л. А. Государственный язык России: нормы права и нормы языка / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, Л. А. Вербицкая. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. — 128 с.
- 264) Белов, С. А., Кропачев, Н. М., Ревазов, М. А. Законодательство о государственном языке в российской судебной практике / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, М. А. Ревазов. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. — 240 с.
- 265) Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Academia-Центр: МЕДИУМ, 1995. — 323 с.
- 266) Борисов, Г. А. Теория государства и права: учебник / Г. А. Борисов — Белгород. : Изд-во БелГУ. — 2007. — 292 с.
- 267) Ван Хук, М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. — 288 с.
- 268) Васьковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов: Практическое пособие / Е. В. Васьковский. — М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. — 128 с.

- 269) Власенко, Н. А. Язык права: монография / Н. А. Власенко. — Иркутск, 1997. — 176 с.
- 270) Войшвилло, Е. К. Логика: учебник для студентов вузов / М. Г. Дегтярев, Е. К. Войшвилло. — М., 2010. — 529 с.
- 271) Голев, Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та., 2006. — 348 с.
- 272) Грязин, Н. И. Текст права / Н. И. Грязин. — Таллин, 1983. — 187 с.
- 273) Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. — М.: Изд-во: «Норма Инфа-М», 2014. — 176 с.
- 274) Давыдов, К. В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории: монография / под ред. Ю.Н. Старилова. — М.: NOTA BENE, 2010. — 390 с.
- 275) Давыдова, М. Л. К вопросу о стиле языка права / Юрислингвистика – 11: право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева, К.И. Бринева. — Кемерово: КемГУ, 2011. — 600 с.
- 276) Екатерина II. О величии России / Императрица Екатерина II [Сост.: И. Я. Лосиевского]. — М. : Эксмо, 2003. — 829 с.
- 277) Жуйков, В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В. М. Жуйков. — М., 1997. — 320 с.
- 278) Иеринг, Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. — СПб, 1905. — 106 с.
- 279) Исаев, И. А. Теневая сторона закона: иррациональное в праве / И. А. Исаев. — М., 2014. — 320 с.
- 280) Каркавина, Д. Ю. Комментарий к преамбуле // Комментарий к Федеральному закону от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». — 2006.

- 281) Кашанина, Т. В. Юридическая техника / Т. В. Кашанина. — М.: Эксмо, 2007. — 437 с.
- 282) Кашанина, Т. В. Юридическая техника. -2-е изд., пересмотр. / Т. В. Кашанина. — М. :Норма :ИНФРА-М., 2011. — 496 с.
- 283) Керимов, Д. А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие / Д. А. Керимов. — М. : НОРМА, 2000. — 125 с.
- 284) Керимов, Д. А. Культура и техника законотворчества / Д. А. Керимов. — М.: Юридическая литература, 1991. — 160 с.
- 285) Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. — М.: Норма, Инфра-М, 2011. — 1008 с.
- 286) Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. — 3-е изд., пересмотр. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. — 1040 с.
- 287) Коммуникативная концепция права : вопросы теории : Обсуждение монографии А.В. Полякова. — СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т. юрид. фак, 2003. — 154 с.
- 288) Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных учёных / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. —СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. — 373 с.
- 289) Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / Рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев / Науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. — М.: Статут, 2013. — 688 с.
- 290) Коркунов, Н. М. Курс лекций по общей теории права / Н. М. Коркунов. — СПб., 1907. — 354 с.
- 291) Краснов, Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. — М.: Юстицинформ, 2014. — 536 с.

292) Кудашкин, А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика / А. В. Кудашкин. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2012. — 368 с.

293) Лассаль, Ф. Система приобретенных прав/ Ф. Лассаль. — Соч.: в 3 т. Т. III. — СПб., 1908. — 1160 с.

294) Матузов, Н. И., Малько, А. В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп./ Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М.: Юристъ, 2004. — 512 с.

295) Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье — М., 1955. — С. 651-654 [Электронный ресурс] : Электронная библиотека «Платонанет». — Режим доступа: <https://clck.ru/Vv67R> (дата обращения: 14.07.2022).

296) Морозова, Л. А. Язык и право / Л.А. Морозова, Т.Д. Зражевская // Право: сб. учеб. программ. — М.: Юрист, 2001. — 206 с.

297) Мучник, Б. С. Основы стилистики и редактирования / Б. С. Мучник. — Ростов-на-Дону, 1997. — 480 с.

298) Никифоров, М. В. Субъекты административного нормотворчества: монография / М. В. Никифоров. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2012. — 208 с.

299) Осадчий, М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. — М., 2018 г. — 254 с.

300) Пиголкин, А. С. Опубликование нормативных актов / под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1978. — 168 с.

301) Пиголкин, А. С. Оформление проектов нормативных правовых актов (законодательная техника) // Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации / Под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1998. — 272 с.

302) Пиголкин, А. С. Язык закона: черты, особенности / А. С. Пиголкин // Язык закона. — М., 1990. — 192 с.

303) Поляков, А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды / А. В. Поляков. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. — 575 с.

304) Поляков, А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций / А. В. Поляков. — СПб., 2003. — 845 с.

305) Поляков, А. В. Право и коммуникация // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. — СПб.: ИГ «Юрист», 2003. — 576 с.

306) Пресняков, М. В. Конституционная концепция принципа справедливости / Под. Ред. Г.Н. Комковой. — М., 2009. — 397 с.

307) Рахманин, Л. В. Стилистика деловой речи редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. — М., 2015. — 256 с.

308) Российское законодательство: проблемы и перспективы / Абрамова А. И., Боголюбов С. А., Брагинский М. И. и др.; Редкол.: Л. А. Окуньков (гл. ред.) и др.; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — М. : Бек, 1995. — XVII. — 457 с.

309) Соколова, М. А. Дефекты юридических документов: монография / М. А. Соколова. — М., 2016. — 89 с.

310) Сочинения князя М.М. Щербатова. - СПб.: Кн. Б.С. Щербатов, 1896-1898. В 2-х томах: Т. 1: Политические сочинения / Под ред. И.П. Хрущова. - 1896., 1060 стб., Т. 2: Статьи историко-политические и философские / Под ред. И.П. Хрущова и А.Г. Воронова. — 1898. — 630 стб.

311) Татищев, В. Н. Избранные произведения / В. Н. Татищев. — Л.: Наука, 1979. — 464 с.

312) Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Школа «Русский язык», 1996. — 288 с.

313) Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Городец, 2003. — 544 с.

314) Трошева, С. Б. Литературный язык / С. Б. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. — М., 2011. — 696 с.

315) Ушаков, А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Ч. 1, 2 / А. А. Ушаков. — Пермь, 1967. — 206 с.

316) Фарман, И. П. Модель коммуникативной рациональности (на основе социально-культурной концепции Юргена Хабермаса) // Рациональность на перепутье : В 2 кн. / Редкол.: П. П. Гайденко и др. — М. : РОССПЭН, 1999. Кн. 1 / Отв. ред. В. А. Лекторский. — С. 264-292.

317) Фуллер, Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер ; пер. с англ. Т. Даниловой. Изд. перераб. и доп. — М.: ИРИСЭН, 2007. — 305 с.

318) Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб., 2000. — 606 с.

319) Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А. Ф. Черданцев. — М., 2012. — 320 с.

320) Чухвичев, Д. В. Законодательная техника / Д. В. Чухвичев. — М.: Юнити-Дана, 2012. — 415 с.

321) Щур-Труханович, Л. В. Юридическое содержание системы международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана. 2012 // СПС «КонсультантПлюс». — 2012.

322) Эрделевский, А. М. О толковании закона // СПС «КонсультантПлюс». — 2001.

1.7. Статьи

323) Айрапетян, А. С. Закрепление правового режима русского языка в советских конституциях / А. С. Айрапетян // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2011. — № 2 (78). — С. 35-38.

324) Акишин, М. О. Государственные преобразования и юридический язык Российской империи XVIII века / М.О. Акишин // Genesis: исторические исследования. — 2016. — № 4. — С. 51-72.

325) Алаторцев, А. Ю. Критерии определенности уголовного закона в практике Европейского суда по правам человека / А. Ю. Алаторцев // Научные труды. Российская академия юридических наук. — М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юрист». — 2017. — С. 586-589.

326) Алаторцев, А. Ю. Проблема определенности уголовного закона в решениях Конституционного Суда России и Федерального конституционного суда Германии / А. Ю. Алаторцев // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 1. — С. 118–133.

327) Антонов, М. В. Право и коммуникация. Рецензия на книгу: Provencher G. Droit et communication: liaisons constates. Reflexions sur la relation entre la communication et le droit. Bruxelles: E.M.E., 2013. 204 p. / М. В. Антонов // Правоведение. — 2014. — № 4 (315). — С. 270-276.

328) Антонов, М. В., Поляков А. В. Правовая коммуникация и современное государство / М. В. Антонов, А. В. Поляков // Правоведение. — 2011. — № 6 (299). — С. 214-220.

329) Антонов, М. В., Поляков, А. В., Честнов, В. Л. Коммуникативный подход и российская теория права / М. В. Антонов, А. В. Поляков, В. Л. Честнов // Правоведение. — 2013. — № 6 (311). — С. 78-95.

330) Архипов, С. И. Понятие правовой коммуникации / С. И. Архипов // Российский юридический журнал. — 2008. — № 6. — С. 7-17.

331) Атарщикова, Е. Н. Интегративная функция правовой культуры в развитии языка и права / Е. Н. Атарщикова // Юрислингвистика. — 2004. — № 5. — С. 180-197.

332) Афанасьев, С., Урошлева, А. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации / С. Афанасьев, А. Урошлева // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 5. — С. 139–153.

333) Ахметова, С. В. Язык судебных документов / С. В. Ахметова // Юридическая наука. — 2017. — № 3. — С. 18-22.

334) Бабич, М. Е. Лицензирование деятельности по обращению с отходами: проблемы правоприменения / М. Е. Бабич // Справочник эколога. — 2016. — № 7. — С. 24–37.

335) Базавлук, Л. М. О некоторых особенностях лингвистического анализа и редактирования юридического текста / Л. М. Базавлук // Формирование и совершенствование поликультурной языковой личности специалистов средствами родного, русского и иностранного языков: Сборник материалов всероссийского «круглого стола». 22 октября 2015 г. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2016. — С. 15-21.

336) Базавлук, Л. М. Язык закона как особый юридический язык / Л. М. Базавлук // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2017. — № 4 (73). — С. 145-148.

337) Баранов, В. А., Баранова, Е. В. Актуальные вопросы квалификации административного правонарушения, связанного с несообщением таможенным органам о прерывании доставки товара / В. А. Баранов, Е. В. Баранова // Юрист. — 2010. — № 10. — С. 20-28.

338) Батюшкина, М. В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) / М. В. Батюшкина // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — Т. 22. — № 1 (81). — С. 207-215.

339) Бачило, И. Л. Право и закон: инфокоммуникативный аспект / И. Л. Бачило // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2013. — №. 4. — С. 37-47.

340) Белов, С. А. Кропачев, Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? / С. А. Белов, Н. М. Кропачев // Закон. — 2016. — №10. — С. 100-112.

341) Белов, С. А. Правовые требования к использованию русского языка в России / С. А. Белов // Меди@льманах. — 2020. — № 6 (101). — С. 152-163.

342) Белов, С. А. Признание нормативных актов недействительными вследствие неопределённости их положений [Электронный ресурс] // Портал «Мониторинг правоприменения»: [сайт]. — Режим доступа: URL: <https://clck.ru/Vv53G> (дата обращения: 14.07.2022).

343) Белов, С. А., Кропачев, Н. М., Ревазов, М. А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, М. А. Ревазов // Закон. — 2017. — № 3. — С. 103-115.

344) Белов, С. А., Кропачев, Н. М., Ревазов, М. А. Мониторинг правоприменения в СПбГУ / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, М. А. Ревазов // Закон. — 2018. — № 3. — С. 67-74.

345) Белов, С. А., Ревазов, М. А. Теория и практика толкования юридических документов судами с использованием словарей / С. А. Белов, М. А. Ревазов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 4-26.

346) Белов, С. А., Тарасова, К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / С. А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Право. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 610-625.

347) Белоконь, Л. В. Культура языка и язык права / Л. В. Белоконь // Юридическая техника. — 2016. — № 10. — С. 576-578.

348) Беляева, О. А. Правовое регулирование закупок, осуществляемых бюджетным учреждением за счет средств от приносящей доход деятельности // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М. — 2016. — Вып. 21. — С. 129–145.

349) Берченко, А. Я. Еще раз о проблеме права и закона / А. Я. Берченко // Журнал российского права. — 1999. — № 3-4. — С. 78-81.

350) Блинов, А. Б. Акты Президента РФ и их оспаривание / А. Б. Блинов // Государственная власть и местное самоуправление. — 2017. — № 1. — С. 54–58.

351) Богомолов, А. Б. Применение судами общей юрисдикции правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / А. Б. Богомолов // Российское правосудие. — 2010. — № 1. — С. 61–66.

352) Боженок, С. А. Уголовная ответственность за неправомерный оборот средств платежей / С. А. Боженок // Судья. — 2016. — № 4. — С. 41–43.

353) Бондарь, Н. С. Правовая определённость – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 10. — С. 4-10.

354) Булатова, Ю. В. Правотворческая техника как составляющая правовой экспертизы управленческих решений / Ю. В. Булатова // Современное право. — 2009. — № 6. — С. 6-10.

355) Вавилова, А. А. Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта / А. А. Вавилова // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 81-92.

356) Ван Хук, М. Право как коммуникация / М. Ван Хук // Правоведение. — 2006. — № 2 (265). — С. 44-54.

357) Васев, И. И. Грамматический и системный способы толкования норм права: характер взаимодействия / И. И. Васев // Юрислингвистика. — 2018. — № 7-8. — С. 17-26.

358) Васильева, Л. Н. Двухязычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы / Л. Н. Васильева // Журнал российского права. — 2008. — № 8. — С. 24-32.

359) Вербицкая, Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию / Л. А. Вербицкая // Российский гуманитарный журнал. — 2015. — Vol. 4. — № 2. — С. 90–97.

360) Воеводина, А. И. Проблемы квалификации незаконной банковской деятельности / А. И. Воеводина // Безопасность бизнеса. — 2015. — № 3. — С. 32–35.

361) Воронежский, П. М. К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений / П. М. Воронежский // Журнал российского права. — 2007. — № 11. — С. 40–48.

362) Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева на VIII Всероссийском съезде судей // Российская юстиция. — 2013. — № 2. — С. 10–13.

363) Гаджиев, Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения / Г. А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 4. — С. 16–28.

364) Гаджиев, Г. А., Коваленко, К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии / Г. А. Гаджиев, К. А. Коваленко // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 5. — С. 12–19.

365) Галяшина, Е. И. Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции / Е. И. Галяшина // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 2. — С. 147–151.

366) Герасимович, Л. И., Червонюк, В. И. Язык конституционного права и конституционно-правовая терминология / Л. И. Герасимович, В. И. Червонюк // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2017. — № 4. — С. 94–97.

367) Графский, В. Г. Правовая коммуникация и правовое общение / В. Г. Графский // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2013. — № 4. — С. 25–36.

368) Громицарис, А., Кравиц, В., Федделер, К. Правовая коммуникация в современной правовой системе / А. Громицарис, В. Кравиц, К. Федделер // Правоведение. — 2013. — № 6 (311). — С. 58–77.

369) Губаева, Т. В., Малков, В. П. Государственный язык и его правовой статус / Т. В. Губаева, В. П. Малков // Государство и право. — 1999. — № 7. — С. 5-13.

370) Давыдова, М. Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление / М. Л. Давыдова. — М.: «Юридический центр пресс». — 2009. — С. 120-122.

371) Доровских, Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» / Е. М. Доровских // Журнал российского права. — 2007. — № 12. — С. 8-20.

372) Елинский, А. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ об ответственности за преступления в сфере экономики / А. В. Елинский // Российский следователь. — 2011. — № 22. — С. 15 – 19.

373) Елистратова, В. В. Современный юридический язык: взаимосвязь языка и права / В. В. Елистратова // Язык и мир изучаемого языка. — 2016. — № 7. — С. 16-19.

374) Ершова, И. В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике / И. В. Ершова // Lex russica. — 2014. — № 2. — С. 160–167.

375) Зорькин, В. Д. Конституционно-правовые аспекты налогового права в России и практика Конституционного Суда / В. Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. — 2006. — С. 98-106.

376) Каргина, Е. М. Интонационная структура текста как самостоятельной единицы коммуникации / Е. М. Каргина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 1 (435). — С. 68-73.

377) Катречко, Н. А. Закон как ключ к справедливости (на материале немецкого языка) / Н. А. Катречко // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. — 2009. — № 2 (4). — С. 136-140.

378) Копин, Д. В. Конституционные принципы установления налоговой обязанности: ретроспектива основополагающих актов

Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения / Д. В. Копин // *Налоги*. — 2016. — № 24. — С. 10–14.

379) Кравиц, В. Современное право и система права в перспективе теории коммуникации / В. Кравиц // *Российский ежегодник теории права*. — 2011. — № 4. — С. 174–185.

380) Кравчук, Ю. С. К вопросу о составе юридической терминологии: недвижимость / realty в английском и русском языках / Ю. С. Кравчук // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. — 2021. — Т. 7. — № 1. — С. 96–103.

381) Кряжков, В. А. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: практика и проблемы / В. А. Кряжков // *Вестник Конституционного Суда РФ*. — 1997. — № 3. — С. 8–9.

382) Кряжкова, О. Н., Рудт, Ю. А. Расстановка мест слагаемых в решениях конституционных судов: почему сумма меняется? / О. Н. Кряжкова, Ю. А. Рудт // *Сравнительное конституционное обозрение*. — 2015. — № 5. — С. 120–135.

383) Кулакова, Ю. Ю. Язык права / Ю. Ю. Калакова // *Юридическая техника*. — 2007. — № 1. — С. 217–220.

384) Кунина, М. Н. Институциональный характер языка права / М. Н. Кунина // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2017. — № 1 (35). — С. 198–201.

385) Лазарева, В. В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность / В. В. Лазарева // *Законодательство и экономика*. — 2008. — № 5. — С. 5–13.

386) Ленин, В. И. Нужен ли обязательный государственный язык // *Пролетарская Правда*. № 14 (32). 18 января 1914 г. // *Полное собрание сочинений В.И. Ленина*. — 5-е издание, Т. 24. — С. 293–295.

387) Леонова, Е. П. Социальные функции языка / Е. П. Леонова // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. — 2011. — № 10. — С. 129–132.

388) Летучин, Т. А. Институциональные характеристики судебного дискурса как разновидности дискурса юридического (на материале французского языка) / Т.А. Летучн // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. — 2012. — Вып. 10(643). — С. 74–82.

389) Макушина, Е. Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения / Е. Б. Макушина // Вестник Челябинского университета. — Сер. 9. Право. — 2004. — №1. — С. 141-143.

390) Манташян, А. О. Принцип определённости в современном гражданском процессе / А. О. Манташян // Мировой судья. — 2011. — № 5. — С. 18-20.

391) Медоева, Б. К. Соотношение процедур оценки регулирующего воздействия и экспертиз в российском нормотворчестве / Б. К. Медоева // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 223-236.

392) Мушнина, М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии / М. М. Мушнина // Юрислингвистика. — 2004. — № 5. — С. 18-30.

393) Натансон, Э. А. Требования, предъявляемые к научным и техническим терминам / Э. А. Натансон // Научно-техническая информация. — 1966. — № 1. — С. 3-9.

394) Омельченко, О. А. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России / О. А. Омельченко // Проблемы политической и правовой идеологии. — М.: ВЮЗИ, 1989. — С. 71–108.

395) Палеха, Р. Р. Правовая коммуникация в механизме правового воздействия // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов международной научной конференции. — Воронеж, 2020. — С. 225-229.

396) Петров, А. А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические

проблемы / А. А. Петров // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 2. — С. 95-110.

397) Пиголкин, А. С. Язык закона / А. С. Пиголкин // Правоведение. — 1991. — № 5. — С. 108-110.

398) Побережная, И. А. Конституционное регулирование порядка опубликования нормативных правовых актов на государственных языках республик в составе Российской Федерации / И. А. Побережная // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — №5 (43). — С. 34–37.

399) Полищук, Н. И. Функциональная ценность принципа правовой определённости в нормотворческой политике государства / Н. И. Полищук // Правовое государство: теория и практика. — 2017. — № 4 (50). — С. 115-120.

400) Поляков, А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А. В. Поляков // Правоведение. — 2006. — № 2 (265). — С. 26-43.

401) Поляков, А. В. Право, государство, коммуникация. Социальное правовое государство: вопросы теории и практики: материалы межвузовской научно-практической конференции / Сост. Н.С. Нижник, Н.А. Чекунов; под ред. Д.И. Луковской. — СПб. — 2003. — С. 17-27.

402) Поляков, А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права / А. В. Поляков // Российский ежегодник теории права. — 2008. — № 1. — С. 9-42.

403) Поляков, А. В. Российская идея «возрождённого естественного права» как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев v. Л.И. Петражицкий) / А. В. Поляков // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2013. — №. 4. — С. 117-144.

404) Попов, В. И. Коммуникативная функция права / В. И. Попов // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 2. — С. 19-22.

405) Потапова, Р. К., Потапов, В. В. Семантическое поле «наркотики». Дискурс как объект прикладной лингвистики / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. — М.: Едиториал УРСС. — 2004. — С. 137–138.

406) Пресняков, М. В. Правовая определённость как качество права / М. В. Пресняков // Гражданин и право. — 2012. — № 10. — С. 20-35.

407) Пфферсманн, О. Ономастический софизм: изменять, а не познавать (о толковании Конституции) / О. Пфферсманн // Правоведение. — № 4. — 2012. — С. 104-132.

408) Ревазов, М. А. Буквальное толкование юридических документов в российской судебной практике // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. Международная научно-практическая конференция. — СПб.: Первый класс. — 2021. — С. 33-50.

409) Ревазов, М. А. Конституционные требования к языку нормативных актов / М. А. Ревазов // Журнал конституционного правосудия. — 2020. — № 1. — С. 26-31.

410) Ревазов, М. А. Мониторинг правоприменения в судебной практике [Электронный ресурс] // Портал «Мониторинг правоприменения»: [сайт]. — Режим доступа: URL: <https://clck.ru/Vv6RP> (дата обращения: 14.07.2022).

411) Ревазов, М. А. Проблемы перевода юридических документов и принятия многоязычных актов / М. А. Ревазов // Закон. — 2023. — № 1. — С. 176-189.

412) Ревазов, М. А. Язык опубликования нормативных актов: проблемы двуязычия регионального законодательства и пути их решения / М. А. Ревазов // Вопросы этнополитики. — 2020. — № 2. — С. 54-67.

413) Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И. К вопросу о форме и содержании заключения эксперта антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 10. — С. 1310–1315.

414) Руднев, Д. В., Садова, Т. С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации

Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») / Д. В. Руднев, Т. С. Садова // Журнал российского права. — 2017. — № 2. — С. 56–66.

415) Савельев, Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации / Д. А. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 1. — С. 50–74.

416) Сафина, С. Б. Стиль и язык конституций: региональный аспект / С. Б. Сафина // Вестник ВЭГУ. — 2013. — № 2 (64). — С. 65-71.

417) Сергевнин, С. Л., Бушев, Е. А., Кузнецов, Д. А. Принцип правовой определённости: некоторые подходы Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека. Сравнительно-правовой анализ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 года № 14-П и Постановления Европейского Суда по правам человека от 28 марта 2017 года по делу «З.А. и другие против России» / С. Л. Сергевнин, Е. А. Бушев, Д. А. Кузнецов // Журнал конституционного правосудия. — 2018. — № 1 (61). — С. 31-40.

418) Слепкова, О. А. Классификация видов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной таможенной службы Российской Федерации / О. А. Слепкова // Административное и муниципальное право. — 2013. — № 12. — С. 1168–1173.

419) Соколов, Н. Я. Официальное опубликование нормативных правовых актов и правовая информированность юристов / Н. Я. Соколов // Вестник Российской правовой академии. — 2011. — № 3. — С. 19–24.

420) Соктоев, З. Б. Причинная связь в дорожно-транспортных преступлениях / З. Б. Соктоев // Lex russica. — 2013. — № 7. — С. 706–717.

421) Соловьев, О. Г., Гончарова, Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе / О. Г. Соловьев, Ю. О. Гончарова // Вестник

Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 15. — № 1 (55). — С. 76-83.

422) Сорокин, В. В. Язык и право / В. В. Сорокин // Юрислингвистика. — 2020. — № 15 (26). — С. 5-7.

423) Сорокина, Ю. В. Язык и правовая коммуникация / Ю. В. Сорокина // История государства и права. — 2016. — № 5. — С. 32-37.

424) Сухинина, И. Жанр и язык постановлений Конституционного Суда РФ / И. Сухинина // Российская юстиция. — 2001. — № 10. — С. 26–27.

425) Сырых, В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины / В. М. Сырых // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. — Н. Новгород. — 2001. — Т. 1. — С. 9-24.

426) Таева, Н. Е. Некоторые проблемы выявления конституционно-правового смысла норм Конституционным Судом РФ / Н. Е. Таева // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 12. — С. 24–28.

427) Терехина, А. П. Правовые принципы налогообложения / А. П. Терехина // Финансовое право. — 2012. — № 5. — С. 33–39.

428) Тилле, А. А. Презумпция знания законов / А. А. Тилле // Правоведение. — 1969. — № 3. — С. 34–39.

429) Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. II. — 1965. — С. 256-260.

430) Усманова, Е. Ф., Паулова, Ю. Е. Понятие и значение экспертизы законопроектов в современной России / Е. Ф. Усманова, Ю. Е. Паулова // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 3 (183). — С. 99-101.

431) Халиулин, В. Е. Правовая коммуникация как основа становления и функционирования гражданского общества / В. Е. Халиулин // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2007. — № 6 (58). — С. 20-23.

432) Чепурнова, Н. М. Решения Конституционного Суда РФ как образец юридической гармонии / Н. М. Чепурнова // Российская юстиция. — 2001. — № 10. — С. 28 – 31.

433) Червонюк, В. И. Государство, право, глобализация / В. И. Червонюк // Государство и право. — 2003. — № 8. — С. 94–97.

434) Червяковский, А. В. Нормативное регулирование вопросов официального опубликования законов в Конституции Российской Федерации и конституциях государств ближнего зарубежья / А. В. Червяковский // Современное право. — 2016. — № 10. — С. 17–20.

435) Честнов, И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии / И. Л. Честнов // Правоведение. — 2014. — № 5 (316). — С. 31-41.

436) Шарафутдинова, О. И., Поповская, В. И. Текст закона: специальный vs неспециальный / О. М. Шарафутдинова, В. И. Поповская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 12 (446). — С. 172-177.

437) Шепелёв, А. Н. Теория юридического языка / А. Н. Шепелёв // Правовая политика и правовая жизнь. — 2015. — № 2. — С. 137–143.

438) Шмелев, А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы - есть ли проблема? / А. Д. Шмелев // Русская речь. — 2020. — № 4. — С. 42-53.

439) Юртаева, Е. А. Нормативность законодательства: современные модуляции в российском правотворчестве / Е. А. Юртаева // Журнал российского права. — 2012. — № 11. — С. 28–39.

2. Источники на английском языке

2.1. Судебная практика

440) *Abbott v. Abbott*, № 08-645 (2010) // *Supremecourt* : сайт. — URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/09pdf/08-645.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

441) *Ali v. Federal Bureau of Prisons, et al.* 552 U.S. 214 (2008) // FindLaw : сайт. — URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/552/214.html> (дата обращения: 14.07.2022).

442) *Arizona State Legislature v. Arizona Independent Redistricting Commission, et al.* № 13-1314 (2015) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/576/13-1314/case.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

443) *Carcieri, Government of Rhode Island, et al. v. Salazar, Secretary of the Interior, et al.* 555 U.S. 379 (2009) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/555/379/> (дата обращения: 14.07.2022).

444) *Feltner v. Columbia Pictures Television, Inc.*, 523 U.S. 340 (1998) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/523/340/> (дата обращения: 14.07.2022).

445) *James v. United States*, 550 U.S. 192 (2007) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/550/192/> (дата обращения: 14.07.2022).

446) *Mont v. United States* № 17-8995 (2019) // Supremecourt : сайт. — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/18pdf/17-8995_new_097c.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

447) *Morrison, et al. v. National Australia Bank, Ltd, et al.*, 08 1191 (2010) // Supremecourt : сайт. — URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/09pdf/08-1191.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

448) *Negusie v. Holder, Attorney general* 555 U.S. 511 (2009) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/555/511/> (дата обращения: 14.07.2022).

449) *New Prime Inc. v. Oliveira* № 17-340 (2019) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/586/17-340/> (дата обращения: 14.07.2022).

450) *Packingham v. North Carolina* № 15-1194 (2017) // *Supremecourt* : сайт. — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/16pdf/15-1194_0811.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

451) *Rapanos v. United States*, 547 U.S. 715 (2006) // *Supreme.justia* : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/547/715/> (дата обращения: 14.07.2022).

452) *Republic of Sudan v. Harrison, et al.* №. 16-1094 (2019) // *Supreme.justia* : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/587/16-1094/case.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

453) *Rutledge v. Pharmaceutical Care Management Assn.* 592 U.S. № 18-540 (2020) // *Supreme.justia* : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/592/18-540/> (дата обращения: 14.07.2022).

454) *Sosa v. Alvarez-Machain*, 542 U.S. 692 (2004) // *Supreme.justia* : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/544/385/> (дата обращения: 14.07.2022).

455) *Tanzin v. Tanvir* 592 U.S. № 19-71 (2020) // *Supreme.justia* : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/592/19-71/> (дата обращения: 14.07.2022).

456) *Trump v. New York* 592 U.S. № 20-366 (2020) // *Supreme.justia* : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/592/20-366/> (дата обращения: 14.07.2022).

457) *U.S. LEC of Tenn., Inc. v. Tenn. Regulatory Auth.*, № M2004-01417-COA-R12CV, 2006 WL 1005134, at *5 (Tenn. Ct. App. Apr. 17, 2006) // *Courtlistener* : сайт. — URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1053188/us-lec-of-tennessee-inc-v-tennessee-regulatory-aut/> (дата обращения: 14.07.2022).

458) *United States v. American Trucking Assns*, 310 U.S. 534, 543 (1940) // *Courtlistener* : сайт. — URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1053188/us-lec-of-tennessee-inc-v-tennessee-regulatory-aut/> (дата обращения: 14.07.2022).

459) *United States v. Briggs* 592 U.S. № 19-108 (2020) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/592/19-108/> (дата обращения: 14.07.2022).

460) *United States v. Santos, et al.*, 553 U.S. 507 (2008) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/507/> (дата обращения: 14.07.2022).

461) *Verizon Communications, Inc. v. FCC*, 535 U.S. 467 (2002) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/535/467/> (дата обращения: 14.07.2022).

462) *Virginia v. Black, et al.* 538 U.S. 343 (2003) // Supreme.justia : сайт. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/538/343/> (дата обращения: 14.07.2022).

463) *Wisconsin Central Ltd, et al. v. United States* № 17-530 (2018) // Supremecourt : сайт. — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/17-530_6537.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

2.2. Статъи

464) «Glorious uncertainty of the law» from Thompson's tradesman's Law library // U.S. Intelligencer & rev. — 1831. — P. 124-126.

465) Aprill, E.P. The Law of the Word: Dictionary Shopping in the Supreme Court // *Ariz. St. L.J.* — Vol. 30. — 1998. — P. 275-336.

466) Bairtos, R. T. The uncertainty of the law // *Virginia Law Journal*. — 1886. — P. 449-452.

467) Baude, W., Sachs, S.E. The Law of Interpretation // *Harvard Law Review*. — Vol. 130, No. 4. — 2017. — P. 1079-1147.

468) Blinova, O.V., Belov, S., Revazov, M.A. Decisions of Russian Constitutional Court: lexical complexity analysis in shallow diachrony // *CEUR Workshop Proceedings. Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» (IMS-2020)*. Radomir V. Bolgov, Andrei V. Chugunov, Alexander E. Voiskounsky (eds.). — 2021. — P. 61-74.

- 469) Brudney, J., Baum, L. Oasis or Mirage: The Supreme Court's Thirst for Dictionaries in the Rehnquist and Roberts Eras // *Wm. & Mary L. Rev.* — Vol. 55. — 2013. — P. 483-580.
- 470) Cooley, T. M. The uncertainty of the law // *Am. L. Rev.* — 1888. — P. 347-370.
- 471) Coon, N. 162 Years of Dictionary Use in the Oregon Appellate Courts. *Willamette Law Review.* — Vol. 55, No. 2. — 2019. — P. 213-260.
- 472) D'Amato, A. Legal Uncertainty // *Cal. L. Rev.* — 1983. — Vol. 1. — P. 1-55.
- 473) *Dictionaries: The Art & Craft of Lexicography* by Sidney I. Landau, Cambridge; New York: Cambridge University Press. — 1989. — 370 p.
- 474) Eskridge, W. N. *Cases And Materials On Legislation: Statutes And The Creation Of Public Policy*, 2d ed. — 1995. — 970 p.
- 475) Garner, B. A. Speak of the Dictionary // *Student Lawyer.* — Vol. 41, No. 6. — 2013. — P. 16-17.
- 476) Green, S. D. Understanding CERCLA through Webster's New World Dictionary and State Common Law: Forestalling the Federalization of Property Law // *New England Law Review.* — Vol. 44, No. 4. — 2010. — P. 835-868;
- 477) Hutton, C. Objectification and Transgender Jurisprudence: The Dictionary as Quasi-Statute // *Hong Kong Law Journal.* — Vol. 41, No. 1. — 2011. — P. 27-48.
- 478) Jackson, H. *Lexicography: An Introduction.* — 2002. — 141 p.
- 479) Karkkainen, B.C. «Plain Meaning»: Justice Scalia's Jurisprudence of Strict Statutory Construction // *Harv. J.L. & Pub. Pol'y.* — Vol. 17. — 1994. — P. 401-480.
- 480) Kaye, D. H. The Dictionary and the Database // *Jurimetrics.* — Vol. 53, No. 4. — 2013. — P. 389-394.
- 481) Kirchmeier, J. L. Scaling the Lexicon Fortress: The United States Supreme Court's Use of Dictionaries in the Twenty-First Century // *Marquette Law Review.* — Vol. 94, No. 1. — 2010. — P. 77-262.

- 482) Klinck, D. R. *The Language of Codification* // *Queen's L.J.* — 1989. — P. 33-65.
- 483) Korhecz, T. *Official Language and Rule of Law: Official Language Legislation and Policy in Vojvodina Province, Serbia* // *Int'l J. on Minority & Group Rts.* — 2008. — P. 457-488.
- 484) MacNeil, I. *Uncertainty in Commercial Law* // *Edinburgh L. Rev.* — 2009. — P. 68-99.
- 485) Mascott, J. L. *The Dictionary as a Specialized Corpus* // *Brigham Young University Law Review.* — Vol. 2017, No. 6. — 2017. — P. 1557-1588.
- 486) Mersky, R. M. *The Dictionary and the Man: Eighth Edition of Black's Law Dictionary* // *Washington and Lee Law Review.* — Vol. 63, No. 2. — 2006. — P. 719-736.
- 487) Mouritsen, S. C. *The Dictionary is Not a Fortress: Definitional Fallacies and a Corpus-Based Approach to Plain Meaning* // *Brigham Young University Law Review.* — Vol. 2010, No 5. — 2010. — P. 1915-1980.
- 488) Nelson, C. *Originalism and Interpretive Conventions* // *U. Chi. L. Rev.* — Vol. 70. — 2003. — P. 519-598.
- 489) Pierce, R. J., *The Supreme Court's New Hypertextualism: An Invitation to Cacophony and Incoherence in the Administrative State* // *Colum. L. Rev.* — Vol. 95. — 1995. — P. 749-781.
- 490) Rasmussen, R. K., *A Study of the Costs and Benefits of Textualism: The Supreme Court's Bankruptcy Cases* // *Wash. U. L. Q.* — Vol. 71 — 1993. — P. 535-598.
- 491) Rodriguez, C.M. *Language and Participation* // *Cal. L. Rev.* — 2006. — P. 687-767.
- 492) Ross, A. *Directives and norms.* New York: Humanities Press. —1968. — 188 p.
- 493) Ross, S. M. *On legalities and linguistics: plain language legislation ..* *Buff. L. Rev.* — 1981. — P. 317-362.

494) Ross, S. M. Committee on Regulation of Consumer Credit «Plain Language Legislation» // *Bus. Law.* — 1979-1980. — P. 317-363.

495) Scalia, A. Common-Law Courts in a Civil-Law System: The Role of United States Federal Courts in Interpreting the Constitution and Laws // *The Tanner Lectures on Human values*, delivered at Princeton University at March 8 and 9. — 1995. — P.77-121.

496) Schroth, P. W. Language and Law // *Am. J. Comp. L. Supp.* — 1998. — P. 17-39.

497) Sudha, S. The President's Private Dictionary: How Secret Definitions Undermine Domestic and Transnational Efforts at Executive Branch Accountability // *Indiana Journal of Global Legal Studies.* — Vol. 24, No. 2. — 2017. — P. 513-546.

498) Tamayo, Y. A. «Official language» legislation: literal silencing // *Harv. Blackletter L. J.* — 1997. — P. 107-126.

499) Tankersley, D. C. Beyond the Dictionary: Why Sua Sponte Judicial Use of Corpus Linguistics Is Not Appropriate for Statutory Interpretation // *Mississippi Law Journal.* — Vol. 87, No. 4. — 2018. — P. 641-678.

500) *The Dictionary and the Law* // *Journal of Legal History.* — Vol. 10, No. 3. — 1989. — P. 389-391.

501) The Hon Justice G.T. Pagone. Tax uncertainty // *Melb. U. L. Rev.* — 2009. — P. 886-907.

502) Thumma, S. A., Kirchmeier, J.L, The Lexicon Has Become a Fortress: The United States Supreme Court's Use of Dictionaries // *Buff L. Rev.* — Vol. 47. — 1999. — P. 227-302.

503) Yates, S. Black's Law Dictionary: The Making of an American Standard // *Law Library Journal.* — Vol. 103, No. 2. — 2011. — P. 175-198.

504) Zeppos, N. S, Justice Scalia's Textualism: The «New» New Legal Process // *Cardozo L. Rev.* — Vol. 12. — 1991. — P. 1597-1650.

2.3. Справочные материалы

- 505) Atkins, B., Rundell, M. *The Oxford guide to practical lexicography* // Oxford university press. — 2008. — 540 p.
- 506) Garner, B. A editor in chief. *Black's Law Dictionary*. — St. Paul, MN :Thomson Reuters. — 2014. — 2016 p.
- 507) Landau, S. I. *Dictionaries : the art and craft of lexicography*. — Cambridge University Press Cambridge ; New York.— 2001. — 477 p.
- 508) Law, J., Martin, E. A. *A Dictionary of Law*. 7 ed. — Oxford University Press. — 2014. — 602 p.
- 509) Stevenson, A. *Oxford Dictionary of English*. — Oxford University Press. — 2017. — 2069 p.
- 510) *The Concise Oxford Dictionary of Mathematics*, 3 ed. // Oxford University Press. — 2005. — 512 p.
- 511) *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*, Unabridged. — Springfield, Mass. :Merriam-Webster. — 2002. — 2764 p.